

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

865

4. 1-

HARVARD LAW LIBRARY

Received **SEP 24 1931**

Въ Кіевѣ. Николаю Карловичу Ренненкампфу.
Отъ автора.

Даръ Н. Некроче № 153
VI

ХАРАКТЕРИСТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

И

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

Н. Иванова.

Die Vervollkommnung des Völker-
rechts begleitet und sichert die Ver-
vollkommnung des Menschengeschlechts.

Bluntschli.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1874.

PRINTED IN RUSSIA

О ЗНАЧЕНИИ ПРАВА ВОЙНЫ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ ПОНЯТИЕМЪ О МЕЖДУНА-
РОДНЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ.

Выпускъ первый.

ХАРАКТЕРИСТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ
И
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

Н. Иванова.

Die Vervollkommnung des Völker-
rechts begleitet und sichert die Ver-
vollkommnung des Menschengeschlechts.

Bluntschli.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1874.

International Jurisprudence has received since the civilisation of mankind, and especially since the introduction of Christianity, continual culture and improvement; and it has slowly acquired, in great measure and on many subjects, the certainty and precision of positive law. There can be few nobler objects of contemplation and study than to trace the gradual progress of this jurisprudence, etc.

Bob. Phillimore.

Commentaries upon International Law. T. I. Preface.

По опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется.

Деканъ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	Стран.
	VII

Глава I.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. — СПОСОБЫ ПРЕКРАЩЕНІЯ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ НЕСОГЛАСІЙ.

Общежитіе и право.	1
Государство	2
Всемирное государство	3
Международный союзъ и международное право	4
Основные начала международного права	5
Сравненіе международныхъ отношеній съ внутренне-государ- ственными	8
Несостоятельность отрицаній международного права	11
<hr/>	
Международные споры или несогласія и причины ихъ возник- новенія.	18
Способы или средства прекращенія международныхъ несогласій.	19
I. Мирныя средства	21
II. Отдѣльныя принудительныя мѣры.	29
III. Война между государствами!	48

Глава II.

ОБОЗРѢНІЕ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОГО РАЗВИТІЯ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНО- ШЕНІЙ ВООБЩЕ И ПРАВА ВОЙНЫ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Необходимыя условія для возникновенія правильного между- народнаго общежитія и причины поздняго образованія этихъ условій.	49
Общій характеръ состоянія международныхъ отношеній въ древности	51

VI

	<i>Стр.</i>
Нація и государства древняго Востока:	
Теократія	51
Деспотія	59
Торговья государства	61
Греки	64
Римляне	70
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
Состояніе междувародныхъ отношеній въ средніе вѣка.	79
Византійская Имперія	81
Магометанскіе народы	82
Западно-европейскіе католическіе народы	92
Россія до Петра Великаго	106
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
Возникновеіе правильныхъ междувародныхъ отношеній и междувароднаго права въ новое время	123
Система политическаго равновѣсія	125
Европейская пентархія	134
Междувародныя отношенія послѣдняго пятидесятилѣтія	139
Вопросъ о власти надъ моремъ	142
Судоходство по междувароднымъ рѣкамъ	147
Положеніе иностранцевъ и частное междувародное право	150
Оффиціальныя органы междувародныхъ сношеній—посланни- ки и консулы	154
Война и нейтралитетъ	161
Миролюбивыя стремленія новѣйшаго времени	175
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
Общій заключительный взглядъ на историческое развитіе междувародныхъ отношеній.	178

Предлагаемое изслѣдованіе, составляющее по содержанию своему самостоятельное цѣлое, является вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ задуманнаго авторомъ сочиненія „О правѣ войны“.

Авторъ того убѣжденія, что для выясненія юридическаго значенія войны, этого бича человѣчества, причиняющаго ему столько бѣдствій, и въ тоже время являющагося средствомъ для охраненія взаимныхъ правъ народовъ, необходимо предварительно установить вообще, по возможности, точное понятіе о самой природѣ международныхъ отношеній и международномъ правѣ, а также разсмотрѣть и другіе, кромѣ войны, способы прекращенія международныхъ споровъ, и добытыя заключенія провѣрить эмпирически посредствомъ разсмотрѣнія послѣдовательнаго развитія международныхъ отношеній во всемирной исторіи. Только такимъ путемъ, по мнѣнію автора, и можетъ быть понято съ достаточною точностью представляющееся столь своеобразнымъ существо права войны и указано послѣдней надлежащее мѣсто въ ряду другихъ способовъ правоохраненія вообще въ юридической сферѣ.

Такая предварительная работа и исполнена авторомъ, по мѣрѣ силъ, въ настоящемъ изслѣдованіи.

Но, будучи приспособлено къ послѣдующему изложенію существа права войны, изслѣдованіе это, какъ замѣчено, представляетъ также и самостоятельное значеніе, по своему содержанию своему, и касается такихъ вопросовъ, которые уже сами по себѣ заслуживаютъ полного вниманія.

Дѣйствительно, вопросъ объ общемъ значеніи международного права—о чемъ трактуются въ I-й главѣ настоящаго изслѣдованія—и до сего времени является весьма спорнымъ. Указывая на взаимную независимость государствъ и на частые случаи проявленія произвола въ международныхъ отношеніяхъ, и теперь еще многіе отрицаютъ и самое существованіе международного права. Такое положеніе

VIII

вопроса заставило автора коснуться значенія права вообще и разсмотрѣть международныя отношенія сравнительно съ внутренне-государственными. Кромѣ того, въ этой же главѣ критически разсматриваются и разнообразныя способы прекращенія международныхъ несогласій, еще не доходящія до войны.

Но главное вниманіе было обращено авторомъ на исторію международного права — глава II изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи, въ виду неразработанности предмета въ литературѣ науки, авторъ позволилъ себѣ, хотя быть можетъ и въ ущербъ общему плану задуманого имъ сочиненія, войти въ значительныя подробности и старался прослѣдить постепенное развитіе международныхъ отношеній съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдняго времени.

Что же касается источниковъ, или пособій, которыми пользовался авторъ, то исчисленіе ихъ было бы излишне. Источники эти довольно многочисленны и разнообразны и указываются въ подлежащихъ мѣстахъ сочиненія.

Во всякомъ случаѣ, представляя свою работу на судъ специалистовъ и публики, авторъ далекъ отъ мысли считать свою работу непогрѣшимою, но думаетъ, что она все-таки не бесполезна относительно разъясненія общаго характера международныхъ отношеній, которыя съ успѣхами цивилизаціи развиваются все болѣе и болѣе, не все еще не объяснены наукою съ надлежащею точностью.

ГЛАВА I.

Международный союз и международное право. — Способы прекращения международных несогласий.

Причина происхождения какъ *человѣческаго обществѣ*, такъ и *права* заключается въ самой природѣ *человѣка*. Только въ *обществѣ*, или вслѣдствіе сношеній съ другими людьми и при взаимной мѣнѣ услугъ, *человѣкъ* получаетъ возможность удовлетворенія своимъ многочисленнымъ, какъ *матеріальнымъ*, такъ и *духовнымъ* потребностямъ, и только вслѣдствіе господства права, какъ разумной нормы для внѣшней *человѣческой дѣятельности* и порядка въ жизни, *человѣческой бытъ* получаетъ необходимый для него характеръ определенности и правильности. И дѣйствительно, ученіе многочисленныхъ философовъ и публицистовъ XVII и XVIII столѣтій о такъ называемомъ *первобытномъ или естественномъ состояніи (status naturae)*, въ которомъ люди жили внѣ всякихъ связей между собою и не признавая никакой власти и права, рѣшительно опровергается всѣми свидѣтельствами исторіи и этнографіи. Такого состоянія нигдѣ и никогда не существовало. Напротивъ того, уже въ

самую отдаленную эпоху и у самых грубых современных дикарей и номадов мы все-таки видимъ, по крайней мѣрѣ, семейный или племенной бытъ съ опредѣленнымъ характеромъ и нѣкоторыя сношенія между лицами различныхъ семей, а слѣдовательно видимъ также общежитіе и право, хотя, конечно, соотвѣтственно со степенью культуры, въ простомъ и несовершенномъ состояніи (1).

Наибольшую же прочность и опредѣленность общественныхъ отношеній и юридическій бытъ получаютъ, въ средѣ извѣстнаго народа, съ образованіемъ государственнаго союза. *Государство* — это органъ народнаго единства, или народъ, какъ единое органическое цѣлое. Какъ самый полный и всесторонній союзъ народной жизни, оно сообщаетъ ей, посредствомъ права, во всѣхъ ея проявленіяхъ, извѣстный общій характеръ, содѣйствуетъ водворенію въ народѣ всеобщаго благосостоянія, устанавливаетъ и охраняетъ необходимый для него внутренній и внѣшній порядокъ и спокойствіе. Въ государствѣ уже все становится болѣе или менѣе опредѣленнымъ и согласованнымъ между собою: создается и охраняется органическая система разнообразныхъ правъ и учреждений, какъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ и различныхъ социальныхъ группъ и интересовъ, существующихъ въ государствѣ, такъ и въ пользу цѣлаго государства, и вообще всѣ разумныя жизненные потребности и цѣли народа, подъ общимъ контролемъ и при содѣйствіи правительства, находятъ для себя, повозможности, надлежащее удовлетвореніе. Разумѣется, изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы всѣ государства, по характеру и свойству своему, во всѣ времена и у различныхъ народовъ, были одинаковы: такое мнѣніе противорѣчило бы очевиднымъ фактамъ жизни и опровергается національнымъ и историческимъ значеніемъ государствъ. Но каждый государственный союзъ, достойный этого имени, всегда и вездѣ представляетъ характеристическую для него и самую существенную черту — и именно является выраженіемъ или юридическимъ представителемъ народнаго единства. Безъ этого же условія не можетъ быть и рѣчи о государствѣ (2).

(1) *Kaltenborn Kritik des Völkerrechts. 1847. Kap. IV. S. 256. — Th. Ortolan Règles internationales etc. édit. 1864. t. I. ch. 1.*

(2) Ср. *Rob. von Mohl Encyclopädie der Staatswissenschaften. 1859. §§. 6, 7. 11.*

Но однакоже и государство съ своею прочною организаціей и опредѣленнымъ юридическимъ бытомъ, при всемъ своемъ значеніи, не составляетъ еще конечной формы человѣческаго общежитія. Это было бы лишь тогда, когда бы все человѣчество составляло единое *всемірное государство*. Но такого *всемірнаго государства*, точно также, какъ и совершенно - разобщеннаго естественнаго состоянія людей не знаетъ исторія, да и въ будущемъ возникновеніе его едва-ли возможно. Человѣческій родъ дробится на различныя расы и поколѣнія, или націи съ особыми свойствами и наклонностями, особою религіей, нравами и обычаями, историческими преданіями и т. под. Природныя условія мѣста жительства людей также не одинаковы. Все это порождаетъ въ средѣ извѣстнаго народа и на опредѣленной мѣстности особое міросозерцаніе, пробуждаетъ особыя потребности, словомъ — кладетъ на народную жизнь своеобразный отпечатокъ, который и находитъ для себя соотвѣтственную внѣшнюю форму выраженія въ образованіи извѣстнаго отдѣльнаго государства⁽¹⁾. Слѣдовательно, существованіе отдѣльныхъ государствъ есть фактъ, вытекающій изъ закона естественной необходимости, и, наоборотъ, образованіе единаго *всемірнаго государства* было бы нарушеніемъ такого закона. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, народы, конечно, не могутъ не дорожить своимъ отдѣльнымъ самобытнымъ существованіемъ, и потому *всемірное государство* могло бы возникнуть развѣ лишь путемъ чрезвычайнаго насилія и поддерживаться имъ. Но въ такомъ случаѣ и самое существованіе *всемірнаго государства* было бы самое жалкое и весьма непрочное. Это замѣчаніе подтверждается отчасти и исторіей. Если никогда не существовало *всемірнаго государства*, то извѣстно, по крайней мѣрѣ, что обширныя монархіи, существовавшія, какъ въ древности, такъ и въ новое время, были или весьма непродолжительны, или же влекли за собой всеобщій застои и огрубеніе нравовъ. Это доказываютъ, напримѣръ, Персидская монархія, монархія Александра Великаго, Римская имперія и въ новое время — монархія Карла V и Наполеона I.

(1) *A. Ferrero-Gola* Corso di diritto Internazionale. 1866. vol. 1. p. 33: «Ogni nazione ha bisogno di speciali ordinamenti che soddisfacciano a suoi bisogni, alle sue tendenze, al suo stato attuale».

Но если невозможно всемірное государство, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣческая жизнь и дѣятельность должны быть строго заключены въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ. Такая національная замѣнутость дѣйствительно известна въ исторіи, какъ религіозная догма восточныхъ теократическихъ націй, но съ полной строгостью она и тамъ не примѣнялась. Да этого и быть не можетъ. Уже самый фактъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія отдѣльныхъ государствъ необходимо приводитъ ихъ и ихъ подданныхъ къ разнообразнымъ сношеніямъ между собою—враждебнымъ или мирнымъ—сперва, конечно, лишь случайнымъ и совершенно неопредѣленнымъ, а потомъ и болѣе правильнымъ или юридическимъ, вслѣдствіе практической потребности порядка въ жизни и болѣе или менѣе сознательнаго чувства справедливости. Такъ возникаетъ высшая и послѣдняя сфера человѣческаго общежитія—*международный союзъ* съ своимъ *международнымъ правомъ*. Слѣдовательно, международный союзъ—это общество или вся совокупность государствъ, находящихся между собою во взаимныхъ сношеніяхъ; а международное право представляетъ собою разумно-необходимый порядокъ, или норму для этихъ взаимныхъ сношеній, какъ между самими государствами, такъ и ихъ подданными.

Посмотримъ, въ чемъ же заключается значеніе и характеристическія особенности международного юридическаго быта. Членами международного союза и непосредственными субъектами международного права являются собственно лишь сами государства. Какъ лица юридическія, они дѣйствуютъ здѣсь, какъ и вообще, черезъ физическихъ представителей своей общественной власти. Частныя же лица, подданные государствъ, а также и разнообразныя общественныя учрежденія, существующія въ отдѣльныхъ государствахъ, въ своихъ заграничныхъ сношеніяхъ, хотя и пользуются покровительствомъ международного права, но не въ качествѣ самостоятельныхъ международныхъ дѣателей, а во имя своихъ общечеловѣческихъ правъ и въ качествѣ членовъ своихъ отечественныхъ государствъ, которыя такимъ образомъ и въ международныхъ отношеніяхъ сохраняютъ надъ ними свой общій правительственный надзоръ и оказываютъ имъ свою защиту⁽¹⁾. Слѣдовательно, всѣ междуна-

⁽¹⁾ *Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten. 1868. §§. 22—27.

родныя отношенія носятъ на себѣ не только юридическій, но также, болѣе или менѣе, государственный или политическій характеръ.

Вообще въ основаніи международнаго права заключаются *два начала* — начало государственной самостоятельности и начало взаимнаго общенія или содѣйствія націй.

Самостоятельность (Souveraineté) есть выраженіе полноправной политической личности государства. Она заключаетъ въ себѣ понятіе о государственной независимости и самобытности. Въ силу своей самостоятельности каждое государство устраиваетъ свой внутренній бытъ по собственному усмотрѣнію и вступаетъ въ такія международныя отношенія, которыя находитъ справедливыми и полезными для себя. Никто не въ правѣ навязывать государству чуждыхъ для него своихъ воззрѣній и не въ правѣ принуждать его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя несогласны съ естественными потребностями или съ основнымъ міросозерцаніемъ самого государства. Понятно, что самостоятельность составляетъ для государства такое же священное и дорогое благо, что и личная свобода для отдѣльнаго человѣка. Только при условіи своей самостоятельности государство и можетъ удовлетворять своему разумному назначенію: быть естественнымъ выраженіемъ особыхъ свойствъ своего народа и стремиться къ удовлетворенію его своеобразныхъ потребностей. Государственная самостоятельность составляетъ вообще конечную цѣль политическаго развитія каждой націи. Вотъ почему и международное право признаетъ за государствами, какъ за своими субъектами, ихъ взаимную самостоятельность—какъ требованіе практической необходимости и справедливости. Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ международномъ союзѣ отдѣльныя государства, вслѣдствіе своей самостоятельности, находятся между собою въ положеніи отрицательной свободы, или—что все то же—въ положеніи юридическаго равенства и взаимной независимости.

Но однако же значеніе государственной самостоятельности въ международномъ правѣ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ безусловной свободы и исключительности государства. Взаимное общеніе или содѣйствіе націй также составляетъ положительную потребность дѣйствительной жизни. По крайней мѣрѣ съ успѣхами цивилизаціи отдѣльные народы необходимо приходятъ въ сознанію взаимной солидарности, и

наряду съ правами и интересами отдѣльныхъ государствъ возникаютъ также общіе права и интересы международнаго союза. Понятно, что призваніе и уваженіе этихъ общихъ правъ и интересовъ составляетъ обязанность для каждаго государства, какъ члена этого союза. Право немислимо безъ обязанности. Кромѣ того, никакое государство, взятое въ отдѣльности, не въ состояніи доставить своему развитому населенію всѣхъ необходимыхъ средствъ для удовлетворенія его разнообразныхъ разумныхъ потребностей. Эти потребности могутъ быть удовлетворены лишь при содѣйствіи другихъ государствъ, вслѣдствіе сношеній съ ними. А такъ какъ цѣль государства состоитъ въ предоставленіи человѣку всѣхъ условій его развитія, то отсюда слѣдуетъ, что взаимное общеніе или содѣйствіе дѣйствительно составляетъ не только право, но и обязанность государствъ. Конечно, каждое государство преслѣдуетъ при этомъ, какъ и во всемъ, прежде всего свою собственную цѣль, и никакое государство, въ силу своей самостоятельности, не обязано вступать въ такія международныя сношенія, которыя противорѣчатъ его собственнымъ правамъ и интересамъ, или же его подданныхъ. Но государство поступило бы несправедливо, если бы отказывалось отъ международнаго общенія безъ всякаго разумнаго основанія, и другія государства, въ крайнемъ случаѣ, могутъ даже силою принудить его къ извѣстнымъ сношеніямъ, если послѣднія являются для нихъ существенно-необходимыми. Законъ крайней необходимости одинаково дѣйствуетъ какъ въ государственномъ, такъ и международномъ быту. Но обыкновенно международное общеніе возникаетъ и развивается совершенно мирнымъ путемъ, во имя общей пользы государствъ, посредствомъ взаимныхъ уступокъ и добровольныхъ соглашеній между ними. Такъ напр., въ настоящее время, сюда относятся международныя соглашенія относительно торговли, о положеніи иностранцевъ, о свободѣ судоходства по международнымъ рѣкамъ, объ общемъ признаніи литературной и художественной собственности, о силѣ и исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и т. под. Вообще, въ возможно-широкомъ развитіи и охраненіи такого мирнаго международнаго общенія и заключается разумная и положительная задача международнаго права. Въ этомъ отношеніи международный союзъ является какъ бы восполненіемъ отдѣльныхъ государствъ: посредствомъ взаим-

ныхъ сношеній и при взаимномъ содѣйствіи государства достигаютъ такихъ цѣлей, которыя необходимы для нихъ, или ихъ подданныхъ и которыя иначе не могли бы быть достигнуты при ограниченности собственныхъ средствъ государства.

Итакъ, съ одной стороны, государственная самостоятельность, а съ другой—взаимное общеніе или содѣйствіе націй,—вотъ два основныхъ начала международной жизни. Въ справедливомъ примиреніи или согласованіи обоихъ этихъ началъ заключается и все содержаніе международнаго права. Уважая государственную самостоятельность и предоставляя каждому государству свободу жить и развиваться согласно съ его естественными силами и потребностями, международное право требуетъ, въ тоже время, отъ каждаго государства признанія общаго международнаго порядка. Насколько собственные права и интересы извѣстнаго государства остаются неприкосновенными, оно, какъ членъ международнаго союза, обязано уважать права и интересы другихъ государствъ и даже, во имя общей пользы и взаимной солидарности, содѣйствовать имъ ⁽¹⁾.

(1) Правильное понятіе о значеніи международныхъ отношеній и международнаго права высказалъ еще въ XVI ст. испанскій іезуитъ *Суаресъ* въ своемъ сочиненіи *De legibus ac Deo legislatore*. Но онъ ограничился почти однимъ намекомъ и не представилъ никакихъ выводовъ. Ср. *Ompteda Litteratur des Völkerrechts*. 1785. 1-er B § 48. S. 167.—Затѣмъ, подъ вліяніемъ ученій *Гуо-Гроція* и *Канта*, хотя многія частности международной жизни и были выяснены съ надлежащею полнотою и точностью, однако же основное возрѣніе на самое существо международнаго права, господствовавшее въ наукѣ до послѣдняго времени, страдало односторонностью. Публицисты видѣли въ международномъ правѣ лишь простое огражденіе взаимной свободы или самостоятельности государствъ и, такимъ образомъ, признавали за нимъ лишь отрицательное значеніе. Впрочемъ, еще въ XVIII ст. *Вольфъ* указывалъ на «*mutuum adiutorium*», какъ на разумную цѣль международной жизни; но онъ почти уже совершенно отождествляетъ международныя отношенія съ государственными и прямо называетъ международный союзъ великою республикою націй—*civitas gentium maxima*. — *Wolff. Jus gentium etc. Proleg.* §§ 7—8.—Только новѣйшіе нѣмецкіе публицисты, въ особенности *Калтенборне* и *Роб. Мольтъ*, доказали самобытный характеръ международнаго права и выяснили положительную цѣль международной жизни, какъ необходимаго дополненія государства.—*Kaltenborn Kritik des Völkerrechts*. 1847. Kap. IV. S. 256—272. — *Rob. Mohl Staatsrecht, Völkerrecht und Politik*. 1860. 1-er B. S. 579—636. См. вообще *Geyer Ueber die neueste Gestaltung des Völkerrechts*. 1866. S. 12—13, 15—18, 28.—Ср. также *Блэзкиню*. О значеніи международнаго права и его матеріаловъ, Варшава, 1872, стр. 63—71.

Сравнивая международныя отношенія съ государственными, мы замѣчаемъ между ними нѣкоторое сходство, но еще большее различіе. Сходство состоитъ въ томъ, что какъ государство, такъ и международный союзъ суть формы человѣческаго общенія съ опредѣленнымъ юридическимъ порядкомъ. Подобно тому, какъ по закону естественной необходимости, отдѣльныя лица входятъ въ разнообразныя сношенія между собою, соединяются въ семьи, составляютъ различныя социальныя группы, и все это, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и національныхъ условий, организуются въ отдѣльныя государства,—вслѣдствіе такой же необходимости, вступаютъ и между собою во взаимныя сношенія и такимъ образомъ, съ развитіемъ этихъ сношеній, въ своей совокупности, образуютъ союзъ международный. И точно также, какъ въ государствѣ, такъ и въ международномъ союзѣ господствующій юридическій порядокъ имѣетъ въ виду охраненіе и правильное взаимное согласованіе правъ и интересовъ какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и цѣлаго союза. — Но затѣмъ, какъ самый характеръ и степень общественной связи въ государствѣ и международномъ союзѣ, такъ и время возникновенія этихъ союзовъ и способы проявленія и охраненія въ нихъ права совершенно не одинаковы.

Государство, какъ уже замѣчено, является представителемъ народнаго единства. Общественная связь здѣсь всесторонняя и тѣсная. Это объясняется самымъ свойствомъ членовъ государственнаго союза, то есть отдѣльныхъ лицъ, которыя имѣютъ множество потребностей и въ то же время крайне ограничены въ своихъ индивидуальныхъ средствахъ для удовлетворенія ихъ. Правда, отдѣльныя лица взаимно восполняютъ другъ друга еще въ высшихъ сферахъ общенія—въ семьѣ, разнообразныхъ социальныхъ группахъ и товариществахъ и т. под.; но и эти высшіе союзы еще слишкомъ незначительны и односторонни для того, чтобы человѣческія потребности, хотя при нѣкоторомъ развитіи цивилизаци, могли быть вполне удовлетворены въ нихъ. Для этого необходимо возникновеніе болѣе обширнаго союза, и при томъ такого, который охватывалъ бы народную жизнь со всѣхъ сторонъ, согласовалъ между собою права и интересы отдѣльныхъ членовъ и содѣйствовалъ имъ. Такимъ союзомъ и является государство. Слѣдов., государство, уже по самому существу своему, должно быть и дѣйствительно пред-

ставляется самымъ полнымъ и всестороннимъ союзомъ народной жизни, и, повторяю, общественная связь въ государствахъ, или внутренне-государственные отношенія необходимо являются тѣсными и строго-опредѣленными.

Международныя же отношенія носятъ на себѣ другой характеръ. Они никогда, даже и при высшемъ развитіи ихъ, не могутъ быть столь тѣсными, какъ отношенія внутренне-государственные. Числами международного союза являются уже сами государства—слѣдовательно такіе общественные организмы, которые и сами по себѣ уже обладаютъ значительно полнотою средствъ для удовлетворенія какъ своихъ общественныхъ потребностей, такъ и потребностей своихъ отдѣльныхъ подданныхъ. По крайней мѣрѣ большинство этихъ потребностей можетъ быть удовлетворено уже внутри самого государства, его собственными средствами, и международный союзъ, по самой природѣ своей, является лишь восполненіемъ отдѣльныхъ государствъ. Поэтому международныя отношенія въ сравненіи ихъ съ государственными необходимо представляютъ болѣе свободный характеръ.

Отсюда становится понятнымъ также существованіе государствъ во всѣ времена и, напротивъ, уже позднее возникновеніе правильныхъ международныхъ отношеній. Определенный юридическій порядокъ и прочная организація внутренняго общественнаго быта, въ средѣ извѣстнаго народа, столь необходимы, что образованіе первыхъ государствъ неизвѣстно исторіи. Оно относится ко временамъ доисторическимъ. Но правильныя международныя отношенія являются результатомъ лишь новѣйшей цивилизаціи. Въ теченіе долгаго времени онѣ были лишь случайными и болѣею частію враждебными. Это зависѣло отъ разнообразныхъ причинъ. Религіозныя и національныя предразсудки и предубѣжденія, неразвитость культуры и, вслѣдствіе того, отсутствіе высшихъ потребностей, недостижимыхъ въ предѣлахъ отдѣльнаго государства, наконецъ, всеобщая грубость нравовъ,—все это способствовало взаимному отчужденію народовъ, или же выражалось въ международномъ насиліи. Только съ XVII вѣка, подъ вліяніемъ противоположныхъ условій, вызванныхъ главнымъ образомъ открытіемъ Новаго Свѣта и религіозною реформаціей, взаимныя сношенія государствъ получаютъ уже

правильный и постоянный характер ⁽¹⁾. Но и теперь еще международный союз и международное право, во всемъ своемъ значеніи распространяются лишь на христіанскія государства и на Турцію, то есть связываютъ между собою Европу и Америку. Государства же другихъ частей свѣта и другой цивилизаціи вступаютъ въ международныя сношенія болѣе или менѣе случайно и не могутъ пока считаться настоящими членами международного союза. Расширеніе этого союза и вообще дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе международныхъ отношеній составляютъ задачу и дѣло будущаго ⁽²⁾.

Наконецъ, есть и еще весьма важное формальное различіе между государствомъ и международнымъ союзомъ. Въ каждомъ государствѣ, какъ извѣстно, существуетъ общественная власть, какъ представительница общей воли государства. Безъ этой власти немислимо и самое понятіе о государствѣ, какъ о всестороннемъ и организованномъ единствѣ народа. Общественная власть имѣетъ опредѣленную и самостоятельную организацію и дѣйствуетъ во имя общихъ правъ и интересовъ государства. Она издаетъ общеобязательные законы и распоряженія, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ и, въ крайнемъ случаѣ, даже силою охраняетъ юридическій порядокъ государства. Слѣдовательно, общественная власть въ каждомъ государствѣ какъ устанавливаетъ права, такъ и охраняетъ ихъ, причѣмъ не только граждане, но и вообще всѣ лица, находящіяся въ государствѣ, обязаны повиноваться ей. Другое видимъ мы въ международномъ союзѣ. Самостоятельныя государства, какъ члены этого союза, не имѣютъ надъ собою никакой общей власти. Онѣ признаютъ обязательную силу международного права, но подчиняются ему, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, не вслѣдствіе внѣшняго приказанія, а вслѣдствіе сознанія относительно самой разумности этого права и практической необходимости его господства въ дѣй-

⁽¹⁾ Исходнымъ пунктомъ правильныхъ международныхъ отношеній признается обыкновенно Вестфальскій миръ 1648 года.

⁽²⁾ Ср. *G. Fr. Martens*, Précis du droit des gens moderne de l'Europe 1. Introd. §§ 9 — 10. — *Heffter*, Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. 5. Ausg. 1867. §§ 6—7. Турція формально признана членомъ европейскаго международного союза по статьѣ VII акта парижскаго конгресса 10/30 марта 1856 года. (Leurs Majestés etc... «déclarent la sublime Porte admise à participer aux avantages du droit public et du concert Européens»). *Martens-Samwer*, Nouveau recueil général des traitées etc. T. XV, p. 770.

ствительной жизни. Международное право какъ возникаетъ, такъ и поддерживается взаимодействиемъ самихъ государствъ, какъ субъектовъ его. Его источникъ не законъ, или не предписанія власти, которой не существуетъ въ международномъ союзѣ, но юридическое убѣжденіе государствъ и ихъ взаимное соглашеніе—международный трактатъ и международный обычай. И точно также, охраняется международное право самими же государствами—посредствомъ разнообразныхъ, какъ мирныхъ, такъ и насильственныхъ средствъ и, въ крайнемъ случаѣ, посредствомъ войны, какъ полного выраженія необходимой обороны государствъ (1).

Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ указанныхъ особенностей международного союза, отличающихъ его отъ государства, нельзя не согласиться, что международный бытъ, по самому существу своему, не представляется столь строго-организованнымъ, какъ порядокъ государственный. Вслѣдствіе взаимной самостоятельности государствъ и возможности удовлетворенія большинства потребностей человѣка въ предѣлахъ отечественнаго государства, при отсутствіи общей власти въ международномъ союзѣ, международныя отношенія, въ сравненіи ихъ съ государственными, необходимо носить на себѣ своеобразный и, какъ уже замѣчено, болѣе свободный характеръ.

Но отсюда, съ другой стороны, еще не слѣдуетъ, какъ это думаютъ нѣкоторые, что международныя отношенія нельзя признавать юридическими и что международного права не существуетъ. Такое отрицаніе международного права дѣлается уже съ давняго времени. Еще въ XVII столѣтіи, когда Гуго-Гроцій впервые положилъ прочныя основы научной обработкѣ между народнаго права, уже тогда явились и скептики, которые объявили трудъ Гроція бесполезнымъ и несостоятельнымъ. По ихъ мнѣнію не можетъ быть права тамъ, гдѣ, какъ въ международныхъ отношеніяхъ, при отсутствіи законовъ и общей власти, естественно и на всемъ просторѣ могутъ господствовать эгоизмъ и своекорыстіе. Такіе отрицатели международного права встрѣчаются и доселѣ.

Въ послѣднее время замѣтно особое оживленіе сношеній европейскихъ державъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Китаемъ и Японіей.

(1) Ср. *Berner Völkerrecht* (Bluntschli's und Brater's Staatswörterbuch XI. B. S. 77 fg)

Но доводы ихъ, хотя въ извѣстныхъ отношеніяхъ и весьма важныя, страдаютъ одностороннимъ формализмомъ относительно пониманія самого существа права и не могутъ быть приняты.

Вотъ какъ, на примѣръ, выражаетъ означеніи международнаго права французскій публицистъ *Рейневаль*: „Не можетъ быть права тамъ, гдѣ нѣтъ закона; а законъ, въ свою очередь, не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ верховной власти (il ne peut y avoir de droit, où il n'y a point de loi, et il n'y a pas de loi, où il n'y a de supérieur). Для независимыхъ народовъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, существуютъ только нравственныя обязанности, вытекающія изъ разума, который показываетъ, что извѣстный образъ дѣйствія всего болѣе содѣйствуетъ всеобщему счастью“⁽¹⁾. — Подобнымъ образомъ знаменитый германскій юристъ *Савиньи*, хотя и признаетъ положительное международное право, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что это есть право несовершенное, какъ по неопредѣленности его постановленій, такъ и по отсутствію общей власти и суда надъ отдѣльными государствами⁽²⁾. Наконецъ, съ особенною рѣзкостью выражается о международномъ правѣ другой нѣмецкій юристъ — *Пухта*. По его требованію „не слѣдуетъ профанировать (zu entweihen) слово: „право“, употребляя его для обозначенія такихъ положеній, для которыхъ еще не найдено никакой юридической формы практическаго примѣненія, или не существуетъ принудительности. Можно говорить о международной нравственности, но никакъ не о международномъ правѣ“⁽³⁾.

Въ такомъ же родѣ возражаютъ противъ международнаго права и другіе его отрицатели. Вообще они большею частью повторяютъ другъ друга. Слѣдовательно, какъ это видно изъ приведенныхъ извлеченій, скептики отрицаютъ международное право по тремъ главнымъ основаніямъ, а именно — вслѣдствіе отсутствія общаго международнаго за-

(1) *Rayneval* Institutions du droit de la nature et des gens liv. 1. p. 8. n° 10.

(2) *Savigny* System des heutigen römischen Rechts Bd. 1. Kap. 2. § 6.

(3) *Puchta* Gewohnheitsrecht Thl. 1. S. 142. Тоже самое въ сущности говоритъ и новѣйшій французскій юристъ; «Le droit international est une morale internationale, et non pas un droit; le signe propre et caractéristique du Droit la sanction de l'action, lui fait défaut. (*Em. Accollas* Cours élémentaire de droit. 1869. t. 1. Introd. p. VII).

конодательства, отсутствія общей власти въ международномъ союзѣ и по недостатку принудительности въ отношеніи международныхъ обязательствъ, какъ существеннаго отличія юридическихъ требованій отъ нравственныхъ.

Но первое основаніе—отсутствіе общаго международного законодательства—еще вовсе не говоритъ противъ существованія самого международного права. Законъ, какъ извѣстно, не есть единственный источникъ права, а служитъ только болѣе удобнымъ, или болѣе яснымъ его выраженіемъ. И въ государственномъ быту, кромѣ закона, другимъ источникомъ права является обычай, который иногда бываетъ даже настолько силенъ, или настолько въ нравахъ народа, что и самый законъ неизбѣжно долженъ согласоваться съ обычаемъ, чтобы имѣть въ жизни дѣйствительное значеніе. Такіе же обычаи существуютъ и въ международномъ быту и являются однимъ изъ главныхъ источниковъ международного права. Но кромѣ того, во избѣжаніи недоразумѣній, относительно опредѣленныхъ случаевъ, государства заключаютъ между собою взаимные трактаты, которые и составляютъ другой, письменный источникъ международного права (*jus scriptum*). При этомъ, какъ международные обычаи, такъ и трактаты, какъ выраженіе общей цивилизаціи государствъ, входящихъ въ международный союзъ, и ихъ однородныхъ потребностей, болѣею частью сходны между собою; а нѣкоторые же трактаты—какъ наприм. акты конгрессовъ—прямо являются общимъ соглашеніемъ большинства государствъ и, слѣдовательно, обязательны для всѣхъ ихъ. Такъ что изъ всѣхъ означенныхъ источниковъ можно извлечь, кромѣ отдѣльныхъ постановленій для опредѣленныхъ случаевъ, даже и общія начала международного права (¹). Поэтому указывать на неясность или неполноту опредѣленій международного права или вообще на отсутствіе общаго международного законодательства и, вслѣдствіе того, отрицать и самое международное право,—несправедливо. Къ тому же въ такой общей международной кодификаціи, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Каченовскій, пока и нѣтъ еще настоятельной потребности: международныя отношенія, говоря вообще, по существу своему, еще слишкомъ просты и не усложнились на столько,

(¹) *Martens Précis du droit des gens* §§ 7—8.

чтобы могло возникнуть сомнѣніе въ самыхъ основаніяхъ международнаго права. Въ такой кодификаціи нуждается собственно лишь частное международное право, опредѣляющее международное положеніе частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что при современномъ развитіи заграничнаго гражданскаго оборота и при разнообразіи законовъ объ иностранцахъ, существующихъ въ отдѣльныхъ государствахъ, было бы весьма желательно составленіе если не общаго международнаго кодекса, то по крайней мѣрѣ заключеніе общаго трактата между государствами, сглаживающаго рѣзкія противорѣчія въ отдѣльныхъ законодательствахъ относительно правъ иностранцевъ ⁽¹⁾.

Гораздо важнѣе, затѣмъ, другое возраженіе противъ международнаго права. Отсутствие общей власти въ международномъ союзѣ, дѣйствительно, значительно затрудняетъ въ спорныхъ случаяхъ осуществленіе взаимныхъ правъ государствъ. вмѣсто спокойнаго и обстоятельнаго обсужденія и рѣшенія спора со стороны безпристрастнаго и независимаго суда, или вообще со стороны общественной власти, — какъ это дѣлается внутри государствъ, — въ международномъ союзѣ, наоборотъ, отдѣльныя государства, какъ участники въ спорѣ, въ силу своей самостоятельности, сами же и охраняютъ свои права. Вслѣдствіе этого международные споры, въ отличіе отъ внутренне-государственныхъ, какъ по самой важности затрогиваемыхъ ими правъ и интересовъ, такъ и вслѣдствіе самого способа рѣшенія этихъ споровъ самими же спорящими сторонами, необходимо принимаютъ болѣе страстный и напряженный характеръ. Но тѣмъ не менѣе, вопреки мнѣнію скептиковъ, мы все-таки скажемъ, что отсутствіе общей власти въ международномъ союзѣ, точно также какъ и отсутствіе общаго международнаго законодательства, еще не доказываетъ несуществованія международнаго права. Существованіе власти лишь способствуетъ осуществленію, или проявленію права, но право существуетъ уже само по себѣ и поми-

⁽¹⁾ Каченовскій. Курсъ международнаго права. Вып. 1. 1863 стр. 70—71. Ср. также *Holtzendorff* Europäisches Völkerrecht въ его *Encyclopaedie der Rechtswissenschaft* 1870. 1. Theil. S. 767—768.

мо власти (¹). Утверждать противное значило бы отрицать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существованіе права и внутри государствъ, какъ наприм. во время революцій, или при дурномъ судоустройствѣ, а также въ случаѣ необходимой обороны и т. под. На самомъ же дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ, какъ, конечно, никто не станетъ отрицать, право существуетъ и затрудняется лишь удобство его осуществленія. Безспорно, это обстоятельство весьма важно въ практическомъ отношеніи, но все-таки само по себѣ оно еще не можетъ привести юриста къ логическому заключенію о несуществованіи самого права. Тоже самое и въ быту международномъ: отсутствіе общей власти служить здѣсь причиною существованія особенныхъ, своеобразныхъ способовъ охраненія международного права, но все таки не опровергаетъ его. До нѣкоторой же степени замѣною общей власти въ международномъ союзѣ являются международные конгрессы, международное посредничество и международный третейскій судъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Наконецъ, отрицаніе международного права, по отсутствію принудительности относительно его исполненія и, вслѣдствіе того, признаніе исключительнымъ закономъ международной жизни лишь международной нравственности, всего нагляднѣе свидѣтельствуютъ объ одностороннемъ пониманіи свѣтлывающими существа юридическихъ отношеній. Дѣйствительно, характеристическимъ отличіемъ права отъ нравственности является возможность принудительнаго осуществленія права, какимъ не можетъ быть осуществленіе нравственныхъ требованій. Но право предполагаетъ лишь физическую возможность принужденія, а не фактическую. Другими словами, требованія права должны быть таковы, чтобы было возможно вообще, по самой природѣ ихъ, даже и вынужденное ихъ осуществленіе, хотя въ конкретномъ случаѣ, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, возможность такого принужденія можетъ и не имѣть мѣста. Такая фактическая невозможность принудительнаго осуществленія права, въ противоположность всегда присущей праву физической возмож-

(¹) *Rolin Jacquemyns*. De l'étude du droit international: «Le plus ou moins d'efficacité du droit, la nature et la qualité de sa sanction et l'existence du droit sont des questions distinctes» (Revue de droit international. 1869. p. 232—233).

ности принудительнаго его осуществленія, можетъ встрѣтиться и въ государственномъ быту. Напримѣръ никто не оспариваетъ у государства права преслѣдовать и наказывать преступниковъ; но иногда такое право можетъ остаться и несущественнымъ, вслѣдствіе фактической недостаточности принудительныхъ средствъ государства—какъ наприм., если бы образовался въ государствѣ обширный заговоръ, или же произошло народное возстаніе, усмирить которое правительство не въ состояніи и т. под. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о международныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія, вопреки мнѣнію скептиковъ, по самой природѣ своей, суть юридическія, а не только нравственныя. Взаимныя обязанности государствъ, какъ и вообще всѣ юридическія обязанности, могутъ быть опредѣляемы съ полною точностію и, въ случаѣ надобности, отстаиваемы матеріальными средствами (¹). И дѣйствительно, практическая жизнь показываетъ намъ, что государства требуютъ другъ отъ друга взаимнаго признанія своихъ правъ и исполненія обязанностей, а въ крайнемъ случаѣ дѣйствуютъ при этомъ даже и посредствомъ насильственнаго принужденія. А если же иногда какое-либо государство не въ состояніи защитить своихъ правъ противъ притязаній другаго государства, то это свидѣтельствуетъ только о фактической невозможности осуществленія права въ данномъ случаѣ, но не доказываетъ еще самого несуществованія права, вслѣдствіе его непринудительности.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что отвергать международное право значить вообще совершенно противорѣчить очевиднымъ фактамъ дѣйствительной жизни. Его обязательная сила торжественно признана государствами на международныхъ конгрессахъ (²); оно имѣетъ своихъ специальныхъ ор-

(¹) .If those (international) relations can be accurately defined howsoever, and can be enforced at all, they are not merely relations of Morality, but relations of Law. (*Travers Twiss The Law of Nations. 1861. Vol. 1. p. 140.*)

(²) Напримѣръ, на Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г., великія европейскія державы высказали формальное признаніе общеобязательнаго значенія международнаго права. Въ деклараціи этого конгресса отъ 15 ноября 1818 г. говорится: «Les souverains en formant cette union auguste ont regardé, comme la base fondamentale, leur invariable résolution de ne jamais s'écarter, ni entre eux ni dans leur relations avec d'autres états, de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens» etc. См. *Höffler Völkerrecht.*

гановъ въ лицѣ посланниковъ и консуловъ, которые, въ качествѣ представителей своихъ отечественныхъ государствъ, субъектовъ международнаго права, наблюдаютъ за его исполненіемъ; подъ его охраною положеніе иностранцевъ повсемѣстно сдѣлалось болѣе или менѣе обезпеченнымъ, и такимъ образомъ открылась возможность всемірно - гражданскаго оборота; наконецъ, международное общеніе, во всѣхъ его видахъ, растетъ и укрѣпляется все болѣе и болѣе, и т. под. (1).

И такъ, международное право неоспоримо существуетъ и имѣетъ практическое значеніе. За него говорятъ факты дѣйствительной жизни. Иначе и быть не можетъ. Если уже самый фактъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія государствъ необходимо порождаетъ между ними разнообразныя отношенія и такимъ образомъ возникаетъ международный союзъ, какъ высшая форма человѣческаго общежитія, то въ этомъ союзѣ необходимо также должно господствовать извѣстное право, на основаніи естественнаго закона жизни, по которому никакое человѣческое общежитіе невозможно безъ права—*ubi societas ibi jus est*. Къ признанію международнаго права человѣчество приходитъ вообще самымъ естественнымъ путемъ: къ этому приводитъ его первоначально уже самая практическая необходимость извѣстнаго порядка въ жизни и польза отъ этого порядка, а потомъ и болѣе сознательное чувство справедливости (2). Но такъ-такъ право, какъ норма вѣдѣтельной дѣятельности людей, имѣетъ въ виду достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей и потребностей и является формальнымъ средствомъ или условіемъ для этого достиженія, а эти цѣли и потребности въ различныхъ сферахъ человѣческаго общежитія неодинаковы и опредѣляются вообще

Ausg. 1867. Anlage 2. S. 438. Точно также въ протоколѣ Лондонской конференціи отъ 19 февраля 1831 г., по поводу отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, между прочимъ сказано: «Chaque nation a ses droits particuliers; mais l'Europe aussi a son droit. *Martens-Murhard Nouveau recueil des traités* Vol. 1. p. 197.

(1) Объ отрицательн. международнаго права см. *Schmalzing Systematischer Grundriss des Europ. Völkerrechts* Th. 1. 1818. S. 9—30. *Kaltenborn Kritik des Vrts* s. 306—316. *Bluntschli Das moderne Völkerrecht*. 1868. s. 2—10. *Каченовскій Курсъ межд. права*. Вып. 1. стр. 54 слѣд.—*Блѣцкій*, О значеніи межд. права и пр., стр. 100—120.

(2) *Heffter Völkerrecht*. § 2. s. 3.

самыя существомъ и характеромъ общенатія, то по этому международное право необходимо носить на себѣ своеобразный характеръ, соответствующий самому существованию международных отношений.

Въ особенности же такая своеобразность международного права — и надобно сознаться мрачного свойства — выражается въ способахъ охраненія этого права или превращенія международных несогласій, къ разсматриванію которыхъ мы и обращаемся.

Нормальное состояніе правильного международного общенія, какъ это понятно само собою, представляетъ взаимное согласіе или взаимный миръ между государствами. Каждое государство должно пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности въ отношеніи другихъ государствъ. Только при этомъ условіи и возможно международное общеніе или взаимное содѣйствіе государствъ, какъ положительная задача и разумная цѣль международныхъ отношеній. Но однакоже, международный союз, какъ и всякое общеніе, не можетъ рассчитывать на ненарушимое сплоченіе. Между государствами, какъ и между отдельными лицами, въ некоторыхъ случаяхъ, возможны также взаимные споры и столкновения. Причины ихъ могутъ быть весьма разнообразны: иногда простое недоразумѣніе о значеніи взаимныхъ правъ и обязанностей государствъ, а иногда и своекорыстная, эгоистическая политика какого-либо государства и вообще нарушение имъ правъ другаго государства. Кроме того, международныя несогласія могутъ возникнуть также не только вследствие несправедливыхъ дѣйствій непосредственно со стороны самихъ государствъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но и по поводу частныхъ лицъ, подданныхъ государствъ. Находясь въ чужомъ государствѣ, или вступая въ какия-либо сношенія съ иностраннымъ правительствомъ и иностранными подданными, частныя лица, навъ уже замѣчено, не лишаются защиты своего отечественнаго государства и дѣйствуютъ вообще подъ его представительствомъ, а потому и всѣ притязанія, какъ со стороны частныхъ лицъ противъ иностранныхъ правительствъ и иностранныхъ подданныхъ, такъ и, наоборотъ, притязанія со стороны послѣднихъ противъ самихъ частныхъ

лицъ, могутъ также сдѣлаться предметомъ взаимнаго спора между самими государствами ⁽¹⁾.

Но если, такимъ образомъ возможны взаимныя споры и вообще несогласія государствъ, по поводу нимаго или дѣйствительнаго нарушенія ими своихъ взаимныхъ правъ, то въ международномъ быту, какъ и въ государственномъ, должны существовать также извѣстные способы и средства для прекращенія этихъ несогласій или для охраненія и восстановленія права. Какъ выраженіе справедливости и необходимое условіе для господства порядка въ жизни, каждое право, по идеѣ своей, неприкосновенно и нарушеніе права не можетъ быть терпимо. Въ особенности же это слѣдуетъ сказать о правахъ самихъ государствъ, въ противоположность правамъ частныхъ лицъ. Если частное лицо въ сферѣ своихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ лишь ему исключительно, можетъ вообще поступать по своему усмотрѣнію, такъ что, въ случаѣ нарушенія этихъ правъ со стороны другихъ лицъ, одинаково можетъ, какъ отстаивать ихъ законными способами, такъ и отказываться отъ нихъ, то напротивъ того, само государство не только можетъ, но обязательно отстаивать свои права противъ всякихъ несправедливыхъ притязаній. Какъ представитель своего народа, государство дѣйствуетъ во имя общихъ интересовъ, и потому, повято, что, отказываясь отъ своихъ правъ, безъ уважительной причины, государство погрѣшило бы противъ своего назначенія ⁽²⁾.

Но спрашивается, какимъ же образомъ могутъ быть охраняемы взаимныя права государствъ въ быту международномъ? Это обусловливается самымъ существомъ международныхъ отношеній. Общественная связь въ международномъ союзѣ, какъ мы видѣли, представляется менѣе тѣсною, нежели въ союзѣ государственномъ. Успѣхи цивилизаціи и развитіе потребностей хотя и пробуждаютъ въ отдѣльныхъ

⁽¹⁾ *Heffter*, Europ. Völkerrecht § 105. *Holtzendorff*. Encyklopaedie. 1 B. S. 804—805.

⁽²⁾ *Vattel* Le droit des gens liv. II. Ch. XVIII. § 325. *Ferrero Gola* Corso di diritto internazionale vol. I. p. 248: «Quando una nazione patisce un danno od un' ingiuria è, più che in diritto, in dovere di domandare una riparazione». Cp. также *Tr. Twiss* Law of Nations vol. 2. 1863. Ch. 1. § 2—3.

нородахъ сознание солидарности, но международный союз не имѣетъ, однако, самобытнаго органа для выражения своей общей воли и общихъ интересовъ. Отдѣльные государства, члены этого союза, пользуются взаимною самостоятельностью, и не признаютъ надъ собой никакой общей власти. Поэтому, и охраненіе взаимныхъ правъ государствъ, въ быту международномъ, принадлежитъ самимъ же государствамъ и преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которыя въ данномъ случаѣ являются непосредственными участниками спора. Государства дѣйствуютъ при этомъ отчасти въ качествѣ представителей всего общаго международного порядка, но главнымъ образомъ, въ силу своей самостоятельности, во имя собственныхъ правъ и интересовъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что относительно охраненія правъ международный бытъ существенно отличается и вообще значительно отсталъ отъ быта государственнаго: тогда какъ въ государствѣ, благодаря существованію общественной власти, какъ блюстительницы всеобщаго порядка и спокойствія, охраненіе правъ самими частными лицами, какъ субъектами этимъ правъ, уже давно исчезло и допускается лишь по исключенію,—въ международномъ быту, наоборотъ, охраненіе взаимныхъ правъ самими государствами существуетъ по общему правилу, какъ неизбежное послѣдствіе высшаго блага народовъ—взаимной самостоятельности государствъ. Вслѣдствіе же этого, а также и по самой важности затрогиваемыхъ правъ и интересовъ, международные споры, какъ уже замѣчено, необходимо носятъ на себѣ напряженный характеръ и подають поводъ ко множеству злоупотребленій.

Впрочемъ, изъ сказаннаго еще не слѣдуетъ, что государства, при охраненіи своихъ взаимныхъ правъ могутъ поступать совершенно произвольно и дѣйствовать лишь посредствомъ грубаго насилія. Такой произволъ и такое насиліе, дѣйствительно, въ теченіе долгаго времени господствовали въ международныхъ отношеніяхъ. Но мало-по-малу, хотя и медленнымъ путемъ, пробудившееся сознание общей пользы народовъ и чувство справедливости не только способствовали къ образованію между государствами болѣе правильныхъ дружественныхъ сношеній, но выравались также и въ прогрессивномъ смягченіи враждебныхъ дѣйствій государствъ. При

(1) *Berner, Kriegerrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch. VI Bd. S. 98).

отсутствіи общей власти въ международномъ союзѣ, главнѣйшимъ средствомъ для охраненія взаимныхъ правъ между государствами является, конечно, война между ними, какъ полное выраженіе необходимой обороны государствъ. Но военныя жестокости оправдываются теперь лишь въ предѣлахъ необходимости. Между государствами относительно главнѣйшихъ вопросовъ, касающихся войны, существуютъ формальныя соглашенія, и всякое бесполезное насилие, совершаемое во время войны, порицается какъ злоупотребленіе. Кроме того, война, вслѣдствіе враждебной своей отяготительности, въ большинствѣ случаевъ является лишь послѣднимъ средствомъ для прекращенія международныхъ несогласій. По избѣжанію ея, государства, уже съ давняго времени, для разрѣшенія своихъ взаимныхъ споровъ, обращаются обыкновенно еще къ другимъ, предварительнымъ средствамъ—какъ мирнымъ, такъ и менѣе насильственнымъ, и хоти не всегда можно согласиться съ самою раціональностью нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ, или же съ справедливостію ихъ примѣненія въ данномъ случаѣ, но уже самый фактъ обращенія къ нимъ служитъ доказательствомъ совнанія государствъ о необходимости, во имя права и человеколюбія, ограничить по возможности свои враждебныя дѣйствія (*).

Такимъ образомъ, разнообразныя средства, примѣняемыя въ международной практикѣ, для прекращенія международныхъ несогласій, или для охраненія взаимныхъ правъ государствъ, по степени своей репрессивности, сводятся вообще къ тремъ категоріямъ: 1) мирныя средства; 2) отдѣльныя принудительныя мѣры, еще не доходящія до войны, и, наконецъ, 3) война—какъ общее враждебное состояніе государствъ.

Разсмотримъ значеніе этихъ средствъ.

I. Добросовѣстное примѣненіе въ международной практикѣ *мирныхъ средствъ* для прекращенія взаимныхъ несогласій государствъ, конечно, заслуживаетъ полного сужденія. Въ нихъ, какъ нельзя болѣе, выражается сознаніе государствъ о господствѣ права въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Спорный вопросъ подвергается здѣсь всестороннему обсужденію и рѣшеніе спора является результатомъ сознательнаго убѣжденія о самой сущности этого спора.

(* У Ср. Heffter Europ. Völkerrecht § 106. О Martens о правѣ частной собственности во время войны. 1869. стр. 20.

Сюда относятся, прежде всего, непосредственныя дипломатическія сношенія между спорящими государствами. Они состоятъ въ обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ между правительствами спорящихъ государствъ и въ переговорахъ чрезъ посланниковъ. Цѣль этихъ сношеній заключается вообще въ томъ, чтобы выяснитъ самый предметъ международнаго столкновенія. Каждая сторона ставитъ вдѣсь на видъ своему противнику основанія своихъ притязаній, опровергаетъ его возраженія и предлагаетъ условія для прекращенія спора. А такъ-какъ причиною международныхъ несогласій можетъ быть иногда лишь простое недоразумѣніе, то дипломатическія сношенія, въ международной практикѣ, неоднократно служили достаточнымъ средствомъ для умиротворенія государствъ. По разъясненіи спора, государства могутъ или отказаться отъ своихъ притязаній, вслѣдствіе ихъ неосновательности, или же покончить споръ заключеніемъ между собою какой либо добровольной сдѣлки⁽¹⁾.

Кромѣ того, если взаимный споръ между государствами становится болѣе ожесточеннымъ, или же усложняется вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ, то правительства спорящихъ государствъ, особенно въ новѣйшее время, нерѣдко дѣлаютъ также *опубликованіе главныхъ своихъ документовъ* или т. наз. *дедукцій*, относящихся въ спору, съ цѣлью вызвать свободное обсужденіе спора въ періодической печати и подѣйствовать на противника силою общественнаго мнѣнія. Средство, конечно, чисто-нравственнаго свойства, но которое, тѣмъ не менѣе, можетъ оказаться на практикѣ довольно дѣйствительнымъ. Общественное мнѣніе, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ всестороннее значеніе, и съ нимъ приходится теперь считаться не только отдѣльнымъ лицамъ, но и правительствамъ⁽²⁾.

Съ другой же стороны, при солидарности международныхъ интересовъ и при всеобщей потребности мира, въ соглашеніи спорящихъ государствъ нерѣдко принимаютъ та-

⁽¹⁾ Tr. Twiss Law of Nations vol. 2. 1863. § 4.—Vattel Droit des gens. Liv. II. ch. XVIII §§ 326—27.

⁽²⁾ Berner, Kriegsvecht (Bluntschli, Staatswörterbuch VI. S. 102).—О значеніи общественнаго мнѣнія въ современной дипломатіи см. Vergé, Droit des gens avant, et depuis 1789 (Introd. à Martens, Précis du droit des gens, édit. 1858 p. LII et suiv.).

же участие и посредники: державы. Такое участие, по вышнему своему выражению, может быть раздичное. Иногда стороны державы, уже по собственному побуждению, во имя общего спокойствия, предлагают спорящим государствам свои дружественныя услуги и дают имъ различные совѣты для примиренія ихъ—такъ как. *bona officia, les bons offices*,—прочесть, конечно, по крайней мѣрѣ юридически, принадлежатъ этимъ предложеніямъ или отказъ отъ нихъ, совершенно зависать отъ усмотрѣнія спорящихъ государствъ. А иногда, и наоборотъ, примирительное участие постороннихъ державъ въ превращеніи международнаго спора происходитъ по приглашенію самихъ спорящихъ государствъ, что и составляетъ *международное посредничество* въ тѣсномъ смыслѣ—*la médiation internationale préalable pacifique* (1). Значеніе посредничества въ международномъ быту тоже самое, что и въ гражданскомъ. Посредникъ, какъ замѣчаетъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними; его призваніе составляетъ сохраненіе мира, а не строгое право. Оставаюсь безпристрастнымъ въ спорѣ, онъ имѣетъ цѣлю согласить взаимныя притязанія спорящихъ и, въ этихъ видахъ, склоняетъ ихъ къ взаимной уступкѣ и высказываетъ собственное мнѣніе о способѣ рѣшенія спора. Мнѣніе посредника, какъ не строго юридическое, не обязательно для спорящихъ, но оно, конечно, не можетъ не имѣть для нихъ болѣе или менѣе важнаго нравственнаго значенія. Въ особенности же это слѣдуетъ сказать о коллективномъ посредничествѣ, когда международные споры обсуживаются на международныхъ конгрессахъ, или конференціяхъ при участіи представителей многихъ государствъ (2). По общему правилу международное посредничество, вследствие самостоятельности государствъ, можетъ имѣть мѣсто лишь по взаимному согласію между спорящими государствами; и самимъ посредникомъ. Но на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года, великія европейскія державы—Россия, Англія, Франція, Австрія, Пруссія и Сардинія—относительно своихъ споровъ съ Турціей, объявили для себя обязательнымъ взаимное посредни-

(1) M. *Balmouitig Vermittlung* (Holtendorff Encyclopädie der Rechtswiss. Bd. 3. S. 620 fg.).—*Heffter Europ. Vrt* § 107.

(2) *Vattel. Droit des gens*, liv. 2, ch. XVIII §§ 378, 380.

чество (*); а въ одноѣхъ изъ протоколовъ этого конгресса, въ предложениіи англійскаго уполномоченнаго, лорда Кларендона, выражено даже общее желаніе, хотя и необязательное, чтобы всѣ государства, при возникновеніи каждаго, болѣе или менѣе, серьезнаго международнаго несогласія, не прибѣгали къ оружію, не обратясь напередъ къ „добрымъ услугамъ“, или посредничеству какой либо дружественной державы для мирнаго разрѣшенія спора (**). Но такъ какъ, въ социальную, заявленіе это не имѣетъ значенія безусловнаго требованія, то мы видимъ на практикѣ, что въ послѣднюю французско-прусскую войну предложеніе мирнаго посредничества со стороны великихъ державъ не было принято враждующими сторонами (**).

Наконецъ, весьма замѣчательное мирное средство для прекращенія международныхъ несогласій представляетъ собою *международный третейскій судъ*—l'arbitrage, Schiedsgericht. Этотъ судъ, какъ и въ гражданскомъ быту, состоитъ въ томъ, что споряція государства добровольно поручаютъ какъ разсмотрѣніе, такъ и рѣшеніе своего спора извѣстному лицу, или нѣсколькимъ лицамъ, принимая на себя обязанность подчиниться этому рѣшенію. Слѣдовательно, въ отличіе отъ посредничества, которое какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью лишь соглашеніе взаимныхъ притязаній спорящихъ и, вообще, примиреніе ихъ посредствомъ добровольныхъ уступокъ, международный третейскій судъ, наоборотъ, въ предѣлахъ своей компетенціи или полномочія, дѣйствуетъ самостоятельно: онъ исслѣдуетъ самое существо спора и рѣ-

(*) Въ статьѣ VIII Парижскаго мирнаго трактата 18/30 марта 1856 г. постановлено: „Si survenait, entre la Sublime Porte et l'une ou plusieurs des autres Puissances Signataires, un dissentiment qui menaçât le maintien de leurs relations, la Sublime Porte et chacune de ces Puissances, étant de recourir à l'emploi de la force, mettront les autres Parties Contractantes en demeure de prévenir cette extrémité par leur action médiatrice.“ (Marsenne-Somayer. Nouv. rée. géo. des traités, XV, p. 770).

(**) Protocole n° XXIII, séance du 14 avril 1856: „Mais les Puissances n'hésitent pas à exprimer au nom de leurs gouvernements le vœu que les états, entre lesquels s'élèverait un dissentiment sérieux, avant d'en appeler aux armes, eussent recours, tant que les circonstances l'admettraient, aux bons offices d'une puissance amie.“ — Cp. Bluntschli Modér. Vrt. § 484.

(*) См. Revue de droit international. 1870. № 4, p. 716—716.

насть его, согласно съ правомъ, по собственному убѣжденію. По значенію своему, третейскій судъ раздѣляется на два вида: *arbitrium* и *arbitratio*. *Arbitrium*—это третейскій судъ въ тѣсномъ смыслѣ, рѣшающій вопросъ о самомъ существованіи права. *Arbitratio*, наоборотъ, бываетъ тогда, когда вопросъ о правѣ не подлежитъ сомнѣнію и назначеніе суда состоитъ лишь въ фактическомъ примѣненіи права. Напримѣръ, вопросъ о правѣ на вознагражденіе составляетъ предметъ *arbitrium'a*, а самое количество или размѣръ вознагражденія опредѣляетъ *arbitratio* (1). Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, юридическимъ отношеніемъ междуна-роднаго третейскаго суда, послѣдствіе самостоятельности бесударствъ, всегда является добровольное соглашеніе; или важ-ный договоръ, вѣдь между самими спорящими государ-ствами, такъ и третейскими судьями—такъ наз. *compromis-um*, *compromis*. Въ этомъ compromissѣ обозначается составъ третейскаго суда и его цѣль, время и мѣсто судебныхъ за-сѣданій, самый порядокъ судепроизводства, способъ испол-ненія третейскаго судебнаго рѣшенія; и т. под.

Третейскими судьями, или арбитрами, для рѣшенія меж-дународныхъ споровъ избираются обыкновенно владѣтельными особы дружественныхъ государствъ. Но это дѣлается лишь для придавія суду большаго нравственнаго авторитета; и не составляетъ непремѣннаго юридическаго условія для самой дѣятельности международнаго третейскаго суда. Нарядѣ международными арбитрами избираются также и другія лица, или извѣстныя общественныя учрежденія; какъ наприм. извѣ-стные юристы, церковные каноники, высшіе суды какой-либо государства, юридическія факультеты и т. под. (2). От-Самое число судей и способъ ихъ назначенія; также зависитъ отъ умотрѣнія спорящихъ государствъ. Они могутъ пред-отказитъ рѣшеніе своего спора или одному арбитру, или не-нѣсколькимъ. Въ нормальномъ случаѣ избраніе арбитровъ происходитъ или сообща обоими враждующими сторонами, или же, наоборотъ, каждая сторона въ отдѣльности избира-етъ отъ себя одинаковое число арбитровъ. При этомъ арби-тры поставляютъ прайворъ, какъ и военное поддѣленіе

(1) *Bluntschli's § 486.—Hoffner § 409.*

(2) *Wilmorines Schiedspruch* (Holzschandoff. Encyclopädie III Bd. 1871. S. 416.) — *Klüber Droit des gens moderne de l'Europe § 318.*

собрание, по большинству голосовъ, а въ случаѣ равенства послѣднихъ рѣшаетъ голосъ председателя (president), избраніе котораго также принадлежитъ спорящимъ государствамъ, или же, на основаніи компромисса, арбитражъ ⁽¹⁾.

Вобщемъ, влѣдствіе компромисса, рѣшеніе международнаго третейскаго суда, въ отношеніи спорящихъ государствъ, имѣетъ значеніе добровольной сдѣлки между ними. Если государства условились взаимно представить свой споръ на рѣшеніе независимаго третейскаго суда, то отсюда слѣдуетъ также, что они, вмѣстѣ съ этимъ, уже взаимно выразили свое согласіе и съ самымъ рѣшеніемъ, потому что иначе назначеніе суда не имѣло бы смысла. Вотъ почему, какъ уже замѣчено, рѣшеніе третейскаго суда, въ отличіе отъ мнѣнія посредника, обязательно для спорящихъ, и государства не могутъ отвергать это рѣшеніе, какъ и всякую сдѣлку, подъ предлогомъ его неосновательности или отяготительности для ихъ интересовъ.— Но однакоже, съ другой стороны, нельзя сказать также, чтобы третейскій судъ, относительно своего рѣшенія, могъ поступать сов. произвольно. Какъ судъ добровольный, онъ долженъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ известной компетентности, предоставленной ему спорящими сторонами, и, какъ всякій судъ, не можетъ нарушать общія требованія права и справедливости, потому что, помянуто, только при этихъ условіяхъ и можно говорить о разумномъ назначеніи суда. Поэтому рѣшеніе международнаго третейскаго суда является юридически обязательнымъ и спорящіе государства могутъ отвѣтствовать отъ его исполненія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если оно рѣшеніе, по содержанию своему, выходитъ изъ предѣловъ полномочій компромисса; 2) если оно противорѣчитъ общему юридическому порядку, или же состоялось при явномъ нарушении основныхъ началъ всякаго судопроизводства, — какъ наприм., если бы судъ постановилъ свое рѣшеніе, не выслушавъ объясненія сторонъ и т. под.; и, наконецъ, 3) если рѣшеніе состоялось подъ вліяніемъ подкупа судей и, вообще, при явномъ ихъ пристрастіи и недобросовѣстности ⁽²⁾.

На практикѣ рѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ третейскаго суда встрѣчаются съ древѣйшихъ вре-

⁽¹⁾ Berner Kriegsrecht (Bluntschli, Staatswörterbuch, Bd. VI, S. 103.).

⁽²⁾ Bluntschli Vrs. §§ 494—498. — Примѣрные случаи см. у Travers Twiss Law of Nations vol. II, p. 8—9.

мень. Еще греческія республики для превращенія своихъ взаимныхъ несогласій нерѣдко набирали въ качествѣ арбитра дельфійскаго оракула, или же какой-либо дружественный городъ, а также извѣстнаго поэта, или оратора⁽¹⁾. У римлянъ для разбирательства частныхъ споровъ между римскими гражданами и иностранцами мы видимъ такъ назыв. рекуператоровъ, то есть третейскихъ судей, которые, на основаніи особыхъ трактатовъ, выбирались самими спорящими, или же, при несогласіи ихъ, назначались правительствомъ; а въ политическихъ спорахъ между союзными итальянскими городами роль третейскаго судьи предоставлялась обыкновенно римскому сенату⁽²⁾. Но чаще всего международные споры рѣшались третейскимъ судомъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Римскій первосвященникъ и германскій императоръ, какъ двѣ главы тогдашняго западно-европейскаго общества, по крайней мѣрѣ до XIV вѣка, постоянно являлись въ качествѣ миротворцевъ между христіанскими государями и ихъ феодальными баронами⁽³⁾. Кромѣ того, въ то же время, рѣшеніе международныхъ споровъ въ Западной Европѣ иногда предоставлялось также извѣстнымъ знатокамъ римскаго права—членамъ болонскаго университета. Укажемъ, напримѣръ, на ронкальскій сеймъ 1158 года, на которомъ болонскіе юристы, въ качествѣ арбитровъ, обсуживали взаимный споръ между императоромъ Фридрихомъ Барбароссою и ломбардскими городами и рѣшили этотъ споръ въ пользу императора⁽⁴⁾. У насъ, въ Россіи, до окончательнаго утвержденія Московскаго единодержавія, дѣла *порубежныя* или пограничныя между жителями различныхъ княжествъ, а также и споры между самими князьями обсуживались общимъ или *смѣстнымъ* судомъ изъ бояръ обоихъ княжествъ; а въ случаѣ безуспѣшности этаго суда дѣло предоставлялось на рѣшеніе третейскаго судьи, каковымъ избирался обыкновенно ка-

(1) *Laurent Histoire du droit des gens etc. 2-ème éd. 1855. t. 2. p. 131.*

(2) *Soll Recuperatio der Römer. 1837.*—Ср. *Bulmerincq Schiedspruch (Woltzendorff, Encykl. III. S. 414—15).*

(3) *Pütter Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte und Wissenschaft. 1843. S. 180 fg.*

(4) *H. Wharton Histoire des progrès du droit des gens etc. 3 éd. 1853. t. I. p. 39—30.*

войлибе дружественный князь, или митрополитъ⁽¹⁾. Изъ новейшихъ случаевъ примѣненія международнаго третейскаго суда для прекращенія взаимныхъ несогласій государствъ уважемъ на споръ Англiи съ Сѣверо-Американскими Штатами, возникшій въ 1827 году относительно границы ихъ владѣній въ Америкѣ. Этотъ споръ былъ представленъ на третейское разбирательство короля нидерландскаго; но такъ какъ король не постановилъ обязательнаго рѣшенія, а высказалъ лишь простое посредническое мнѣнiе, то спорящiя государства возобновили между собою непосредственныя дипломатическiя сношенiя и докончили споръ по взаимному соглашенiю⁽²⁾. Известны также два третейскихъ рѣшенiя гамбургскаго сената 1858 и 1861 гг. относительно споровъ между Англiей и Португалiей, по поводу претензiй англiйскихъ купцовъ противъ португальскаго правительства⁽³⁾. И наконецъ, въ последнее время Сѣверо-Американскiе Штаты являлись участвующею стороною въ пяти международныхъ процессахъ съ различными государствами, которые, точно также, были представлены на обсужденiе международныхъ третейскихъ комиссiй⁽⁴⁾.

Таковы мирныя средства, въ которыхъ обыкновенно обращаются государства для разрѣшенiя своихъ взаимныхъ споровъ⁽⁵⁾. Какъ средства совершенно дружественнаго свойства

(1) См. Рѣчь проф. Лешкова О древней русской дипломатiи. 1847. стр. 54—55. — Рейцъ Опытъ Исторiи руссiйскихъ законовъ. Перевъ Мюрошкина. 1836. стр. 91, 124—122.

(2) *Travers Twiss Law of Nations* II. p. 8.

(3) Тамъ же, p. 10.

(4) См. *Revue de droit international*. 1872. № 1, p. 137; note.

(5) Въ прежнее время, и особенно въ эпоху среднихъ вѣковъ для прекращенiя международныхъ несогласiй, употреблялись еще *жребiя* и *суды-единокъ*. Посредствомъ жребiя рѣшались обыкновенно, въ Западной Европѣ, многочисленные споры феодальныхъ князей о раздѣлѣ ихъ территориальныхъ владѣнiй и споры посланниковъ о взаимномъ рангѣ или предѣлительствѣ. Поодинокъ жѣ, обставленный всеми условiями правильной дуэли, употреблялся государствами, соответственне рыцарскимъ правамъ, во избѣжанiе общей битвы. Но очевидно, что какъ жребiй, такъ и поединковъ *оффициально* рѣшенiю спора *всегда* случайности, и потому, какъ средства нерациональныя, совершенно не встрѣчаются въ новейшей международной практикѣ. Последний примѣръ политическаго поединка, въ указанномъ смыслѣ, представляетъ неудачный вызовъ на дуэль, сдѣланный Густавомъ IV,

и состоящая во всестороннем обсужденіи спора, они, какъ уже замѣчено, заслуживаютъ полнаго сочувствія, и нельзя не пожелать имъ возможно-широкаго практическаго примѣненія. Но, въ сожалѣнію, выборъ средства для взаимнаго примиренія дѣлается государствами, обыкновенно, уже по возникновеніи спора, когда взаимное раздраженіе спорящихъ сторонъ достигаетъ уже значительной степени, вслѣдствіе чего и самое примѣненіе того или другаго средства, въ международпой практикѣ, является болѣе или менѣе неожиданнымъ, или случайнымъ и не всегда приводитъ къ желаемому окончанію международнаго столкновенія. Во избѣжаніе этого, было бы вообще весьма желательно, чтобы государства, при заключеніи каждаго трактата, въ то же время уже заранѣе условливались между собою и относительно способовъ мирнаго разрѣшенія могущихъ возникнуть между ними какихъ-либо споровъ при исполненіи этого трактата. Такія соглашенія, какъ добровольныя, конечно, нельзя считать оскорбительными для самостоятельности государствъ, а между тѣмъ они значительно содѣйствовали бы водворенію болышай правильности въ международныхъ отношеніяхъ и служили бы весьма важною гарантіей международного спокойствія⁽¹⁾.

II.—Если примѣненіе мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія государствъ оказывается безуспѣшнымъ, то, очевидно, что, при отсутствіи въ международномъ союзѣ общей власти, споряція государства, относительно охраненія своихъ взаимныхъ правъ, становятся тогда въ положеніе необходимой обороны. Вслѣдствіе своей самостоятельности каждое изъ государствъ можетъ именно отстаивать свои права противъ

королевъ шведскимъ, Наволону I. Ср. *Heffer, Vrt*, § 108.—Въ исторіи древней Руси также извѣстно единоборство между русскими князьями, Моиславомъ Тмутораканскимъ, и Редедомъ, княземъ Касоговъ, въ 1022 году. «Рече Редедъ къ Мстиславу: «что ради губишь дружину межа собою? Но, съидеѣи ся сама бороть; да еще одолѣша ты, то возмеша имѣніе мое и жену мою, в дѣти мои и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то возму твое все» И рече Мстиславъ: «такъ буди». — Побѣдителемъ въ этомъ единоборствѣ былъ Мстиславъ, который, дѣйствительно, согласно условію, овладѣлъ всѣмъ имуществомъ и семействомъ своего противника и получилъ право дани въ землѣ Касоговъ. См. Полн. Рус. Лѣт. Т. I, 1846, стр. 63.

⁽¹⁾ Ср. *Berner Kriegsrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch. Bd. VII. S. 104.).

великихъ несправедливыхъ притязаній даже силою, лишь бы при этомъ не были нарушаемы права другихъ государствъ. Но однакоже, примѣненіе силы, или насильственное принужденіе можетъ имѣть различныя степени и оправдывается въ международномъ быту, какъ и вообще въ юридическомъ, лишь насколько оно дѣйствительно необходимо для охраненія права. По этому, при безуспѣшности мирныхъ средствъ, споряція государства, во избѣжаніе войны, какъ крайняго принужденія, ради охраненія своихъ правъ, примѣняютъ иногда лишь *отдѣльныя принудительныя мѣры* (*vereinzelte Gewaltmassregeln*), при которыхъ мирное отношеніе между этими государствами не прерывается совершенно. Такимъ образомъ, примѣненіе этихъ отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ въ международной практикѣ, представляетъ собою какъ бы переходъ отъ состоянія мира въ состоянію войны между государствами, хотя въ частности мѣры эти бывають различныя ⁽¹⁾.

Самою слабою изъ подобныхъ принудительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ въ международныхъ отношеніяхъ, является т. наз. *реторсія* (отъ *retorgere*—отражать, или поварачивать обратно). Она имѣетъ мѣсто не вслѣдствіе нарушенія какого-либо права между государствами, а лишь вслѣдствіе суроваго пользованія своимъ правомъ извѣстнымъ государствомъ вопреки интересамъ другаго государства, или же—вслѣдствіе нарушенія международной справедливости, и состоитъ въ приложеніи между государствами принципа таліона, т. е. возмездія равнымъ за равное. *Par pari refertur*; или, *quod quisque in alterum statuerit ut ipse eodem jure utatur* ⁽²⁾. Предположимъ, наирямѣрь, что извѣстное государство, при отсутствіи обязательныхъ для него трактатовъ, издастъ какой-либо законъ, или постановленіе, по которымъ стѣсняетъ внутри своихъ предѣловъ положеніе подданныхъ другаго государства, сравнительно съ положеніемъ собственныхъ подданныхъ, или же иностранцевъ другихъ націй; какъ

⁽¹⁾ Cp. *Ortolan Regles internationales etc.* Ed 1864, t. I, p. 346. 360.—*Bluntschli Vrt.* § 499.

⁽²⁾ *Bluntschli Vrt.*, § 505: «Die Retorsion ist nicht gegen Unrecht, aber gegen eine unbillige Ausübung fremden Rechtes gewendet».—Cp также *Hoffler Eur. Vrt.*, § 140.—*Rob. Phillimore's Commentaries upon International Law.* Vol. 3. 1857, p. 8—9.

напр., при конкурсѣ отдасть предпочтѣніе передъ ними отечественнымъ кредиторамъ, или же затрудняетъ для нихъ право наслѣдованія, облагаетъ ихъ товары высокими таможенными пошлинами и т. под. Въ этихъ случаяхъ, очевидно, что о нарушении права между государствами не можетъ быть рѣчи, потому что каждое государство, въ силу своей самостоятельности, по общему правилу, въ отношеніи своего законодательства и правительственныхъ распоряженій, поступаетъ совершенно свободно, и государственная власть одинаково распространяется какъ на собственныхъ подданныхъ государства, такъ и на всѣхъ иностранцевъ, находящихся въ государствѣ. Но однакоже, съ другой стороны, неясно также, что, пользуясь подобнымъ образомъ своимъ правомъ, государство существенно нарушаетъ если не права, то, по крайней мѣрѣ, интересы другого государства, отечества иностранцевъ, и обнаруживаетъ противъ него непріязненное расположение; вслѣдствіе чего и послѣднее государство, въ свою очередь, можетъ также предпринять противъ перваго государства, или противъ его подданныхъ, въ видѣ возмездія, подобныя же мѣры, которыя и будутъ международною реторсіей.

Вообще предметомъ реторсіи можетъ быть всякое международное отношеніе, и не требуется непременно, чтобы реторсивныя мѣры состояли въ томъ же самомъ непріязненномъ дѣйствіи, которое вызвало примѣненіе реторсіи. Какъ мѣра возмездія, справедливая реторсія не должна только заключать въ себѣ большую степень вреда сравнительно съ претерпѣваемымъ отъ самого противника (¹). Кроме того, реторсія можетъ быть прилагана не только въ томъ случаѣ, когда извѣстная несправедливость со стороны враждебнаго государства уже дѣйствительно совершилась, но также и тогда, когда несправедливость представляется лишь вѣроятною, — какъ напримѣръ, если враждебное государство еще только издало какой-либо стѣснительный законъ, но еще не успѣло привести его въ исполненіе и т. под. Самая же цѣль примѣненія реторсіи между государствами, какъ очевидно, заключается въ томъ, чтобы дать почувствовать противнику всю отягощенность его же собственной политики и этимъ побудить его перемѣнить свою политику въ болѣе благоприятномъ смн-

(¹) *Rob. von Mohl* Encyclop. der Staatswiss. § 65. S. 450. *Bulmerincq* Retorsion (Holtzendorff, Encykl. der Rechtswiss. III. S. 384.).

слѣ, притѣмъ, впрочемъ, съ одиною подружескою мѣрою, выходящихъ реторсію, должна прекратиться и самая реторсія (1).

Такъ какъ реторсія имѣетъ свое примѣненіе лишь въ области справедливости и не состоитъ въ нарушении права, то приложеніе реторсіи, со стороны юридической, не можетъ быть признано. Если государство пользуется своими правами со всюю строгостью, или исключительностью, то, конечно, оно не можетъ претендовать, если и другія государства, въ сферѣ своихъ правъ, будутъ поступать относительно его такими же образомъ (2). Но, въ отношеніи политическомъ, реторсію нельзя, однако же, считать совершенно цѣлесообразною мѣрою. Въслѣдствіе того, чтобы побудить противника къ уступчивости, она можетъ, иногда наоборотъ, еще болѣе раздражить его и, такимъ образомъ, усилить международное столкновеніе. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ на примѣръ относительно положенія иностранцевъ, примѣненіе реторсіи исказитъ также, болѣе или менѣе, внутреннее законодательство странъ и, если не юридически, то нравственно несправедливо, нарушая интересы совершенно неповинныхъ частныхъ лицъ. И, наконецъ, въслѣдствіе солидарности международныхъ интересовъ, реторсія почти всегда бываетъ одинаково отягонительною не только для государства, противъ котораго примѣняется, но также и для самого государства, примѣняющаго реторсію (3). Поэтому въ новѣйшей международной практикѣ реторсія выводитъ изъ употребленія, и примѣненіе ея можно оправдать лишь въ томъ случаѣ, когда оно дѣлается государствами съ полною осмотрительностью, по возможности безъ вреда для частныхъ интересовъ и съ достаточной вѣроятностью на дѣйствительный успѣхъ реторсіи (4).

(1) Ср. вообще *Heffter*, *Europ. Vrt* § 110.

(2) *Vattel Droit des gens*, liv II, ch. XVIII, § 66.

(3) Ср. *Mohlt Encyclopädie* § 65, S. 450. *Bluntschli Mod. Vrt.* § 305. *Ferrero Gola Corso di dir. Intern.* vol. I, p. 312.

(4) Проф. *Martens* выражаетъ даже желаніе, чтобы, «на основаніи соображеній несправедливости и нецѣлесообразности реторсіи, государства изъ всегда отказались бы отъ ея примѣненія. (О правѣ частной собственности во время войны Стр. 23.). Но мы не можемъ согласиться съ такимъ безусловнымъ требованіемъ. Если государства, въслѣдствіе своей самостоя-

Гораздо важѣе, затѣмъ, по своему значенію, другой видъ международныхъ принудительныхъ мѣръ — такъ назыв. *репрессалии*. Если реторсія, какъ говоритъ Гефферъ, есть реакція лишь противъ несправедливости въ международныхъ отношеніяхъ, то репрессалии, наоборотъ, примѣняются между государствами, какъ противодѣйствіе, въ случаѣ нарушенія между ними строгаго права⁽¹⁾. Но репрессалии, какъ и реторсія, также являются мѣрою возмездія между государствами и, по существу своему, состоятъ вообще въ томъ, что государство, считающее свое право нарушеннымъ со стороны другого государства, не прибѣгая еще къ открытой войнѣ, нарушаетъ и въ свою очередь какое либо право своего противника, или же его подданныхъ, имѣя при этомъ въ виду или вынудить противника къ представленію за нарушенное имъ право надлежащаго удовлетворенія, или же получить отъ него также удовлетвореніе непосредственно черезъ самое примѣненіе репрессалии⁽²⁾. Такъ, напримѣръ, репрессалия является, если государство, въ отмщеніе за свое нарушенное право, отказывается отъ исполненія въ пользу своего противника какаго-либо трактата, или же высылаетъ изъ своихъ предѣловъ и совершенно не допускаетъ на свою территорію враждебныхъ подданныхъ, отказывается имъ въ правѣ судебной защиты и т. д. Но главнымъ образомъ подъ именемъ репрессалии разумѣтся въ международной практикѣ насильственный захватъ или задержаніе обиженнымъ государствомъ враждебныхъ лицъ или враждебнаго имущества, чѣмъ и объясняется самое названіе репрессалии (отъ латинскаго глагола *gergere* или *gerrehendere*)⁽³⁾. Кромѣ того, репрессалии употребляются также и въ военное время и озна-

тельности, вынуждены прибѣгать къ самооборонѣ, то чѣмъ менѣе при этомъ насилія, тѣмъ справедливѣе и гуманнѣе. Вопросъ о нецѣлесообразности реторсіи категорически можетъ быть рѣшенъ не вообще, а лишь въ отношеніи къ каждому отдѣльному случаю, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ этого случая.

(¹) *Heffter Europ. Vrt, Ausg. 1867. S. 201: «Die Retorsion ist eine Reaction gegen eine Iniquität (jus iniquum), die Repressalien reagieren gegen eine Ungerechtigkeit (injustitia).*

(²) *Duhn Völkerrecht, 1865. S. 228.*

(³) Ср. *Berner Repressalien* (Bluntschli, Staatswörterbuch. VIII. Bd. S. 597.). *Bulmerincq Repressalien* (Holtzendorff, Encykl. III. Bd., S. 370).

чаютъ тогда примѣненіе между воюющими государствами, по принципу таліона, какихъ-либо чрезвычайныхъ стратегическихъ мѣръ въ возмездіе за подобныя же мѣры со стороны противника; но эти военные репрессалии не подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

По извѣстнымъ основаніямъ, репрессалии раздѣляются публицистами на различныя категоріи. А именно, по самому предмету своему, онѣ бываютъ *личныя* и *реальныя*, смотря потому, направлены ли репрессивныя мѣры противъ самихъ враждебныхъ лицъ, или же только противъ враждебнаго имущества⁽¹⁾. Затѣмъ, по самому свойству репрессивнаго дѣйствія, различаются репрессалии *положительныя* и *отрицательныя*. Положительныя—это такія репрессалии, которыя состоятъ, со стороны обиженнаго государства, въ непосредственномъ совершеніи какого-либо дѣйствія, прямо направленнаго къ нарушенію правъ враждебнаго государства или же его подданныхъ, въ отмыченіе за подобное же правонарушеніе съ ихъ стороны; какъ напримѣръ, сюда относится непосредственный захватъ враждебныхъ лицъ или имущества. Отрицательныя же репрессалии, наоборотъ, заключаются лишь въ отказѣ, со стороны обиженнаго государства, отъ исполненія въ пользу противника какого-либо обязательства, или же въ препятствованіи самому противнику воспользоваться какимъ-либо его правомъ; какъ напримѣръ такую репрессалию составляетъ отказъ, вопреки спеціальной конвенціи, въ денежной субсидіи враждебному государству, или же отказъ для враждебныхъ подданныхъ, вопреки торговому трактату, въ правѣ транзита товаровъ черезъ территорію обиженнаго государства и т. под.⁽²⁾ И, наконецъ, по самому объему репрессивныхъ дѣйствій, британская практика, а также и нѣкоторыя изъ англійскихъ и сѣверо-американскихъ публицистовъ дѣлаютъ еще различіе между репрессалиями *общими* и *спеціальными*. Общія репрессалии (*general reprisals*) бываютъ тогда, когда обиженное государство даетъ до-

(¹) *Hugo Grotius*, De jure belli ac pacis lib. III, cap. II, § 5, 2.—*Martens*, Précis du droit des gens § 259.—*Tr. Twiss*, Law of Nations, vol. II § 20. p. 37.

(²) *Klüber* Droit des gens moderne de l'Europe § 234.—*Berner Repräsentation* (Staatswörterbuch VIII. S. 599).—*Wheaton* Elements du droit international, v. I, part 4, ch. I, § 2.

зволёніе совершать ихъ своей вооруженной силѣ, или даже и всѣмъ своимъ подданнымъ и, притомъ, какъ противъ правъ самаго враждебнаго государства, такъ и противъ всѣхъ подданныхъ и ихъ имущества, гдѣ бы они не находились; а спеціальныя репрессаліи (*special reprisals*), напротивъ того, разрѣшаются государствомъ лишь извѣстнымъ лицамъ и, по существу своему, состоятъ лишь въ опредѣленномъ враждебномъ дѣйствіи⁽¹⁾. Но очевидно, что это различіе репрессалій не можетъ быть принято. Общія репрессаліи представляютъ уже крайнюю степень международнаго принужденія и одно значущее съ состояніемъ самой войны между государствами, а потому большинство публицистовъ справедливо признаютъ лишь спеціальныя репрессаліи⁽²⁾.

Въ международной практикѣ, репрессаліи, въ томъ или другомъ видѣ, встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ. Въ Греціи, по свидѣтельству Демосеена, употреблялась т. н. *андроленсія* (*Ἀνδροληψία*), или личная репрессалія, которая, по аѳинскому закону, состояла въ томъ, что родственникамъ и друзьямъ убитаго въ чужомъ государствѣ, дозволялось захватить троихъ согражданъ убійцы и держать ихъ въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока убійца не будетъ казненъ или же выданъ⁽³⁾. И точно также, изъ римской исторіи, какъ на примѣръ приложенія репрессаліи, можно указать на тотъ случай, когда, въ отмщеніе за разграбленное имущество Тарквиніевъ, ихъ наслѣдникъ, Аристокемъ, задерживаетъ въ Кумахъ римскіе корабли со всѣмъ ихъ грузомъ⁽⁴⁾. Но въ особенности часто и, притомъ, безъ соблюденія всякихъ правилъ, репрессаліи примѣнялись въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ это время, при грубости и воинственности нравовъ и вслѣдствіе слабости государственной власти, каждое лицо отстаивало свои права, преимущественно же въ международныхъ отношеніяхъ, своими собственными средствами и

(1) *Wheaton* ibidem.—*Tr. Twiss Law of Nations* II, § 17, p. 30.

(2) *Vattel Droit des gens*, l. II, ch. XVIII, § 345.—*Martens Précis*, § 262.—*Heffler Eur. Vrt.*, 1867, § 111, S. 203.—*Phillimore's Commentaries* III p. 12.—*Bulmerincq Reprisalien* (Holtzendorff, *Encyclopaedie*, III, S. 372.).

(3) Ср. *Grotius*, *De jure belli ac pacis*, lib. III, cap. II, § 3.—*Vattel*, *Droit des gens*, liv. II, ch. XVIII, § 351.

(4) *Grotius* *De j. b. ac. p. l.* III, c. II, § 5, 2.

могло примѣнять репрессалии, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, по своему усмотрѣнiю, безъ всякаго контроля со стороны правительства⁽¹⁾. Только съ XII и еще болѣе съ XIII столѣтiй такая анархiя мало по малу ограничивается: правительства заключаютъ между собою многочисленныя трактаты и издаютъ внутреннiя узаконенiя, по которымъ репрессалии могли быть примѣняемы лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, — въ особенности же въ случаѣ отказа въ правосудiи и въ уплатѣ долга, и притомъ, частное лицо, чувствуящее себя обиженнымъ со стороны иностраннаго правительства, или же иностранца, могло осуществлять репрессалии лишь по прошествiи опредѣленнаго срока со времени правонарушенiя — отъ двухъ до шести мѣсяцевъ — и не иначе, какъ съ разрѣшенiя своего отечественнаго правительства, которое и заключалось въ выдачѣ обиженнымъ лицамъ, послѣ предварительнаго внесенiя ими надлежащаго залога, особыхъ полномочныхъ патентовъ — т. н. *lettres de represailles ou de marque*⁽²⁾. Наконецъ, съ XVII вѣка даже и выдача такихъ полномочныхъ патентовъ на совершенiе репрессалий самими частными лицами, во избѣжанiе злоупотребленiй, дѣлается вообще чрезвычайно рѣдко и совершенно прекратилась послѣ войнъ французской революцiи и первой имперiи, — такъ что въ новѣйшее время репрессалии примѣняются лишь самими государствами посредствомъ органовъ общественной власти и регулярной военной силы⁽³⁾.

Такимъ образомъ способы примѣненiя репрессалий, въ своемъ историческомъ развитiи, наглядно свидѣтельствуютъ о постепенномъ водворенiи извѣстнаго порядка и правильности въ международныхъ враждебныхъ отношенiяхъ. Выражаясь первоначально въ безграничномъ частномъ самоуправствѣ, репрессалии, какъ мы видимъ, совершаются затѣмъ, хотя и частными лицами, но уже подѣ контролемъ государственной власти, и, наконецъ, примѣненiе ихъ становится исключительнымъ правомъ лишь самихъ правительствъ. Но, какъ въ прежнее время, такъ и теперь еще, согласно международному обычаю, репрессалии могутъ быть

⁽¹⁾ *Мартенсъ*. О правѣ частной собственности во время войны стр. 27—28. — *Völkeringq* Repräsentien (Holtzendorff, Encykl. III. 370.).

⁽²⁾ *Tr. Twiss* Law of Nations II §§ 13, 21.

⁽³⁾ *Ortolan* Regles internationales etc., éd. 1864, p. 358—59.

направлены не только противъ правъ самого враждебнаго государства, непосредственно виновнаго въ правонарушеніи; вызвавшемъ репрессалію, но и противъ невинныхъ враждебныхъ подданныхъ и ихъ собственности, которые такимъ образомъ, въ международныхъ отношеніяхъ, являются какъ бы отвѣтственными за дѣянія своего правительства—обычай, очевидно, несправедливый, хотя и оправдываемый большинствомъ публицистовъ. И дѣйствительно, распространеніе репрессалій на права частныхъ лицъ за международное правонарушеніе, совершенное ихъ отечественнымъ государствомъ; рѣшительно противорѣчитъ современному правосознанію. Оно могло имѣть мѣсто въ эпоху древности, когда, согласно тогдашнему юридическому міросозерцанію, частное лицо со всѣми своими правами и интересами совершенно поглощалось государствомъ, и было неизбежно также и въ средніе вѣка, вслѣдствіе всеобщей неурядицы и при господствѣ кулачнаго права,—но въ настоящее время является уже анахронизмомъ, какъ отголосокъ иного, болѣе грубаго времени. Сферы частнаго и публичнаго права составляютъ теперь двѣ особыя области, несмѣшиваемыя между собою, и, подобно тому, какъ современное государство, понимаемое какъ самостоятельная юридическая личность, черезъ посредство своихъ органовъ, въ сферѣ другихъ публичныхъ правъ, дѣйствуетъ совершенно свободно и подъ собственной отвѣтственностью, такъ и частное лицо, говоря вообще, является неприкосновеннымъ въ своей гражданской сферѣ и можетъ подлежать отвѣтственности лишь за собственныя дѣянія. Конечно, изъ сказаннаго еще не слѣдуетъ, что, въ отношеніи взаимныхъ правъ и интересовъ, между государствомъ и его подданными, въ настоящее время, должна существовать полная раздѣльность—напротивъ, солидарность между ними, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, необходимо существуетъ и является основаніемъ государственнаго союза,—но только эта солидарность представляется теперь строго-организованною и не можетъ состоять въ безразличномъ смѣшеніи публичныхъ правъ и интересовъ съ гражданскими. Такъ, государство, какъ представитель народнаго единства, по самому назначенію своему, не только имѣетъ право, но даже и обязано защищать своихъ подданныхъ отъ всякихъ несправедливыхъ притязаній со стороны другихъ государствъ и иностранныхъ подданныхъ; но государство не отвѣчаетъ, однакоже, по крайней

мѣръ непосредственно, за проступки своихъ подданныхъ передъ иностранными государствами, а лишь, вслѣдствіе жалобы со стороны послѣднихъ, обявано подвергнуть преступника закону наказанію, или же—принудить его къ имущественному удовлетворенію обиженнаго, и, на основаніи своего представительнаго характера, становится отвѣтственнымъ лишь за неисполненіе послѣдней обязанности. Частныя же лица не являются представителями своего отечественнаго государства, а потому и не должны подлежать за его дѣйствія никакой отвѣтственности. Какъ члены извѣстнаго государства, они, конечно, не могутъ оставаться, совершенно безучастными къ судьбѣ его и, въ качествѣ подданныхъ, обязаны доставлять отечественному правительству, въ видѣ платежа налоговъ и отправленія повинностей, всякаго рода средства, необходимыя для надлежащаго отправленія государственнаго организма, а слѣдовательно и для исполненія международныхъ обязанностей государства, напримѣръ, для уплаты иностраннаго государственнаго долга и т. под. Но, тѣмъ не менѣе, международныя обязанности самаго государства не распространяются непосредственно на частныхъ лицъ, его отдѣльныхъ подданныхъ, и отвѣтствовать за нихъ должно само же государство въ лицѣ представителей своей общественной власти и своимъ публичнымъ имуществомъ. Частныя же лица доставленіемъ средствъ для удовлетворенія общихъ государственныхъ потребностей обязываются лишь именно въ отношеніи къ своему отечественному правительству, и только послѣднее уже отъ себя опредѣляетъ, установленнымъ порядкомъ, соотвѣтственную долю участія каждаго гражданина относительно исполненія международныхъ обязанностей цѣлаго государства⁽¹⁾. Впрочемъ, несправедливость распространенія репрессалій на права частныхъ лицъ за международное правонарушеніе ихъ отечественнаго государства такъ очевидна, что всѣ публицисты, защитники этаго обычая, единогласно требуютъ, чтобы отечественное правительство вознаграждало бы за это своихъ невинно пострадавшихъ под-

⁽¹⁾ *Massé*, Droit commercial dans ses rapports avec le Droit des gens, éd. 1864, t. I, p. 109 et suiv.—*Мартенсъ*, О правѣ частной собственности во время войны, стр. 33—34.

данныхъ (¹). При этомъ Гроціи прямо высказываетъ, что „по естественному праву никто не отвѣчаетъ за поступки другихъ лицъ“ (meo naturae jure ex facto alieno nemo tenetur) и оправдываетъ частныя репрессаліи лишь на основаніи положительнаго международнаго права (jus gentium voluntarium) и вслѣдствіе правтической необходимости, такъ-какъ вредить самому враждебному государству и захватывать его имущество несравненно труднѣе, нежели вредить враждебнымъ подданнымъ и конфисковать ихъ собственность, которую можно встрѣтить почти повсемѣстно (²). Но понятно, что простое удобство примѣненія обычая еще не можетъ служить доказательствомъ его справедливости, а развившіяся международныя сношенія, вопреки мнѣнію Гроція, именно и требуютъ настоятельно, во имя всеобщей пользы націй и ради сохраненія между ними взаимнаго довѣрія, возможной неприкосновенности правъ иностранцевъ.

Вообще, относительно репрессалій можно сказать почти тоже самое, что сказано, и о реторсіяхъ. Примѣненіе репрессалій оправдывается въ международныхъ отношеніяхъ, какъ выраженіе необходимой обороны государствъ, вслѣдствіе ихъ взаимной самостоятельности. Сравнительно съ войною репрессаліи представляютъ меньшее насиліе, и потому, при вѣроятности успѣха, должны быть предпочитаемы ей (³). Но, точно также, какъ и самооборона въ гражданскомъ быту, репрессаліи могутъ быть примѣняемы обиженнымъ государствомъ лишь въ случаѣ несомнѣннаго нарушенія его права и не иначе, какъ при безуспѣшности мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія съ противникомъ (⁴). Кромѣ того, на основаніи сказаннаго, можно оправдать лишь публичныя репрессаліи

(¹) *Grotius De jure belli ac pacis*, l. III, c. II § 7.—*Wolff Jus gentium*, §§ 598—99.—*Vattel Droit des gens*, l. II, ch. XVIII, §§ 343, 349.—*Martens Précis* § 258.—*Ortolan Regles intern.* t. I, ch. XVI, p. 350.

(²) *Grotius De j. b. ac. p.* l. III, cap. II, §§ 4—2.

(³) *Vattel Dr. des g.* l. II, ch. XVIII, § 354.—*Berner Repressalien* (*Staatswörterbuch*, VIII S. 596).—*Bulmerincq Repressalien* (*Holtzendorff's Enoyklopädie*, III S. 376.).

(⁴) *Vattel Dr. des g.* l. II, ch. XVIII, § 343.—*Philimore Commentaries* III, p. 14.—*Tr. Twiss Law of Nations* II, § 19, p. 35.—*Bynkershoek Quaestiones juris publici*, l. I. cap. XXIV: «Ne repressalia concedantur, nisi palam denegata justitia».

въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть такія, которыя не только согласно современному обычаю, совершаются органами государственной власти, но и по самому предмету своему распространяются лишь противъ правъ самого враждебнаго государства и не нарушаютъ, по крайней мѣрѣ непосредственно, частныхъ правъ его подданныхъ. „Государства, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Мартенсъ, ведутъ между собою споръ, они прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, съ цѣлью возмездія за нарушение права и только ими, или ихъ представителями, должны ограничиваться репрессалии“⁽¹⁾. Самое же свойство, а также и размѣръ репрессалій обуславливаются значеніемъ правонарушенія, вызвавшаго репрессалію, и ни въ какомъ случаѣ, даже и въ видѣ таліона, репрессалии не должны состоять, особенно-же въ отношеніи враждебныхъ лицъ, въ какой либо бесполезной жестокости⁽²⁾.

Но репрессалии, какъ и реторсія, въ отношеніи цѣлесообразности, представляются ненадежнымъ средствомъ для прекращенія международныхъ споровъ. Какъ отдѣльныя принудительныя мѣры, по существу своему, онѣ не могутъ, конечно, въ противоположность войнѣ, поставить враждебное государство въ положеніе невозможности къ дальнѣйшему сопротивленію, а между тѣмъ, составляя, въ видѣ возмездія, сознательное нарушение права, подаютъ поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ и нареканіямъ между противниками и могутъ, вообще, привести ихъ лишь къ бѣльшему ожесточенію. Поэтому на практикѣ репрессалии примѣняются обыкновенно лишь сильными, государствами противъ слабыхъ и, съ цѣлью устрашенія, вопреки справедливости, выражались иногда въ весьма суровыхъ дѣйствіяхъ⁽³⁾.

⁽¹⁾ О правѣ собственности и пр. стр. 35.—Ср. также G. Fr. Martens Précis etc § 258, note de *Pinheiro—Ferreira*.

⁽²⁾ *Bluntschli* Das moderne Völkerrecht, § 504, S. 281.

⁽³⁾ Такую суровую репрессалію употребила, наиримѣръ, Англія противъ королевства обѣихъ Сицилій въ 1840 году. За два года передъ тѣмъ, неаполитанское правительство заключило контрактъ съ одною французскою компаніей, по которому предоставило ей монополію на добываніе сѣры въ Сициліи (*sulphur—shopopoly*), въ чемъ Англія увидѣла нарушение своихъ льготъ, принадлежащихъ ей на основаніи торговаго трактата, заключеннаго съ Неаполемъ въ 1816 г., и потребовала уничтоженія контракта. Не, встрѣтивъ отказъ, британское правительство прибѣгло къ репрессалии, которая и

Какъ особые виды репрессалій, но имѣющіе иногда и другое значеніе, между государствами употребляются еще такъ наз. эмбарго и мирная блокада.

Эмбарго (отъ испанскаго *embargar*—задерживать) означаетъ вообще налагаемый по повелѣнію верховной власти арестъ судовъ и кораблей, находящихся въ гаваняхъ и вообще въ территоріальныхъ водахъ какого-либо государства. Оно имѣетъ двойное значеніе и раздѣляется на гражданское и международное эмбарго—*civil and international embargo*. Гражданское эмбарго есть внутренне-государственная мѣра и налагается съ какою-либо полицейскою цѣлью, въ обширномъ смыслѣ этого слова, смотря по надобности, на извѣстное время и безразлично на корабли всѣхъ націй, какъ отечественные, такъ и иностранные; какъ на примѣръ, оно имѣетъ мѣсто, если извѣстные корабли задерживаются съ санитарною цѣлью, или же ради производства судебнаго слѣдствія, ради пресѣченія возможности распространенія какихъ либо извѣстій, опасныхъ для государства и т. под. Въ этомъ случаѣ, очевидно, что эмбарго составляетъ актъ обыкновеннаго проявленія дѣятельности общественной власти, по существу своему, ни для кого неоскорбительный, хотя, разумѣется, вслѣдствіе задержанія кораблей владѣльцы имъ могутъ понести болѣе или менѣе чувствительный убытокъ, за который и могутъ требовать отъ территоріальной власти надлежащаго удовлетворенія. Международное же эмбарго, или эмбарго въ тѣсномъ смыслѣ, на оборотъ, есть враждебная мѣра между извѣстными государствами и состоитъ въ насильственномъ задержаніи лишь враждебныхъ, какъ военныхъ, такъ и купеческихъ судовъ со всѣмъ ихъ грузомъ и экипажемъ. При этомъ, международное эмбарго примѣняется на

состояла въ томъ, что англійскій флотъ на Средиземномъ морѣ получалъ приказаніе захватывать вообще *все* неаполитанскія суда—какъ военные, такъ и частныя, и приводить ихъ, въ качествѣ призовъ, въ англійскіе порты. Тогда и неаполитанское правительство, съ своей стороны, стало готовиться къ сопротивленію, в такомъ образомъ споръ грозилъ превратиться въ открытую войну. Но однакоже, въ скоромъ времени, благодаря посредничеству Франціи, споръ былъ оконченъ миромъ: Англія возвратила свои призы, а неаполитанское правительство, заплативъ неустойку, расторгло контрактъ съ французскою компаніею.—*Phillimore's Commentaries*, III, p. 27—8.—*Twiss Law of Nations*, II, p. 33—35.

правитѣ не только въ качествѣ самостоятельной, или отдѣльной принудительной мѣры, то есть именно въ качествѣ репрессалии, но и во время или, правильнѣе сказать, при началѣ самой войны (in the contemplation of war), какъ вообще одна изъ стратегическихъ мѣръ между враждующими государствами. Самая же сущность, или практическое послѣдствіе наложенія международнаго эмбарго зависить отъ дальнѣйшей судьбы спора. Если споръ оканчивается какимъ-либо миролюбивымъ соглашеніемъ, то эмбарго снимается, т. е. задержанные корабли съ ихъ грузомъ и экипажемъ освобождаются отъ ареста и могутъ безпрепятственно оставить гавань; а если же международное столкновение приводитъ къ открытой войнѣ, то лица, принадлежащія къ экипажу кораблей, становятся военнопленными, а самые корабли вмѣстѣ съ враждебнымъ грузомъ подвергаются конфискаціи⁽¹⁾. Такимъ образомъ, очевидно, что, распространяясь на права невинныхъ враждебныхъ подданныхъ, эмбарго, какъ и вообще репрессалии, по существу своему, является несправедливою принудительною мѣрою для прекращенія международныхъ несогласій. Налагаемое совершенно внезапно, въ то время, когда частные корабли, ничего не подозрѣвая, входятъ въ гавань, по ихъ предположенію, дружественнаго государства, оно подрываетъ взаимное довѣріе націй и дѣйствуетъ одинаково вредно вообще для всѣхъ государствъ, затрудняя правильное развитіе международныхъ торговыхъ сношеній⁽²⁾. Поэтому, еще съ конца среднихъ вѣковъ государства заключаютъ между собою трактаты, по которымъ наложеніе эмбарго, какъ и вообще примѣненіе репрессалій, ограничивается лишь случаями отказа въ правосудіи и можетъ имѣть мѣсто уже послѣ безуспѣшности дипломатическихъ переговоровъ между государствами, по прошествіи извѣстнаго срока; а по нѣкоторымъ трактатамъ государства даже совершенно отказались отъ взаимнаго примѣненія эмбарго, въ качествѣ международной враждебной мѣры, сохранивъ за собой право лишь на гражданское эмбарго, прилагаемое, по мѣрѣ надобности,

⁽¹⁾ Ср. *Tr. Twiss Law of Nations* II, § 12, p. 24.—*Bluntschli Vrt* § 509.—*Holtzendorff Encyclopaedie der Rechtswissenschaft* II, s. 345—46.

⁽²⁾ *G. Fr. Martens Précis etc.* § 268.—*Ferrero-Gola Corso di dir. internaz.* v. 1, p. 317.

въ отношеніи всѣхъ націй⁽¹⁾. Но, тѣмъ не менѣе, случаи наложенія эмбарго, въ качествѣ репрессалій, встрѣчаются и въ новѣйшее время, особенно со стороны Англій⁽²⁾.

Подобно эмбарго и примѣненіе *блокады*, какъ враждебной международной мѣры, можетъ также имѣть различное значеніе. Блокадою, какъ извѣстно, называется вообще оцѣпленіе вооруженною силою государства извѣстныхъ гаваней и портовъ, или, даже, и цѣлаго морскаго берега враждебной страны съ цѣлью воспрепятствовать внѣшнимъ сношеніямъ для блокируемыхъ мѣстностей. Большою частію блокада примѣняется, какъ стратегическая мѣра, во время самой войны между государствами, и тогда нарушеніе блокады, то есть, попытка прорвать блокадную сторожевую линію, чтобъ про-

(1) Таковъ, напр., торговый трактатъ между Пруссіей и Сѣверо-Американскими Штатами отъ 11 іюля 1799 г. и трактатъ между Россіей и Швеціей отъ ^{30 мая} 11 іюня 1801 г. Ср. *Heffter* Europ. Vrt. 1867. § 112, s. 205.

(2) Кромѣ наложенія эмбарго въ громадныхъ размѣрахъ во время войнъ французской революціи и первой имперіи, Англія, прибѣгла къ этой мѣрѣ, въ соединеніи съ другими репрессаліями, въ 1850 году, противъ Греціи, по поводу претензіи португальскаго еврея, Пацифико, находившагося подъ покровительствомъ Англій. Во время народнаго мятежа въ Афинахъ, въ 1847 году, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, былъ разрушенъ домъ этого еврея и разграблено или уничтожено нѣкоторое имущество, — за что Пацифико требовалъ отъ греческаго правительства удовлетворенія въ 800,000 драхмъ (200,000 руб.) Чтوبъ настоять на исполненіи этой претензіи, британское правительство выслало противъ Греціи цѣлую эскадру изъ 13 кораблей съ 700 пушками и 7000 матросовъ. По прибытіи эскадры, англійскій посланникъ, устраняя всякое разсужденіе, потребовалъ удовлетворенія въ 24 часа, и когда греческое правительство отказало, то англійскій флотъ объявилъ берега Греціи въ блокадѣ для военныхъ кораблей, сдѣлавъ нѣсколько призовъ на морѣ и, вслѣдъ затѣмъ, наложилъ эмбарго на тысячу греческихъ купеческихъ судовъ. Такія грубыя и суровыя дѣйствія со стороны Англій противъ слабой Греціи вызвали порицаніе даже въ англійской палатѣ лордовъ, а державы-покровительницы Греціи, Франція и особенно Россія, сдѣлали англійскому правительству, въ пользу Греціи, весьма энергическія дипломатическія представленія. Споръ былъ оконченъ при посредничествѣ Франціи: представленный отъ Пацифико счетъ о понесенныхъ убыткахъ былъ опровергнутъ, и, вмѣсто первоначальнаго сумасброднаго требованія Пацифико удовольствовался вознагражденіемъ лишь въ 8,000 франковъ. — Ср. *Ортоланъ*. Морское международное право, перев. *Лоуицкаго*. Спб. 1865. Прилож. № 6. стр. 220—25. Смъ также *Phillimore's Commentaries* III, p. 29—33.

нигнуть въ блокируемый портъ, или выйдти изъ него, подвергаетъ всякій корабль, какъ непріятельскій, такъ и нейтральный, конфискаціи ⁽¹⁾. Но, кромѣ того, примѣненіе блокады между враждующими государствами можетъ быть также и въ мирное время, то есть, въ качествѣ лишь отдѣльной принудительной мѣры, или въ качествѣ репрессалии, что и составляетъ такъ наз. *мирную блокаду* — *blocus pacifique*. Такая мирная блокада встрѣчается въ международной практикѣ лишь въ новѣйшее время. Именно, въ первый разъ её употребили въ 1827 году Англія, Франція и Россія въ защиту возставшей Греціи противъ Турціи. Союзники блокировали тогда греческія гавани съ цѣлью удержатъ въ нихъ турецкій флотъ и воспрепятствовать подвозу для турецкихъ войскъ провіанта и аммуниціи. Затѣмъ Франція примѣнила мирную блокаду противъ Португаліи въ 1831 году; Англія противъ Новой Гранады въ 1836; потомъ опять Франція— противъ Мексики въ 1838 г. и, наконецъ, въ томъ же году, Англія и Франція соединенными силами, начали мирную блокаду противъ Аргентинской республики, продолжавшуюся въ теченіи десяти лѣтъ ⁽²⁾. При этомъ, что касается самыхъ послѣдствій нарушенія мирной блокады, то Англія совершенно отождествила значеніе этой мѣры съ военною блокадою и безразлично конфисковала какъ враждебные, такъ и нейтральные корабли, нарушившіе блокаду. Франція же, напротивъ, за нарушеніе мирной блокады подвергала конфискаціи только корабли нейтральныхъ, а на враждебныя суда налагала лишь временный секвестръ впредъ доснятія блокады ⁽³⁾.

Въ наукѣ международного права вопросъ о значеніи мирной блокады является спорнымъ. Гефферъ и Коши ⁽⁴⁾ оправдываютъ примѣненіе этой мѣры, указывая на умѣренность ея сравнительно съ настоящею войною. Но большинство публицистовъ, какъ напримѣръ Готфѣль, Гесснеръ ⁽⁵⁾ и

⁽¹⁾ *Ortolan Regles internationales*, 1864, t. II, ch. IX, p. 337.

⁽²⁾ *Bluntschli Vrt.* § 506. *Heffter Europ. Vrt.* 1867. s. 206. *Hautefeuille Droits et devoirs des nations neutres*, éd 1858, t. II, p. 282.

⁽³⁾ *Marquess* о правѣ частной собственности во время войны стр. 50.

⁽⁴⁾ *Heffter Europ. Völkerrecht*, § 112, s. 106. *Cauchy Droit maritime international etc.*, 1862. t. II, p. 426—28.

⁽⁵⁾ *Hautefeuille Droits et devoirs des neutres*, 1858, t. II, p. 272—88. *Gessner Le droit des nations neutres sur mer*, 1865, p. 245 et suiv.

др., высказываются против мирной блокады, указывая преимущественно на несправедливо-причиняемый ею вред въ отношеніи нейтральныхъ, и представителемъ того же мнѣнія въ нашей литературѣ является проф. Мартенсъ, который вообще весьма энергически отвергаетъ законность и рациональность этой мѣры. „Мы отказываемся, говоритъ г. Мартенсъ, видѣть въ мирной блокадѣ ступень развитія международной жизни и удовлетворенія духу гуманности нашего столѣтія. Мы безусловно отвергаемъ прогрессъ, состоящій въ смѣшеніи нормального мирнаго положенія съ нормальнымъ—войны; мы возстаемъ, во имя права, противъ всякой попытки потворствовать насиліямъ великихъ державъ относительно безсильныхъ, и препятствовать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мирнымъ сношеніямъ частныхъ лицъ между собою“ (1). Дѣйствительно, въ приведенныхъ словахъ много справедливаго. Мирная блокада, какъ и всякая репрессалія, очень легко можетъ остаться безъ всякаго успѣха и лишь затянуть международную вражду, какъ это и доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ примѣръ 10-лѣтней блокады Аргентинской республики. Кромѣ того, нельзя оправдать также и распространеніе стѣснительныхъ послѣдствій мирной блокады на права постороннихъ государствъ, неучаствующихъ въ распрѣ, и ихъ подданныхъ и лишать ихъ возможности дружественныхъ сношеній, въ мирное время, съ блокируемою державою. Въ этомъ случаѣ, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи о нейтралитетѣ и объ исполненіи нейтральными своихъ обязанностей, такъ—какъ юридическое состояніе нейтралитета, или права и обязанности нейтральныхъ вызываются лишь открытою войною, какъ неизбежное послѣдствіе военной необходимости. Но тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, вслѣдствіе своеобразности международныхъ отношеній, мы все-таки не можемъ считать мирную блокаду безусловно—несправедливою, принудительною мѣрою между государствами. По нашему мнѣнію, для юридическаго оправданія ея, требуется только, въ отличіе отъ существующей практики и въ противоположность ученію публицистовъ, защитниковъ этой мѣры, лишь именно ограниченіе стѣснительныхъ

(1) Мартенсъ о правѣ частной собственности во время войны, стр. 54. Ср. тамъ-же предш. стр. 49—53.

послѣдствій мирной блокады самими враждующими государствами и ихъ подданными. И въ самомъ дѣлѣ, если государства, вслѣдствіе своей самостоятельности, для охраненія своихъ взаимныхъ правъ, могутъ прибѣгать даже въ открытой войнѣ, какъ въ крайней насильственной мѣрѣ, то тѣмъ болѣе нельзя оспаривать у нихъ права, посредствомъ наложенія мирной блокады, безъ всякаго кровопролитія, преграждать возможность свободного входа и выхода для военныхъ кораблей враждебнаго государства относительно блокируемой мѣстности. Какъ напр., такая блокада, со стороны юридической, совершенно оправдывается, если предпринимается для предупрежденія выхода изъ порта враждебной военной эскадры, предназначаемой для нападенія на отдаленную колонию блокирующаго государства и т. под. И точно также, если вслѣдствіе мирной блокады преграждается свободный входъ и выходъ для враждебныхъ купеческихъ судовъ, то въ этомъ нельзя еще видѣть, со стороны блокирующаго государства, прямого нарушенія правъ невинныхъ враждебныхъ подданныхъ,—какъ это бываетъ, напримѣръ, при наложеніи эмбарго и вообще при репрессаліяхъ, когда частныя лица и ихъ имущество подвергаются непосредственному захвату,—а болѣе или менѣе страдаютъ лишь интересы частныхъ лицъ, какъ это, въ извѣстной степени, вообще неизбежно при каждомъ международномъ столкновеніи. Разумѣется, дѣйствіе мирной блокады, относительно прекращенія международныхъ споровъ, по самому существу своему, не можетъ быть столь рѣшительнымъ, какъ результаты открытой войны между государствами, и безпорно также, что ограниченіе стѣснительнаго вліянія этой мѣры лишь самими враждующими сторонами существенно ослабляетъ ея практическое значеніе. Но рѣшеніе вопроса о цѣлесообразномъ примѣненіи того или другаго средства, ради достиженія опредѣленной цѣли, есть уже дѣло государственной политики, и мы старались лишь доказать что мирная блокада, въ качествѣ отдѣльной принудительной мѣры между враждующими государствами, если не распространять ея стѣснительныхъ послѣдствій на постороннія государства и ихъ подданныхъ, не можетъ быть отвергаема на основаніи международного права ⁽¹⁾.

(1) Такою же мнѣнію относительно мирной блокады, какъ кажется, держится *Блунчли*, хотя и не высказываетъ его категорически. Ср. его *Das moderne Völkerrecht*, §§ 506—507.

Но чаще всего при безуспѣшности мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія, между спорящими государствами происходитъ на практикѣ отозваніе посланниковъ и вообще *перерывъ дипломатическихъ сношеній*. Такія сношенія развиваются все болѣе и болѣе, по мѣрѣ общаго развитія международнаго оборота, и постоянныя посольства являются теперь не только доказательствомъ взаимнаго расположенія между извѣстными государствами, но и обоюдно выгодны и даже необходимы для нихъ, какъ органы международной дѣятельности государствъ, имѣющіе своимъ назначеніемъ защиту и представительство своихъ отечественныхъ правъ и интересовъ. Поэтому, перерывъ дипломатическихъ сношеній со стороны обиженнаго государства нельзя не признать весьма важною принудительною мѣрою, чтобы заставить противника вникнуть въ свое поведеніе. „Такою мѣрою, говоритъ Роб. Мольтше, съ одной стороны выражается сильное чувство оскорбленія и рѣшимость не терпѣть долѣе причиняемой несправедливости, что можетъ побудить противника къ исправленію своего образа дѣйствій; а потомъ, и самый вредъ, проистекающій для противника вслѣдствіе прекращенія правильныхъ дружественныхъ сношеній можетъ привести его къ необходимости искушать снова сближенія съ обиженнымъ государствомъ, чтобы возратить прежнее взаимно-выгодное положеніе“ (1).— Конечно, и само государство, прерывающее сношенія, болѣе или менѣе, терпитъ отъ этого; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такая мѣра не должна имѣть мѣста, если отъ примѣненія ея можно ожидать гораздо большихъ выгодъ. Только, во всякомъ случаѣ, перерывъ дипломатическихъ сношеній, чтобы не быть въ свою очередь нарушеніемъ права, не долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ нарушеніе специальныхъ обязанностей государства, вытекающихъ изъ трактатовъ, а также и общихъ юридическихъ обязанностей и можетъ повлечь за собою лишь отмѣну такихъ льготъ и преимуществъ, которыми пользовался противникъ, или его подданные, при нормальномъ состояніи лишь вслѣдствіе простой вѣжливости и вообще по доброй волѣ со стороны обиженнаго государства (2).

(1) *Rob. von Mohl* Encyklopaedie der Staatswissenschaften. § 66. s. 452.

(2) *Ibidem*. Ср. Также *Huhn* Völkerrecht. 1865. S. 228—29.

III.—Наконецъ, послѣднее и самое крайнее средство для прекращенія международныхъ несогласій, какъ уже замѣчено, есть война между государствами. Въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ, применяемыхъ въ международной практикѣ для охраненія взаимныхъ правъ государствъ, состояніе войны представляетъ собою уже высшую степень международного принужденія и существенно измѣняетъ взаимныя права и обязанности государствъ. Но для того, чтобы понять съ большею правильностью юридическое значеніе войны, мы познакомимся сперва, хотя въ общихъ чертахъ, съ исторіей международныхъ отношеній и постараемся выяснитъ при этомъ послѣдовательное развитіе военныхъ юридическихъ обычаевъ, а потомъ рассмотримъ также и тѣ мѣры, которыя, уже съ давняго времени, предпринимаются для устраненія самой возможности войны, или для водворенія всеобщаго и вѣчнаго мира.

ГЛАВА II.

Обсужденіе послѣдовательнаго развитія международныхъ отношеній вообще и права войны въ особенности.

Правильное международное общезнате, какъ мы уже замѣтили, составляетъ явленіе собственно новаго времени. Для возникновенія его необходимы вообще два условія: во 1)-хъ совмѣстное и одновременное существованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ, какъ членовъ международнаго союза, взаимно признаваемыхъ независимыми и самостоятельными, и во 2)-хъ—общность или солидарность нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе важныхъ интересовъ, существующихъ въ этихъ государствахъ, и сознаніе ими такой солидарности. Но понятно, что оба эти условія въ своей совокупности могутъ образоваться лишь вслѣдствіе достаточнаго развитія какой-либо, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ общей цивилизаціи извѣстной группы народовъ. Только развитый народъ, отрѣшившись отъ своихъ племенныхъ и религіозныхъ предразсудковъ, въ состояніи возвыситься до сознанія равноправности другихъ народовъ, и только онъ, преслѣдуя свои многочисленныя жизненныя цѣли, можетъ почувствовать необ-

ходимость не только случайныхъ, но и правильныхъ взаимныхъ сношеній съ ними; тогда какъ, съ другой стороны, общность цивилизаціи, порождая въ народахъ одинаковыя понятія и потребности, дѣлаетъ эти сношенія болѣе или менѣе постоянными и подчиняетъ ихъ опредѣленному юридическому порядку, основанному на сознаніи народовъ въ его полезности и практической необходимости⁽¹⁾. Вотъ почему, вслѣдствіе разнообразныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, правильная международная жизнь началась въ Европѣ лишь съ XVII стол., и только по мѣрѣ распространенія европейской гражданственности въ другихъ частяхъ свѣта распространяются также соотвѣтственно и территоріальные предѣлы международнаго союза съ господствующимъ въ немъ международнымъ правомъ.

Но если, такимъ образомъ, правильное международное общеніе является произведеніемъ ново-европейской цивилизаціи, то вообще международныя сношенія, въ томъ или другомъ видѣ, встрѣчаются повсемѣстно и во всѣ времена. Они вызываются уже самымъ фактомъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія отдѣльныхъ государствъ и народовъ, и нерѣдко даже вопреки ихъ воли, вслѣдствіе практической необходимости. А вмѣстѣ съ этимъ, въ силу такой же необходимости извѣстнаго порядка въ жизни, у всѣхъ народовъ, мало по малу, путемъ обычая и сознательной воли, соотвѣтственно со степенью культуры, образуются также и извѣстныя нормы для регулированія ихъ взаимныхъ отношеній. Такъ всѣ народы, смотря по требованію обстоятельствъ, управляютъ и принимаютъ посольства, ведутъ войны другъ съ другомъ, заключаютъ миръ и пр., и все это съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, сообразно съ пониманіемъ народовъ относительно существа даннаго отношенія. Справедливо, что эти взаимныя отношенія и опредѣляющія ихъ нормы у первобытныхъ, или односторонне-развитыхъ народовъ являются вообще весьма не совершенными и отличаются суровостью и грубостью, какъ и самые нравы общества; но тѣмъ не менѣе въ нихъ все-таки нельзя не видѣть, болѣе или менѣе, осоза-

⁽¹⁾ Объ условіяхъ образованія международнаго права подробно говорить проф. *Блэцкій* въ сочиненіи своемъ «О значеніи междунар. права и пр.» стр. 24—29.

тельныхъ слѣдовъ или зародышей опредѣленнаго международнаго порядка. Слѣдовательно международный бытъ, какъ и вообще все явленія соціально-юридическаго характера, развивается подъ условіями мѣста и времени и раскрывается вполне во всемирной исторіи.

Посмотримъ теперь, въ какомъ же видѣ представляются намъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, вѣщныя отношенія и въ особенности военные обычаи у главнѣйшихъ историческихъ народовъ.

Древній міръ.

Въ древности международныя отношенія были вообще проникнуты характеромъ національной исключительности. При отсутствіи высшихъ потребностей, вслѣдствіе первобытной простоты жизни и, главнымъ образомъ, по причинѣ разнообразія мѣстныхъ или національныхъ религиозныхъ вѣрованій, отличавшихся нетерпимостью, древніе народы, въ большей или меньшей степени, чуждались вѣщныхъ сношеній, или же, проникнутые гордымъ сознаніемъ о своемъ относительномъ превосходствѣ, стремились къ взаимному поработенію⁽¹⁾. Поэтому о правильныхъ международныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на свободной и сознательной волѣ государствъ, за немногими исключеніями, въ эпоху древности не можетъ быть рѣчи, и вѣсто общеобязательнаго международного права для цѣлой группы государствъ, мы видимъ тогда лишь нѣсколько, болѣе или менѣе, развитыхъ системъ собственно вѣшняго государственнаго права, по числу историческихъ народностей⁽²⁾.

Обращаясь въ частности къ *Востоку*, мы встрѣчаемъ вѣсь, прежде всего, *теократическія государства* — Индію, Египетъ, Іудію. Здѣсь все основано на религиозныхъ началахъ и священныя книги являются въ тоже время законодательными кодексами. А поэтому, разъ установленный, весь строй жизни, какъ созданіе самого божества, считается бесу-

⁽¹⁾ Vergé, Droit des gens avant et depuis 1789 (Introduction à Martens, Précis etc éd. 1858, p. VIII).

⁽²⁾ Ср. Müller Jochmus, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, 1848, S. 19—20, 226.

словно обязательнымъ и охраняется со всевозможною тщательностью. Отсюда строгій внутренній порядокъ и долговѣчность теократій, а также и ихъ неизбежный порокъ — большее или меньшее порабощеніе индивидуальной свободы человѣка и вообще неподвижность, или застой жизни. Отсюда также и международное затворничество теократическихъ государствъ, или систематическое отчужденіе ихъ отъ внѣшнихъ сношеній съ другими народами, изъ опасенія опорочить себя и утратить чистоту вѣры. Считаю себя народами избранными, теократическія націи смотрѣли на иностранцевъ вообще съ презрѣніемъ и затрудняли для нихъ доступъ въ свое государство⁽¹⁾.

Однако же и теократическіе народы, вопреки принципу своей жизни, не могли оставаться совершенно уединенными. По крайней мѣрѣ въ извѣстные періоды своей исторіи, волею-неволею, они вступали въ разнообразныя сношенія съ другими народами и такимъ образомъ содѣйствовали взаимному обмѣну идей и произведеній. Укажемъ, напримѣръ, на постоянныя сношенія Египта, подъ конецъ его самобытнаго существованія, со временемъ Исамметиха, съ Греками и Финнвіянами, — на сношенія еврейскихъ царей, Давида и въ особенности Соломона съ Хирамомъ Тирскимъ и другими окрестными царями⁽²⁾ и т. под.

Но главнымъ образомъ внѣшнія отношенія теократическихъ государствъ, какъ и вообще международныхъ отноше-

(1) Индійское законодательство ставитъ иностранцевъ — *mitchas* — не только ниже всѣхъ туземныхъ кастъ, даже самыхъ отверженныхъ, но и ниже нѣкоторыхъ животныхъ (Ср. *Mānava-Dharma-Sāstra* XII, 43). — Египтяне также признавали всѣхъ иностранцевъ нечистыми, и до VII ст. до Р. Хр. для пребыванія ихъ былъ открытъ въ Египтѣ одинъ только портъ — Наваратъ (*Laurent, Histoire du droit des gens, 1835, T. I. p. 269, 272*). — Пребызаніе иностранцевъ въ Іудею могло имѣть мѣсто лишь подъ условіемъ соблюденія или основанія законовъ (*proselyti inhabitantes*), и только съ полнымъ принятіемъ іудейскаго закона иностранцы получали одинаковыя права съ самими Евреями (*proselyti justitiae*. — Ср. *Müller-Jochims Geschichte des Völkerrechts im Alterthum § 19 S. 60*). — Но Аммонитяне и Моавитяне совершенно не могли быть терпимы въ средѣ Евреевъ в всякія ширныя связи съ ними были безусловно запрещены. (Второе Царств., 3—6).

(2) 2 кн. Цар. V, 2; 3 кн. Цар. V.

на въ древности, были враждебныя. Хотя по своему характеру эти государства и не отличались воинственными стремленіями, но какъ самое происхожденіе ихъ совершилось посредствомъ завоеванія, такъ и въ теченіе своей долгой жизни онѣ были вынуждены вести многочисленныя войны съ другими народами, отражая ихъ нападенія и вслѣдствіе религіозной неапатности. Такъ, *Индія*, самая миролюбивая и неподвижная изъ теократій, имѣла, однако же, свой героическій періодъ, когда совершилось завоеваніе Арійцами Индостана. И кромѣ того, даже и подѣ теократическимъ господствомъ браминовъ, замкнувшись въ самой себѣ, Индія была перѣдко раздираема внутренними войнами, между отдѣльными индійскими владѣніями, и въ тоже время подвергалась нападеніямъ великихъ завоевателей древности — Семирамиды, Сесотриса египетскаго, Дарія персидскаго и Александра Великаго. Но военные обычаи древнихъ Индусовъ въ томъ видѣ, каковы они были въ дѣйствительности, мало извѣстны. За то въ священномъ законодательствѣ Ману (*Mānava — Dharmasāstra*) мы встрѣчаемъ цѣлую систему внѣшней политики браминовъ, гдѣ содержатся также и опредѣленія, относящіяся къ войнѣ. Браминамъ, говоря вообще, были опасны войны. Какъ жрецы, они уже не могли имѣть во время войны первенствующаго значенія и рисковали даже совершенно утратить его въ пользу воиновъ. А поѣтому, понятно, что интересъ браминовъ состоялъ въ томъ, чтобы предупредить войну путемъ дипломатіи, гдѣ тонкій и изворотливый умъ браминовъ могъ найти для себя полное приложеніе. И дѣйствительно, въ такомъ духѣ и начертаны опредѣленія индійскаго законодательства. „Такъ-какъ никогда нельзя предвидѣть съ несомнѣнностью, на чьей сторонѣ будетъ побѣда или поражение, то царь обязанъ, по предписанію священной книги, насколько возможно избѣгать войны“⁽¹⁾. Средства же для этого, рекомендуемыя законодателемъ — дипломатическіе переговоры, подкупы, возбужденіе раздоровъ въ средѣ противника⁽²⁾. Все это дѣлается черезъ посредство посланниковъ, въ выборѣ которыхъ царь долженъ быть крайне осмотрителенъ. Отъ искусства посланника зависятъ война и миръ, примиреніе враговъ

(1) *Mānava-Dharma-Sāstra*, VII, 199.

(2) *Ibid.* VII, 198.

и ссора союзниковъ (¹). Посланникъ долженъ внимательно слѣдить за всѣми предпріятіями и намѣреніями иностраннаго правительства и немедленно доносить о нихъ своему государю (²). Онъ долженъ даже наблюдать за жестами и тономъ голоса иностраннаго царя и дѣлать по нимъ свои заключенія, долженъ быть неподкупенъ, хотя въ то же время, съ своей стороны, какъ уже замѣчено, не долженъ пренебрегать никакими средствами для достиженія цѣли (³). Кромѣ посланниковъ царь долженъ пользоваться и услугами шпионовъ (⁴). Но, узаконивъ такимъ образомъ всѣ виды хитрости и коварства съ цѣлью предупредить войну, индійское законодательство предписываетъ вмѣстѣ съ этимъ, если война окажется неизбежною, весьма гуманныя правила относительно самого способа ея веденія. Въ этихъ правилахъ, кромѣ строгой законности, нельзя не видѣть даже нѣкоторыхъ требованій рыцарскаго великодушія. Воинамъ запрещается употреблять отравленное оружіе и предписывается не убивать просащихъ о помилованіи и добровольно сдающихся въ плѣнъ, также — спящихъ, безоружныхъ, смотрящихъ на сраженіе со стороны, убитыхъ горестью, тяжело-раненыхъ, даже трусовъ и спасающихся бѣгствомъ (⁵). И точно также, послѣ побѣды, хотя индійскій законодатель и признаетъ право побѣдителя поступить съ завоеванною странюю по собственному усмотрѣнію, но въ то же время совѣтуетъ ему, изъ политическихъ соображеній, быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ; какъ наприм.—предлагаетъ оставить неприкосновенными мѣстные законы въ покоренной странѣ, оказывать уваженіе мѣстнымъ богамъ и браминамъ, обратиться къ покоренному народу съ успокоительными прокламаціями и т. под. (⁶).

Вообщѣ, оставая въ сторонѣ постановленія о дипломатическихъ интригахъ, столь свойственныхъ браминамъ по ихъ соціальному положенію, нельзя не согласиться, что юридическое значеніе войны въ индійскомъ законодательствѣ

(¹) Ibid. VII, 65—66.

(²) Ibid. VII, 68.

(³) Ibid. VII, 63, 67; ср. также VII, 107, 197.

(⁴) Ibid. VII, 184.

(⁵) Ibid. VII, 90—93.

(⁶) M-D-S, VII, 203, 201.

выражено довольно вѣрно. По его опредѣленіямъ война является не простымъ грубымъ актомъ насилія, но враждебнымъ состояніемъ или борьбою государствъ, вызываемою необходимостью и подчиненною, въ своимъ проявленіи, извѣстнымъ правиламъ, сообразно цѣли войны. Законодательство запрещаетъ во время войны почти всякую бесполезную жестокость и этимъ сообщаетъ войнѣ лишь публичный характеръ, — вражды собственно между самими государствами и ихъ правительствами, не распространяя ее на мирныхъ гражданъ. Правда, весьма сомнительно, чтобы въ дѣйствительности военные обычаи Индусовъ соотвѣтствовали этимъ гуманнымъ законодательнымъ требованіямъ. Даже и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, представляютъ намъ факты противоположнаго свойства. Припомнимъ, на примѣръ, отверженное почти безправное состояніе низшихъ кастъ въ Индіи, образовавшихся, какъ извѣстно, изъ покоренныхъ Арійцами туземцевъ Индостана; или-же, укажемъ также на свидѣтельство Діодора Сицилійскаго, по словамъ котораго Индусы хотя и оставляли неприкосновенными землевладѣльцевъ во время войны, но въ битвахъ съ войсками Алясандра В., вопреки запрещенію законодательства, употребляли, однако же, отравленные стрѣлы и вообще далеко не оазывали въ обращеніи съ непріятелями той пощады и гуманности, какъ ихъ знаменитый противникъ⁽¹⁾. Но, если бы даже постановленія Ману относительно веденія войны и оставались у Индусовъ совершенно мертвою буквою, безъ всякаго практическаго примѣненія, то тѣмъ не менѣе, уже сами по себѣ, они все-таки представляютъ знаменательное явленіе. Они свидѣлствуютъ, что совѣсть человѣческая уже въ эпоху глубокой древности⁽²⁾ протестовала противъ безграничнаго произвола въ войнахъ и если еще не вслѣдствіе юридическаго сознанія, то по крайней мѣрѣ, подѣ

⁽¹⁾ *Diodor.* II, 36, 40; XVII, 103. — Ср. *Laurent*, l. c. t. 1. p. 78, 80.

⁽²⁾ Время составленія *Уложенія Ману* съ точностью неизвестно. Оно имѣло нѣсколько редакцій и вообще было составлено между 13 и 5 стол. до Р. Хр. Мы пользовались этимъ кодексомъ по французскомъ переводѣ *Leisieur Deslongchamps* (*Mānava-Dharma-Sāstra ou Lois de Manou*), помѣщенномъ у *G. Pauthier*, *Livres sacrés de l'Orient*, Paris, 1844, pp. 331—460.

благотворнымъ вліяніемъ религіи и правдивности требованія подчиненія войны опредѣленнымъ правиламъ.

Затѣмъ гораздо чаще, нежели Индія, вель вѣдшія войны древній *Египетъ*. Къ этому онъ былъ вынужденъ отчасти уже по самому географическому положенію своему. Находясь въ центрѣ древняго историческаго міра, открытый со стороны моря, онъ не могъ совершенно замкнуться въ себѣ самомъ и избѣжать сношеній съ другими народами, а главное, по своему противообщественному характеру, не могъ избѣжать враждебныхъ столкновеній съ ними. Къ тому же царская власть въ Египтѣ, къ ущербу политическаго значенія жрецовъ, была почти неограниченною, что и давало возможность энергическимъ фараонамъ, особенно изъ династіи Сесостридовъ, даже самимъ совершать, болѣе или менѣе, обширныя завоеванія⁽¹⁾. Самыя же войны Египтянъ отличались вообще чрезвычайною жестокостью. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ древніе историки и многочисленные памятники египетскаго искусства съ ихъ надписями и изображеніями. Тамъ, во время битвы не было пощады ни полу, ни возрасту⁽²⁾. Плѣнные цари возили фараона въ его триумфальной колесницѣ, лучшимъ украшеніемъ которой считалась гирлянда изъ отрубленныхъ головъ непріятелей. Остальные плѣнные шли за колесницей, перевязанные по рукамъ въ цѣпи⁽³⁾. Въ первобытныя же времена, по свидѣтельству Манеона, Египтяне приносили плѣнныхъ даже въ жертву богамъ, пока этотъ обычай не былъ отмѣненъ фараономъ Амазисомъ⁽⁴⁾. Кромѣ того, покоренные народы были облагаемы Египтянами огромнымъ трибутомъ и, какъ рабы, трудами цѣлыхъ поколѣній воздвигали пирамиды и другія колоссальныя зданія для увековѣченія памяти своихъ притѣснителей⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Ср. *Каченовскій*, Курсъ междунар. права, вып. 2, 1866, стр. 143—144.

⁽²⁾ *Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française* édit. de Panckoucke t. II, p. 266.

⁽³⁾ *Rosellini*, Monumenti storici dell' Egitto, T. III, P. 4, p. 356, 329. — *Wilkinson*, Manners and Customs of the ancient Egyptians, t. V, p. 285.

⁽⁴⁾ *Schmidt*, De sacrificiis Aegyptiorum, p. 181, 276, 289.

⁽⁵⁾ Ср. *Rosellini*, Monumenti storici, III, 2, pp. 107, 185.

Въ этихъ неистовствахъ Египтянъ во время войны и въ суровомъ обращеніи ихъ съ покоренными народами, кромѣ грубаго національнаго варварства первобытнаго населенія Африки, нельзя не видѣть вліянія религіозныхъ предрасудковъ. Какъ уже замѣчено, на всѣхъ иностранцевъ Египтяне смотрѣли съ омерзевіемъ, какъ на существа нечистыя, а потому и въ побѣдѣ надъ ними признавали волю боговъ наказать иностранцевъ (¹). Вслѣдствіе этого покоренныя націи, по понятію Египтянъ, не могли имѣть никакихъ правъ и не заслуживали вниманія фараона: по призванію своему „онъ царствуетъ лишь надъ Египтомъ, и вараетъ чужеземныя страны“, какъ гласитъ одна изъ надписей Сестоприса Великаго (²).

Наконецъ, всѣ войны *Евреевъ*, какъ по значенію своему, такъ и по способу ихъ веденія, можно свести въ двумъ категоріямъ. Это—война священная, которую велѣ Евреи, по повелѣнію Божію, за обладаніе Палестиной, и затѣмъ всѣ другія войны, предпринимаемыя Евреями по собственному усмотрѣнію.—Самъ Іегова, обѣщая свою помощь, заповѣдаетъ Евреямъ завоеваніе Обѣтованной земли (³). Онъ указалъ симъ на 7 ханаанейскихъ племенъ, жившихъ въ Палестинѣ, и на Амаликитянъ, какъ на вѣчныхъ враговъ (⁴). Въ священной войнѣ съ ними Евреи не могли оказывать пощады ни полу, ни возрасту, ни даже враждебнымъ животнымъ, но должны были совершенно истребить эти племена, чтобъ не заразиться отъ нихъ идолопоклонствомъ и другими гнусными пороками (⁵). И дѣйствительно, Библия повѣствуетъ, что эта священная война, окончившаяся лишь при Соломонѣ, велась Ев-

(¹) *Pasquale-Fiore*, Droit international, trad. de l'italien par *Pradier-Fodéré*, 1869, t. 2, p. 122.

(²) *Rosellini*, Monumenti Storici, T. III, P. 2, p. 163.—О военныхъ обычаяхъ Египтянъ см. вообще *Laurent*, I, p. 257—268; *A. Ferrero-Gola*, Diritto internazionale, v. 1, p. 226.

(³) Второз. VII, 16: «И исти будещи вся корысти языковъ, яко Господь Богъ твой дасть тебѣ: да не пощадитъ ихъ око твоѣ.»

(⁴) Второз. VII, 1—5; XXV, 17—19.—Исходъ XVII, 16.

(⁵) Тамъ же и кромѣ того Второз. XX, 16—18: «Отъ нихъ да не оставите жива всякаго дыханія..... Да не научатъ васъ творити всякія мерзости свои, елики творяша богомъ своимъ, и согрѣшите предъ Господемъ Богомъ своимъ.»

реями самымъ опустошительнымъ образомъ ⁽¹⁾. За нѣкоторое послабленіе въ войнѣ противъ Амалекитянъ царь Саулъ, какъ извѣстно, былъ жестоко укоряемъ пророкомъ Самуиломъ ⁽²⁾. Но помимо священной войны, какъ завѣщанной самимъ Богомъ и которая была необходима для сохраненія религіозной и политической самостоятельности Евреевъ, въ другихъ своихъ войнахъ Евреи поступали вообще довольно гуманно. Ограниченія военныхъ жестокостей были предписаны отчасти самимъ Моисеемъ, а отчасти же образовались по обычаю, какъ дальнѣйшее развитіе его постановленій. Такъ, прежде осады непріятельскаго города требовалась добровольная сдача ⁽³⁾. Сдавшіеся, какъ и вообще плѣнные и покоренные народы не должны быть убиваемы, но обращались въ рабство, или же облагались трибутомъ ⁽⁴⁾. Въ самомъ пылу битвы законъ предписываетъ щадить женщинъ, которыя, однакоже, со всѣмъ имуществомъ врага брались въ плѣнъ; но плѣнная женщина, сдѣлавшаяся наложницею Еврея и потомъ отвергнутая имъ, становилась свободною ⁽⁵⁾. Плодовые деревья въ непріятельской странѣ не должны быть вырубаемы ⁽⁶⁾. Кромѣ того, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, Евреи, во время сраженій, по свидѣтельству талмудистовъ, обыкновенно такъ располагали свой лагерь, что оставляли непріятелю извѣстное мѣсто открытымъ для отступленія, тѣла же убитыхъ враговъ были предаваемы ими погребенію ⁽⁷⁾. Наконецъ Евреи, по своему глубокому религіозному чувству, не вступали въ сраженіе во время праздниковъ, считая ихъ, по закону Моисееву, днями общей молитвы и перемирія, чѣмъ и воспользовались впоследствии, при взятіи Иерусалима, къ великому вреду Евреевъ, сперва Сиріянъ, а потомъ и Римляне, воевавшіе съ ними ⁽⁸⁾.

⁽¹⁾ См. Числ. XXI, 1—3.—Кн. Ис. Нав. VIII, 25—30; X, 28—42; XI, 10—20.—2 кн. Цар. VIII, 2; XII, 31.

⁽²⁾ 1 кн. Цар. XV.

⁽³⁾ Второз. XX, 10: «Аще же придеши ко граду воевати на нь, и воззовеша я съ миромъ».

⁽⁴⁾ Тамъ же; XX, 11; XXI, 10.

⁽⁵⁾ Второз. XX, 13—14; XXI, 11—14.

⁽⁶⁾ Тамъ же; XX, 19.

⁽⁷⁾ *Maimonid*, Halach Melakim, cap. 6 — *Joseph.*, C. Apion. II, 29.—*Müller-Jochims*, Geschichte des Völkerrechts, S. 72—73.

⁽⁸⁾ Исходъ XXXIV, 23—24 — 1 кн. Маккав. II, 34—38.—*Michaëlis*, Mosaisches Recht, § 64—65.

Съ другой стороны, кромѣ теократій, которыя, какъ мы сейчасъ видѣли, отличались затворничествомъ и большею частью были открыты для внѣшнихъ сношеній лишь насильственно, особую группу древне-восточныхъ государствъ представляютъ собою обширныя *деспотіи* Западной и Средней Азіи. Къ нимъ относятся: *Халдея, Ассирія, Валентія, Мидія и Персія*. Кочевые народы, положившіе основаніе этимъ монархіямъ, по самому образу своей жизни, въ противоположность теократическимъ націямъ, были вообще чрезвычайно подвижны и, вслѣдствіе недостатка естественныхъ средствъ къ существованію, склонны къ приключеніямъ и хищничеству. Неудивительно, поэтому, что случайно соединившись, во имя общей поживы или изъ страха наказанія, вокругъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ вождей и безпрекословно повинувая ихъ желѣзной волѣ, эти народы явились способными къ обширнымъ завоеваніямъ⁽¹⁾. Но основанныя такимъ образомъ посредствомъ насилія и единственно поддерживаемыя имъ деспотическія государства не могли имѣть той устойчивости, какъ теократія. Ихъ цивилизація была слишеюмъ груба и недолговѣчна⁽²⁾. Деспоты скоро утрачивали свой воинственный духъ и преданные властолюбивой нѣгѣ, не умѣли связать своихъ разноплеменныхъ государствъ органическимъ законодательствомъ и правильною администраціей. Многія изъ покоренныхъ провинцій сохраняли свое прежнее управленіе и вообще всѣ имѣли полунезависимыхъ правителей. Но это не было, однакоже великодушіемъ со стороны побѣдителя, а свидѣтельствуеть лишь о грубости его, такъ-какъ единственная цѣль завоеваній и вся забота управленія, какъ и впоследствии у Монголовъ, состояла только въ полученіи дани, которая взыскивалась съ чрезвычайною строгостью⁽³⁾. Вслѣдствіе этого, возстанія въ провинціяхъ были безпрестанныя, и обширныя имперіи быстро разрушались подъ ударами, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ.—Такова въ существенныхъ чертахъ исторія всѣхъ означенныхъ де-

(¹) *Laurent* I. с. Т. 1. р. 404—405.

(²) *Каченовскій*, Курсъ межд. пр., вып. 2, стр. 150.

(³) Ср. *Laurent*, I. с. I, 406. *Миллеръ-Тохмусъ*, говоря о Персахъ, справедливо замѣчаетъ, что основнымъ правиломъ ихъ политики, относительно покоренныхъ народовъ, было: «Thut, was ihr wollt, und zahlt, was ihr sollt.» *Geschichte des Völkerrechts*, § 37.

спотій. Всѣ онѣ отличаются завоевательными стремленіями, почти многовенно достигаютъ громаднаго разширенія, но глубоко развращенныя, особенно въ лицѣ господствующаго класса, и лишеныя правильной организаціи, поддерживаются лишь грубымъ насиліемъ, отъ котораго также и падаютъ въ результатъ, почти преемственно смѣняя другъ друга (¹). Вообще международное значеніе этихъ деспотій состояло лишь въ томъ, что онѣ привели въ броженіе и сблизили между собою восточныя націи. Безъ нихъ, въ особенности, своеобразныя цивилизаціи теократическихъ государствъ, чуждавшихся внѣшнихъ сношеній, остались бы безъ должнаго вліянія и мало извѣстными для остальнаго человѣчества (²). Но это сближеніе націй, или правильнѣе сказать, ихъ беспорядочное смѣшеніе совершалось деспотіями лишь единственнымъ путемъ—посредствомъ самаго грубаго насильственнаго порабоженія. Не признавая за другими народами никакихъ правъ, деспоты открыто стремились ко всемірному владычеству, какъ это видно въ особенности изъ титула Персидскихъ царей, называвшихся Великими царями, или царями царей. Прежде начатія войны они требовали отъ непріятелей земли и воды, какъ символа безусловнаго подчиненія (³). Самая же война у деспотическихъ народовъ сопровождалась вообще чрезвычайными опустошеніями и представляла всѣ ужасы звѣрства. Можно сказать даже, что счастливы были тѣ, которые погибали въ битвахъ, такъ-какъ плѣнные, особенно въ Ассиріи, подвергались обыкновенно самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ: у нихъ отрубали руки и ноги, вырывали языкъ, отрѣзывали носы и уши и т. под. (⁴). Кромѣ того, какъ на характеристическую особенность военно-политическихъ обычаевъ деспотическихъ народовъ слѣдуетъ указать на насильственное переселеніе ими побѣжденных націй изъ отечественной страны въ другія провинціи.

(¹) *Montesquieu*, *Esprit des Lois*, VII, 7.

(²) *Pasquale-Fiore*, *Droit international*, t. 2. p. 125.

(³) *Herodot.* IV, 126. *Brisson*, *De regno Persarum* lib. I, c. 3; III, 66—67. Ср. *Laurent*, I, 427, 436.

(⁴) Объ этомъ свидѣлствуютъ надписи ассирійскихъ царей на памятникахъ Ниневіи. См. *Rawlinson's*, *The five Eastern Monarchies*, 1863, t. 2. p. 339, 489—493.

Такъ Израильтянъ увели Ассиріяне въ Мидію и Месопотамію, а въ нихъ отечествѣ поселили колонистовъ изъ Вавилона (¹). Въ свою очередь Вавилоняне переселили къ себѣ покоренныхъ Іудеевъ (²). Персы дозволили Іудеямъ возвратиться въ отечество, но вывели 6000 Египтянъ и поселили ихъ въ Сузіанъ и т. под. (³).

Но если теократія, по своему міросозерцанію, чуждалась внѣшнихъ сношеній, а грубая деспотическія націи ознаменовали себя лишь обширными и опустошительными завоеваніями, то древній Востокъ представляетъ намъ еще другія государства, которыя, по своему времени, являются замѣчательными международными дѣятелями и отличаются иными свойствами. Это именно *торговья государства*—Финикія и Карфагенъ. *Финикія*, какъ извѣстно, была небольшая страна, тянувшаяся узкою полосою, къ сѣверо западу отъ Палестины, по берегу Средиземнаго моря. Она не составляла одного государства, но заключала въ себѣ нѣсколько богатыхъ независимыхъ городовъ съ монархическимъ ограниченнымъ правленіемъ и особою областью, которые, однакоже, въ случаѣ общей опасности со стороны враговъ, вступали обыкновенно въ союзы между собою (⁴). Уже самая незначительность территоріи и ея песчаная почва устранили для Финикіянъ всякую возможность, подобно другимъ восточнымъ народамъ, вести земледѣльческую или пастушескую жизнь; тогда какъ, съ другой стороны, приморское положеніе Финикіи съ ея прекрасными гаванями и заливами и обиліе корабельнаго лѣса послужили причиною, почему Финикіяне, вопреки всеобщему предразсудку древнихъ народовъ, сдѣлались отважными мореплавателями и прославили себя, вмѣстѣ съ учрежденіемъ многочисленныхъ колоній въ разныхъ частяхъ свѣта, обширною торговлею и промышленностью. Одною изъ Финикійскихъ колоній былъ и *Карфагенъ*—знаменитая аристократическая республика на Африканскомъ берегу

(¹) 4 кн. Цар. XVII, 6. *Laurent*, I, 424.

(²) 2 кн. Паралипом. XXXVI, 20. Іерем. LII, 27—30.

(³) 2 кн. Ездры, II, 3—5. *Ctesias*, Pers. c. 9.—*Müller Iochmus*, Geschichte des Vrts. § 42, S 100.

(⁴) *Неволинъ*, Энциклопедія Законодѣнія. изд. 1857, т. 2, § 675, стр. 124.

Средиземнаго моря. Съ тѣхъ портъ, какъ самостоятельность Финикіянъ стала падать подъ ударами Ассиріянъ и Вавилонянъ, Кароагеняне сдѣлались преемниками своихъ родичей, какъ въ отношеніи колонизаторской, такъ и торговой дѣятельности и далеко превзошли ихъ по своему могуществу. — Такимъ образомъ, само собою разумѣется, что вслѣдствіе обширныхъ торговыхъ сношеній, посѣщая многочисленныя и отдаленныя страны и учреждая въ нихъ свои колоніи, Финикіянне и Кароагеняне не только служили въ древности международными посредниками для обмѣна матеріальныхъ произведеній, но и содѣйствовали также всеобщему распространенію гражданственности. Въ миѣ о Мелькартѣ, или о Геркулесѣ Тирскомъ, странствующемъ по Африкѣ, Галліи, Испаніи и Италіи и повсемѣстно научающемъ народы искусству строить города и обрабатывать землю, символически изображается цивилизаторское значеніе Финикіянъ ⁽¹⁾. Извѣстно также преданіе, что Фаникіяннинъ Кадмъ, поселившійся въ Беотіи, научилъ Грековъ письменамъ, винодѣлію, рудопытству и пр. ⁽²⁾. Тѣмъ не менѣе, международная торговля въ эпоху древности, какъ это показываетъ намъ примѣръ Финикіянъ и Кароагенянъ, не могла послужить залогомъ прочнаго мира и всеобщаго спокойствія. Говоря вообще, она была проникнута тѣмъ же характеромъ грубаго эгоизма и національной исключительности, какъ и всѣ международныя сношенія тогдашняго времени. Ради корыстныхъ цѣлей древній купецъ не стѣснялся никакими дѣйствіями. Еще Гомеръ говоритъ о Финикіянахъ, какъ о хитрыхъ обманщикахъ и пиратахъ ⁽³⁾. Самымъ любимымъ ихъ промысломъ была торговля невольниками ⁽⁴⁾. Въ силу общаній, данныхъ Финикіянами и Кароагенянами, въ древности никто не вѣрилъ, такъ что выраженія: *финикійскіе договоры* и *пуническая честность* обратились даже въ поговорку, какъ синонимы воровства ⁽⁵⁾. Опасаясь торговой конкуренціи и желая удар-

⁽¹⁾ *Diodor.* IV, 17—19.

⁽²⁾ *Herodot.* II, 49; V, 58. См *Laurent*, I, 471—72.

⁽³⁾ *Odyss.* XIV, 218 sq.; XV, 414 sq.

⁽⁴⁾ *Каченовскій*, Курсъ межд. права, в. 2, стр. 157.

⁽⁵⁾ *Цицеронъ* (fragm. orat. pro Scaur. с. 14) называетъ Финикіянъ самымъ дѣльнымъ народомъ: «*Falacissimum genus esse Phoenicum, omnia monumenta vetustatis atque omnes historiae nobis prodiderunt.*» Подобные же

жать за собою выгодную монополию, какъ Финикіане, такъ и Карфагеняне нерѣдко прибѣгали къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Такъ, при учрежденіи колоніи, чтобы сдѣлать ее недоступною для другихъ народовъ, Финикіане обыкновенно опустошали окрестную страну на далекомъ пространствѣ. И точно также есть извѣстія, что Карфагеняне, съ цѣлью охраненія своего рынка, топили всѣхъ иностранцевъ, подъѣзжавшихъ къ Сардиніи и геркулесовымъ столпамъ (¹). Но если такіе поступки позволяли себѣ торговые народы древности даже въ мирное время, то нечего удивляться послѣ этого ихъ жестокостямъ во время войны. Хотя Финикіане, по своей политической незначительности, не были завоевательнымъ народомъ, во тѣмъ не менѣе они вели довольно частыя войны, какъ вѣншія—съ иностранными народами, нападавшими на Финикію, такъ и внутреннія, или междоусобныя—между самими финикійскими городами и ихъ колоніями. При этомъ изязанія плѣнныхъ были у Финикіянъ въ такомъ же употребленіи, какъ и у деспотическихъ націй: они также огрубляли у несчастныхъ пальцы на рукахъ и ногахъ, выкалывали имъ глаза, разбивали младенцевъ, разрывали животъ у беременныхъ женщинъ и т. п. (²). Такимъ же звѣрствомъ овладевали себя и обродныя, наемныя войска Карфагени, служившія главнымъ орудіемъ поддержанія его могущества и разширенія владѣній. Побуждаемые торговымъ соперничествомъ Карфагеняне были союзниками Персовъ противъ Грековъ (³) и въ продолженіи двухъ столѣтій вели самую истребительную войну съ Греческою колонією, Сиракузами, за обладаніе Сициліей. Но побѣда, какъ извѣстно, еще не была рѣшена окончательно, когда въ эту борьбу вмѣшались Римляне, которые и покорили Карфагенянъ (⁴).

отзывы римскіе историки и философы дѣлають въ Карфагенянахъ, называя ихъ *fraudenti, mendaces, versipelles, bilingues* и пр. Ср. *Laurent, I, pp. 470, 499—500.*

(¹) Каченовскій в. п. с. стр. 158—59. *Müller-Iochmus, Geschichte u. v. S. 22, 248.*

(²) Кн. Сул. Изр. I, 7; 4 кн. Цар. XI, 2; 4 кн. Цар. VIII, 12.

(³) Союзный трактатъ Карфагенянъ съ Персами былъ заключенъ въ 483 г. до Р. Хр. О немъ см. *Barbeyrac, recueil des anciens traités, 1739, t. 1. p. 88—89.*

(⁴) Кровь системы наемныхъ войскъ, сражавшихся не изъ патриотизма, а изъ корыстолюбія, в потому недоступныхъ пощадѣ, другою при-

Тоже начало національной исключительности, которое мы видѣли на Востоѣ, господствовало и въ международныхъ отношеніяхъ древнихъ Грековъ. Гордые созваніемъ своего эллискаго превосходства, Греки на всѣхъ иноплеменниковъ смотрѣли, какъ на существа нисшаго происхожденія и называли ихъ презрительнымъ именемъ—*Варварами*. Даже лучшіе умы Греціи—поэты, ораторы, историки и философы—не могли отрѣшиться отъ этого національнаго предубѣжденія и, превознося эллинизмъ, въ то же время, все дурное приписывали Варварамъ. Только у Грековъ господствуютъ правда и законы, у Варваровъ же—грубая физическая сила. Варвары на столько ниже Эллиновъ, насколько свободные выше рабовъ и даже, насколько вообще люди выше животныхъ. Поэтому, для Грековъ нѣтъ ничего не дозволеннаго, чтобы привести варваровъ къ подчиненію себѣ, какъ естественному предназначенію (¹). Само собою разумѣется, что при такихъ понятіяхъ о Варварахъ правильныя отношенія между ними и Греками не могли имѣть мѣста. Эти отношенія, по существу своему, были постоянно враждебныя, безъ всякихъ правилъ (²), и только случайно смягчались ради взаимной выгоды и вслѣдствіе трактатовъ,—какъ напр., во имя гостепрѣимства, въ интересахъ торговли, колонизаціи и пр.

Что же касается взаимныхъ отношеній между самими греческими государствами и ихъ гражданами, то въ этихъ отношеніяхъ проявляется вообще двойственный характеръ—обособленія и обобщенія. Съ одной стороны, вслѣдствіе непосредственнаго участія гражданъ въ дѣлахъ правленія и рѣшительнаго преобладанія политическихъ интересовъ надъ частными, отдѣльными греческія государства ревниво охраняли

чиною военныхъ жестокостей какъ Финніянъ, такъ и Картагенянъ, *Лорансъ* считаетъ суровый характеръ ихъ религіи, узаконившей человѣчскія жертвы и вообще о финнійской расѣ дѣлаетъ слѣдующій справедливый отзывъ: «Elle est sanguinaire dans sa religion, cruelle dans la guerre, oppressive dans la paix». *Laurent*, I, 524.

(¹) Относящаяся сюда мѣста изъ сочиненій Еврипида, Демосеева, Исократы, Геродота, Аристотеля см. у *Laurent*, Histoire du droit des gens, 1855, t. II. p. 288—89.

(²) *Livius*, XXXI, 29: «Cum alienigenis, cum barbaris, aeternum omnibus Græcis bellum est, eritque. Natura enim quae perpetua est, non mutabilibus in diem causis, hostes sunt».

свое самобытное независимое существованіе; съ другой же — подъ вліяніемъ всегда сознаваемого національнаго и религіознаго единства и потребованію обстоятельствъ замѣтно между Греками стремленіе къ выраженію, въ извѣстной степени, взаимной солидарности всего эллинскаго міра, въ противоположность варварамъ⁽¹⁾. Вслѣдствіе этого, хотя, по общему правилу, каждый Грекъ, за стѣнами своего роднаго города, среди другихъ, иногородныхъ Грековъ, признавался уже иностранцемъ—*χένος*—т. е. врагомъ, или вообще безправнымъ лицомъ и подвергался опасности быть изгнаннымъ изъ чужаго греческаго государства⁽²⁾, но однакоже, на практикѣ положеніе иностранцевъ въ Греціи значительно смягчалось обычаями гостепріимства и обращавшимся изъ него институтомъ т. наз. *прокиннн*—т. е. добровольнымъ, а иногда и официальнымъ патронатомъ мѣстныхъ гражданъ надъ иностранцами⁽³⁾. Кроме того, между греческими государствами иногда были заключаемы спеціальныя конвенціи, по которымъ иностранцамъ, т. е. иногороднымъ Грекамъ, предоставлялись въ этихъ государствахъ различныя, болѣе или менѣе, существенныя права; какъ напр.—право на вступленіе въ бракъ съ туземными гражданами—*эпимагія*, право на освобожденіе отъ налоговъ и повинностей—*атемія*, и даже, хотя весьма рѣдко, полное сообщеніе гражданскихъ правъ—*исполмитія* и т. под.⁽⁴⁾.—И точно также, если Греки, подобно Финиціанамъ и Карратеніанамъ, отличались въроломствомъ относительно исполненія и толкованія трактатовъ и посреди всеобщаго міра открыто занимались организованнымъ пиратствомъ, считая этотъ промыселъ за похвальное удалство⁽⁵⁾, то рядомъ съ этими проявленіями грубаго эгоизма и исключительности, между отдѣльными греческими

⁽¹⁾ Ср. Бибииковъ, Очеркъ международнаго права въ Греціи. М. 1852, стр. 89—90.

⁽²⁾ Особенно въ Спартѣ, гдѣ ксенеласія—изгнаніе иностранцевъ—присылается узаконенію Лакурга.—*De la Nauxe, Mémoire sur la législation, dans les Mémoires de l'Académie des Inscriptions* t. XII, p. 159—176.

⁽³⁾ *Ch. Tissot, Des proxénies Grecques etc.*, 1863.

⁽⁴⁾ *Egger, Mémoire historique sur les traités publics dans l'antiquité*, 1860, p. 6, 21—22.—Ср. *Неволинъ*, Энциклопедія Законодательства. § 727.

⁽⁵⁾ *Thucyd.* I, 8.—*Justin. hist.* XLIII, 3.—Ср. *Kent's, Commentary on International Law*, ed. by *Abdy*, 1866, p. 12.

государствами, во имя общих интересов, мы видим также разнообразныя союзы—племенные, религиозныя и политическія. Но однакоже эти союзы не могли водворить въ Греціи прочный порядокъ и обезпечить ея безопасность. Такъ, наиболѣе замѣчательный въ раннюю пору греческой самобытности, союзъ *Дельфійской Амфиктіоніи*, въ которомъ принадлежали почти всѣ греческія государства, преслѣдовалъ преимущественно религиозную цѣль—охраненіе храма Аполлона и его священнаго имущества—и, оставляя за союзниками полную свободу, какъ во внутренней, такъ и во внешней политикѣ, въ извѣстной степени ограничивалъ только своеволіе Грековъ во взаимныхъ войнахъ (¹).—А по этому, хотя и номинально, существованіе Амфиктіоніи продолжалось даже и послѣ паденія греческой независимости, но со времени персидскихъ войнъ, когда суровыя обстоятельства жизни, въ виду общаго и сильнаго врага, вынудила Грековъ тѣснѣе сойтись между собою, Амфиктіоніа уже теряетъ свое значеніе, и съ этого времени въ Греціи на первый планъ выступаютъ союзы чисто—политическія—*гегемоніи*, основанныя на строгомъ подчиненіи слабѣйшихъ государствъ сильнѣйшему. Но такъ—какъ подобная связь рѣшительно противорѣчила мѣстному партикуляризму свобододолюбивыхъ Грековъ, то существованіе гегемоній было вообще непродолжительное: онѣ разрушались довольно скоро, вождѣствіе возстаній союзниковъ и при вмѣшательствѣ другихъ сравнительно—сильныхъ греческихъ государствъ. Таковы были послѣдовательно смѣнявшія одна другую гегемоніи—спартанская, аѳинская, опять спартанская, еванская и македонская (²).—Только уже подъ конецъ самобытнаго существованія Греціи мы встрѣчаемъ въ ней болѣе правильныя формы политической федераціи въ *Этолійскомъ* и особенно въ *Ахайскомъ*

(¹) Кромѣ преслѣдованія общими силами оскорбителей святыни, амфиктіоніи обязывались еще присягою не разрушать до основанія ни одного союзнаго города и не лишать его текучей воды ни въ мирное, ни даже въ военное время. Текетъ этой присяги, со словъ Эсхина, помѣщенъ у *Беркспира*, въ его *Recueil des anciens traités*, part I. p. 2—3.—*Freeman's*, history of federal government, 1863, t. I. ch. III.

(²) О греческихъ гегемоніяхъ см. у *Laurent*, l. c., t. II. pp. 155—276.—Ср. также *Müller—Lochnus*, Geschichte u. s. w. §§ 58—59, S. 125—127.

союзамъ, которые, подобно современнымъ федераціямъ, были основаны на началѣ равноправности членовъ и, признавая ихъ внутреннюю самостоятельность, имѣли, въ то же время, для завѣдыванія внѣшнею политикою и общими дѣлами союза, особыхъ органовъ центральной власти въ лицѣ союзнаго совѣта и президента (стратега). Но эти союзы уже не могли спасти греческой независимости. Они возникли слишкомъ поздно, когда патріотизмъ въ Греціи уже палъ и, раздражаемая внутренними междоусобіями, призывая вмѣшательство Македонянь и Римлянъ, она сама подчиняла себя чужеземному господству (¹).

Вообще Греки, хотя и чувствовали свое родство и общіе интересы, но не умѣли обезпечить себѣ прочнаго спокойствія. Соединяясь для общихъ предпріятій противъ варваровъ, они, въ то же время, вслѣдствіе партикуляризма и взаимнаго недовѣрія, вели между собою почти непрерывныя войны. При этомъ, вѣроломство и влѣтвопреступленіе, безпощадное опустошеніе непріятельской земли, казнѣ взятыхъ послѣ осады жителей, разрушеніе городовъ, рабство, или изгнаніе побѣжденныхъ изъ отечества—все это обыкновенныя явленія въ греческихъ войнахъ (²). До какой степени коварства и жестокости доходили Греки въ обращеніи съ единоплеменнымъ непріятелемъ, свидѣлствуютъ слѣдующіе случаи, рассказанные Оувидидомъ, изъ времени пелопоннеской войны. Жители Платей сдались Спартанцамъ съ условіемъ, чтобъ были казнены только виновные, послѣ судебнаго разслѣдованія. Но Спартанскіе судьи сдѣлали Платейцамъ софистическій вопросъ: оказали-ли они, во время войны, какую-либо услугу Спартанцамъ, или ихъ союзникамъ—Θиванцамъ? Такъ-какъ отвѣтъ Платейцевъ, естественно, не могъ быть положительный, то городъ былъ разрушенъ Спартанцами и вмѣстѣ съ областью переданъ Θиванцамъ, а сами Платейцы частью казнены, частью же обращены въ рабство (³). Другой случай. Аѣнияне откровенно сознавались передъ жителями Мелоса, что не знаютъ противъ нихъ никакой вины, но тѣмъ не менѣе,

(¹) Специальныя сочиненія: *Lucas*, Ueber Polibius Darstellung des Aetolischen Bundes, 1827; *Helwing*, Geschichte des Achaïschen Bundes, 1829. —Ср. Каченовскій, Курсъ межд. пр., вып. 2, стр. 175—178.

(²) Каченовскій, в. в. с., стр. 171—72.

(³) *Thucyd.* II, 2—5; III, 52—68.

съ крайней беззащитностью, требовали отъ нихъ сдачи острова, изъ простаго уваженія къ могуществу Афинъ. Мелосцы рѣшились сопротивляться, но вскорѣ были побѣждены, при чемъ всѣ возрастные мужчины преданы смертной казни, а женщины и дѣти, въ качествѣ невольниковъ, взяты въ плѣнъ⁽¹⁾.—Однако же, по природѣ своей, Греки не были воинственнымъ народомъ. Обширныя завоеванія Александра были дѣломъ его личнаго честолюбія, тогда какъ греческія государства боролись только лишь за сохраненіе своей мѣстной независимости, или же за гегемонію въ предѣлахъ самой Греціи. И при этомъ, вмѣстѣ съ проявленіями жестокости мы, встрѣчаемъ у Грековъ и гуманные военные обычаи. Такъ, во избѣжаніе войны, были отправляемы къ непріятелю герольды съ требованіемъ удовлетворенія; или же рѣшеніе спора предоставлялось посредникамъ и третейскимъ судьамъ; иногда же дѣло ограничивалось лишь простыми репрессаліями, или поединкомъ и т. под.⁽²⁾. Самой войнѣ предшествовало обыкновенно торжественное объявленіе, которое дѣлалось чрезъ керикса (герольда) и въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ сопровождалось еще особенными обрядами; какъ наприм., Афиняне, объявляя войну сосѣдямъ, выгоняли ягвенка на непріятельскую границу⁽³⁾. Что же касается веденія войны, то ожесточеніе побѣдителя нерѣдко смягчалось воспоминаніемъ о гостепримствѣ врага, или же уваженіемъ къ памяти знаменитыхъ людей Греціи. Въ этомъ отношеніи намъ извѣстны многочисленныя примѣры. Во время пелопоннеской войны Архидамъ спартавскій не рѣшался опустошать землю гостепримнаго Перикла, такъ-что послѣдній, для устраненія отъ себя подозрѣнія, нашелся даже вынужденнымъ передать свою землю въ общественное достояніе Афинъ⁽⁴⁾. Подобнымъ образомъ, Александръ В., посреди всеобщаго разрушенія Фивъ, оставилъ неприкосновеннымъ жилище знаменитаго поэта, Пиндара, и освободилъ отъ рабства

(1) *Thucyd.* V, 84—116.—Оба случая ср. у *H. Wheaton*, *Histoire du droit des gens*, 3-ème ed., 1853, T. I., p. 6—12.—*Laurent*, II, 203—205.

(2) *Ferr. Gola*, *Diritto internazionale*, v. I, p. 231.—*Бибиковъ*, *Международное право Греціи*, стр. 111—114.

(3) *Бибиковъ*, стр. 113.

(4) *Thucyd.* II, 13.

тѣхъ еванскихъ гражданъ и ихъ потомковъ, у которыхъ пользовался гостепріимствомъ, во время своего заложничества въ дѣтствѣ, отецъ героя, Филиппъ Македонскій (*). Многие изъ Аѳинянъ, попавшіе въ плѣнъ во время несчастной сицилійской экспедиціи, были освобождены Сиракузцами собственно за то, что знали наизусть и умѣли пѣть стихи Еврипида и т. под. (**). Кромѣ того, въ Эвбеѣ и древней Ахаіи существовали постановленія, по которымъ запрещалось употреблять во время войны скрытое и бросаемое издали оружіе, такъ что узаконялся лишь рукопашный бой (**), а совѣтъ Дельфійской Амфиктіоніи издалъ декретъ, по которому на время празднованія общественныхъ игръ война между Греками прекращалась, ищущіе убѣжища въ храмахъ побѣжденные непріатели объявлены неприкосновенными и предписывалось падшихъ во время битвы воиновъ не оставлять безъ погребенія (*). Правда, эти постановленія болѣе религіознаго, нежели политическаго характера не всегда исполнялись Греками, но дѣйствуя на совѣсть воюющихъ, они всетаки, въ извѣстной степени, ограничивали ихъ своеволіе. И наконецъ, замѣтимъ еще, что точно также, подъ вліяніемъ религіи и политическаго интереса, основное правило о рабствѣ плѣнныхъ иногда замѣнялось въ Греціи освобожденіемъ ихъ за опредѣленный выкупъ, или же вслѣдствіе взаимнаго размѣна (*).

Такимъ образомъ нельзя не согласиться, что взаимныя сношенія между греческими государствами, какъ въ мирное, такъ и въ военное даже время, сравнительно съ международными отношеніями на Востоцѣ, представляютъ вообще замѣтный прогрессъ по своей гуманности. Но только, къ сожалѣнію, эта гуманность еще не была возведена у Грековъ въ опредѣленный принципъ, а скорѣе являлась лишь смягченіемъ преобладавшаго въ ихъ характерѣ мѣстнаго и политическаго партикуляризма и взаимнаго недоверія. Она основывалась не на ясномъ сознаніи взаимной правоспособности

(*) *Aelian*. V. N. XIII, 7.

(**) *Plutarch*. Nic. 29.—Приведенные и другіе примѣры см. у *Laurent*, l. c., II, 133—34.

(*) *Strabo*. X, 448.—*Polyb*. XIII, 3.—Ср. *Бибиковъ*, стр. 110.

(*) *Wheaton*. Hist. du droit; I, 12—13.

(*) *Бибиковъ*, стр. 115—116.

всѣхъ греческихъ племенъ, на чувствіи общаго національнаго родства между ними и на единствѣ религіозныхъ вѣрованій. Такъ что и Греки, не смотря на свою высокую образованность, еще не знали международнаго права въ настоящемъ смыслѣ, и взаимныя отношенія между отдѣльными греческими республиками, по существу своему эгоистическія, смягчались въ извѣстной степени лишь требованіями религіи и нравственности.

Точно также напрасно было бы искать яснаго сознанія о международномъ правѣ и руководства имъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и у другаго классическаго народа древности—у Римлянъ⁽¹⁾. Въ противоположность партикуляризму Грековъ, Римляне, какъ извѣстно, настойчиво стремились къ укрѣпленію своего могущества и расширенію владѣній; но они, какъ и все древніе народы преслѣдовали свою цѣль крайне эгоистично. Знаменитое „salus reipublicae“ было верховнымъ закономъ честолюбивой римской политики. Передъ требованіями общественнаго блага отечественнаго государства, самостоятельность и права другихъ народовъ не имѣли для Римлянъ ни-

(1) Сходное съ международнымъ правомъ по названію римское jus gentium имѣло особый смыслъ. Согласно опредѣленію римской юриспруденціи это право основывается на самомъ разумѣ, или природѣ человѣческихъ отношеній и, по существу своему, является общимъ для всѣхъ народовъ. „Quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peregrae custoditur, vocaturque Jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utantur“ (Instit. lib. I, tit. II, § 1). Кромѣ войны, плѣна и другихъ явленій международнаго быта, какъ это показываетъ между прочимъ дальнѣйшее продолженіе приведеннаго мѣста институтій, изъ означеннаго jus gentium римскіе юристы выводили также происхожденіе рабства и большинства гражданскихъ договоровъ. Первоначально это право было примѣняемо въ Римѣ преторами, при обсужденіи взаимныхъ сношеній собственно между иностранцами; но потомъ, мало-по-малу, путемъ судебнo-законодательной дѣятельности преторовъ, вслѣдствіе своего практическаго удобства, оно получило также значеніе и для самихъ римскихъ гражданъ, такъ что впоследствии совершенно слилось съ національнымъ римскимъ jus civile и значительно содѣйствовало его совершенствованію. Очевидно, что jus gentium, по повѣстію Римлянъ и по самой сферѣ своего примѣненія, не было у нихъ международнымъ правомъ въ совершенномъ смыслѣ, но вообще образовало составную часть всего римскаго права.—О значеніи juris gentium у Римлянъ см. Savigny, System des heutigen Römischen Rechts, Bd. I, B. I, Kap. III, § 22.—Ср. также Maine's, Ancient Law, 1861, pp. 48—53.

какого значенія. Они кончили тѣмъ, что подчинили обѣ почти весь древній міръ. Но въ отличіе отъ азіатскихъ Варваровъ Римляне не ограничились, однакоже, простымъ завоеваніемъ: они одни изъ всѣхъ завоевателей древности оказались достаточно способными управлять всемірнымъ государствомъ и, сохраняя его цѣлость въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, болѣе или менѣе, ассимилировали покоренныя націи посредствомъ органическаго законодательства и единства администраціи. Съ другой же стороны, какъ народъ практическій, съ юридическимъ складомъ ума, Римляне сообщили также и внѣшнимъ своимъ сношеніямъ, при отсутствіи справедливости, по крайней мѣрѣ, довольно опредѣленный формальный порядокъ, какого международный бытъ еще не представлялъ до этого времени ⁽¹⁾.

Такъ, для сношеній съ иностранными народами, существовала въ Римѣ, еще со временъ Нумы Помпилія, особая священная коллегія *феціаловъ* (*pontifices feciales*). Она состояла изъ 20 лицъ и глава ея назывался *pater patratus*, вѣроятно потому, что долженъ былъ имѣть въ живыхъ отца и дѣтей, чтобы быть одинаково заинтересованнымъ какъ въ сохраненіи прошедшаго величія, такъ и въ будущемъ благосостояніи государства. Феціалы отъ имени Римлянъ вели переговоры съ иностранными государствами, требовали отъ нихъ удовлетворенія за обиду, объявляли войну и заключали мирныя и союзныя трактаты ⁽²⁾. Сомнительно, однакоже, чтобы феціалы, по крайней мѣрѣ послѣ паденія царской власти, оказывали дѣйствительное вліяніе на внѣшнюю политику Рима. Она зависѣла отъ комицій (народныхъ собраній) и главнымъ образомъ отъ сената. Значеніе же феціаловъ состояло въ произнесеніи опредѣленныхъ словесныхъ формулъ и въ совершеніи различныхъ религіозныхъ обрядовъ, которыми, для успокоенія совѣсти, сопровождалось у Римлянъ почти каждое международное предпріятіе. Во всякомъ слу-

⁽¹⁾ *Müller — Iochmus*, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum § 86, S. 189—191.—*Pasquale — Fiore*, Droit international, t. 2, pp. 135—36.—*Каченовскій*, Курсъ межд. пр., в. 2, стр. 188.

⁽²⁾ *Varro*, de Ling. lat., lib. IV: *Feciales, quod fidei publicae inter populos praeerant; nam per hos fiebat, ut justum conciperetur bellum et ut foedere fides pacis constitueretur. Ex his mittebant, antequam conciperetur, qui res repeterent; et per hos etiam nunc fit foedus.*—*Cicer.* de Legg. II, 9; *foederum, pacis, belli induciarum oratores feciales iudices sunt.*

чаѣ несомнѣнно, что со времени пуническихъ войнъ институтъ феціаловъ все болѣе и болѣе падаетъ, хотя о нихъ еще упоминается и въ императорскомъ періодѣ⁽¹⁾.

Положеніе иностранцевъ въ Римѣ по строгому праву было весьма стѣснительное. Для обозначенія иностранца и врага существовало у Римлянъ, какъ и у Грековъ, одно слово: *hostis*, и по закону XII таблицъ иностранецъ былъ лишенъ всякихъ правъ—*adversus hostem aeterna auctoritas*⁽²⁾. Такая же безправность, при отсутствіи специальныхъ договоровъ, или, по крайней мѣрѣ, существенныхъ ограниченій въ правахъ иностранцевъ, сравнительно съ отечественными гражданами, опредѣляются и въ позднѣйшемъ римскомъ законодательствѣ; наприм., браки иностранцевъ съ Римлянами дозволялись только по особому разрѣшенію, иностранцы не имѣли свободы завѣщанія, подлежали позорному тѣлесному наказанію и пр.⁽³⁾.—Тѣмъ не менѣе, богатый аристократическій Римъ постоянно привлекалъ къ себѣ множество иностранцевъ, которымъ открывалось здѣсь обширное поприще торговой и промышленной дѣятельности. Будучи безправными по закону, они находили здѣсь себѣ, какъ и въ Греціи, защиту и покровительство въ обычаѣ частнаго *гостепріимства* (*hospitium*). Кромѣ того, случалось также, что и само римское правительство, за какія-либо услуги, или же въ видахъ общественной пользы, предоставляло какъ отдѣльнымъ иностранцамъ, такъ и цѣлымъ народамъ публичное гостепріимство и патронатъ⁽⁴⁾. Равнымъ образомъ, въ выгодахъ иностранцевъ послужило и то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ, по особымъ трактатамъ, для разрѣшенія

(1) Правила для дѣйствія феціаловъ (*ius feciale*) были записаны или въ особую книгу, которая не дошла до насъ.—О феціалахъ см. *Omphala*, *Literatur des Völkerrechts*, Bd. I, §§. 33—34, S. 142—146.—*Laurent*, *histoire etc.*, t III, p. 13 et suiv.—*Kent*, *International Law*, ed. by Abdy, pp. 15—19.

(2) *Cicer*, *de off.*, I, 12.—*Dirksen*, *Uebersicht der Versuche zur Erklärung der XII Tafelgesetze*, S. 262 fg.—Впоследствии, однако, слово *hostis* стало означать у Римлянъ исключительно врага государства, или непріятеля, а иностранцы назывались *peregrini*, *gentiles*, *barbari* и пр.

(3) L. 5, § 2, *Dig. XLIX*, 15.—*Gaji* I, 56.—L. 1, C. VI, 24; L. 6, § 2, *Dig. XXVIII*, 5.—L. 7, *Dig. XLVIII*, 19.

(4) *Laurent*, III, 66—79.

споровъ между подданными различныхъ государствъ, иногда была назначаема въ Римѣ т. наз. *рекуперация*, т. е. третейское разбирательство, отличавшееся скоростью производства; а впоследствии же (съ 245 г. до Р. Хр.) судъ надъ иностранцами, уже по общему правилу, былъ предоставленъ у Римлянъ особому сановнику (*praetor peregrinus*) и производился имъ, какъ уже замѣчено, на основаніи *jus gentium* ⁽¹⁾.

Съ другой стороны, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ иностранными народами, *посольское право* получило у Римлянъ космополитическій характеръ. Болѣе нежели какой-либо народъ въ древности Римляне практически сознали необходимость неприкосновенности дипломатическихъ агентовъ и сообщили ей законодательную санкцію. Особа посла признавалась у нихъ священною; даже послы враждебнаго государства могли безпрепятственно возвратиться въ свое отечество, а виновный въ оскорбленіи посланника выдавался для наказанія самому обиженному правительству ⁽²⁾. Кромѣ того, посланники, какъ и въ настоящее время, пользовались въ Римѣ до нѣкоторой степени неподсудностью мѣстнымъ властямъ (*jus domum revocandi*) и не платили налоговъ ⁽³⁾.— Приэтомъ, послѣ паденія значенія феціаловъ, главными органами дипломатіи у Римлянъ, подъ контролемъ и руководствомъ сената, были правители провинцій и полководцы. Они неутомимо трудились надъ созданіемъ римскаго могущества и результатомъ ихъ дипломатической дѣятельности являются многочисленные и разнообразные *трактаты*. Таковы: *sponsio*, *paetio*, *foedus* и др., различавшіеся между собою какъ по содержанію, такъ и по формѣ заключенія. Многие изъ этихъ трактатовъ послужили основаніемъ послѣдо-

⁽¹⁾ Спеншал. соч. *Sell'a*, Die Recuperatio der Römer, 1837.—Ср. *Müller-Jochmus*, Geschichte ц. s. w. S. 145—148.

⁽²⁾ L. I, § 17, Dig. de legat L. 7: Sancti habentur legati, et ideo, si cum legati apud nos essent gentis cujus, bellum cum eis indicatum sit, responsum est, liberos eos manere; id enim juri gentium conveniens esse; itaque eum, qui legatum pulsasset, Quintus Mucius dedi hostibus, quorum erant legati, solitus est respondere.—Многочисленные приѣзды уваженія неприкосновенности посланниковъ въ римской исторіи представляетъ *Osenbrüggen*, De jure belli ac pacis Romanorum, 1836, p. 40 sq.

⁽³⁾ L. 3, Dg. L. 7.—L. 8, Cod. de vectig. IV, 63.

же сдачи не послѣдовало, то городъ былъ разрушаемъ, причемъ римскіе жрецы вызывали предварительно мѣстныхъ боговъ (*evocabant deos*) покинуть разоряемые храмы⁽¹⁾.

Почти каждая война сопровождалась у Римлянъ взятіемъ огромнаго количества *пльнныхъ*. Они брались, какъ и вообще въ древности, безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія лицъ. Иногда у плѣнныхъ Римляне остригали волосы для продажи на украшеніе женщинъ, и многіе плѣнные становились у нихъ гладиаторами, которые, какъ извѣстно, погибали тысячами на аренѣ цирка, для потѣхи царственнаго народа. Но по общему правилу практическіе Римляне не убивали и не истязали плѣнныхъ, какъ на Востока: они обращали ихъ въ рабство⁽²⁾. Одни изъ плѣнныхъ, преимущественно съ техническими познаніями, дѣлались государственными невольниками (*servi publici*), другіе же отдавались солдатамъ, или были продаваемы въ частное рабство съ публичнаго торга (*sub corona, vel sub hasta*). Кроме того, по соображенію ббльшей выгоды, военнопльнные у Римлянъ, какъ и въ Греціи, нерѣдко также освобождались за выкупъ, а послѣдствіи и взаимно размѣнивались съ неприятелями. Но плѣнные цари и полководцы обыкновенно оканчивали свою жизнь въ Римѣ трагическимъ образомъ: послѣ унижительнаго участія въ триумфальномъ шествіи побѣдителя, они, какъ главные виновники войны, подвергались пожизненному заточенію или же смертной казни⁽³⁾.

⁽¹⁾ *Osenbrüggen*, l. c., p. 60.

⁽²⁾ L. 239, § 4. Dg. de v. S.: *Servorum appellatio ex eo fluxit, quod Imperatores captivos vendere ac per hoc servare, nec occidere solent.*—Ср. также L. 12, пр., Dg. XLIX, 15.

⁽³⁾ О плѣнныхъ у Римлянъ см. *Laurent*, III, pp. 19, 143, 246, 323, 325 — *Müller-Jochims*, § 77, S. 171—73. — *Каченовскій*, в. 2, стр. 201. — Замѣчательно, что признавая рабство, по общему правилу, естественнымъ состояніемъ плѣнныхъ, римское законодательство, по строгой логической послѣдовательности, считало и отечественнаго гражданина, попавшаго въ плѣнъ, рабомъ непріятели, а потому и лишало его въ отечествѣ всѣхъ правъ; такъ что Римлянинъ, въ случаѣ освобожденія изъ плѣна и возвращенія на родину, востанавливался въ своемъ прежнемъ юридическомъ положеніи на основаніи особой фикціи—*jure postliminii*.— какъ будто онъ не былъ въ плѣну и всегда оставался полноправнымъ. *Ab hostibus captus servus est hostium et postliminie statum pristinum recuperat.* L. 24, Dg. de captiv. XLIX, tit. 15.—*Dictum autem postliminium a timine et post,*

Съ другой стороны, кромѣ плѣнныхъ, Римляне имѣли обыкновеніе брать еще значительное число лучшихъ гражданъ враждебной стороны, въ качествѣ *заложниковъ* (*obsides*), въ обезпеченіи военныхъ конвенцій, заключаемыхъ съ непріятелемъ; наприм.—въ обезпеченіе конвенціи о перемиріи, о сдачѣ города, или войска и т. п. Судьба этихъ лицъ была также печальна, какъ и плѣнныхъ царей и полководцевъ. Римляне признавали заложниковъ неприкосновенными по принципу (*sacrosancti*) доволѣ соблюдался договоръ, но дѣлали ихъ отвѣтственными за всѣ проступки согражданъ и первѣдо подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ безъ всякой вины съ ихъ стороны⁽¹⁾.

Наконецъ, все имущество побѣжденнаго непріятеля, не исключая и священныхъ вещей, Римляне считали безспорнымъ своимъ достояніемъ⁽²⁾ и даже позагали, особенно въ раннее время, что приобрѣтенное посредствомъ оружія, или вслѣдствіе войны составляетъ самую надежную собственность⁽³⁾. Но эта обширная споліація, которую представляютъ въ сущности римскія завоеванія, совершалась Римлянами съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, сообщавшихъ ей опредѣленный видъ внѣшней легальности. А именно, хотя по общему правилу вся завоеванная территорія признавалась у Римлянъ государственнымъ доменомъ — *ager publicus*⁽⁴⁾,—однакоже, вслѣдствіе политическихъ соображеній, Римляне ограничивались обыкновенно присвоеніемъ только части этой территоріи, а прочую землю оставляли за мѣстными жителями; или же, случалось иногда, что, уплачивая особый налогъ римскому правительству (*vectigal*), покоренные туземцы удерживали за собою фактическое пользованіе даже всею землею⁽⁵⁾. Съ другой же стороны, такъ-какъ война, по справедливому понятію

ut cum qui ab hostibus captus in fines nostros postea pervenit postliminio reversum recte dicimus. § 5. Instr. I, tit. 12.—Ср. *Bluntschli*, *Völkerrecht*, 1868, § 727

⁽¹⁾ *Müller-Jochmus*, *Geschichte u. s. w.* § 78, S. 173—174.

⁽²⁾ *Gaji*, *Comm.* II, 69, § 17: Quae ex hostibus capiuntur ratione nostra fiunt.—Ср. *Ibid.* § 19; L. 36, Dg. de religio. XI, 7.

⁽³⁾ *Gaji* *Comm.* IV, 16: Omnium maxime sua esse credebant quae ex hostibus cepissent. Unde in centumviralibus judiciis hasta praepositur.

⁽⁴⁾ L. 49, § 15. Dg. XX, tit. 1

⁽⁵⁾ *Laurent*, *histoire etc.* III, p. 20.—*Pasquale-Fiore*, *dr. interna.*, II, p. 137.

Римлянъ, ведется отъ лица цѣлаго государства, то римская дисциплина запрещала солдатамъ, подъ угрозой четвертнаго штрафа, самопроизвольное присвоеніе себѣ даже и движимаго враждебнаго имущества. Добыча, какъ государственная собственность, дѣлилась между римскими воинами, какъ и въ новое время, уже вслѣдствіе распорядженія общественной власти (1).

Вообще изъ сказаннаго очевидно, что внѣшняя политика Римлянъ будучи въ сущности стезь же вассальственной, какъ и у другихъ народовъ древности, отличалась въ то же время практической расчетливостью и уваженіемъ къ порядку. А эти-то качества и способствовали Римлянамъ къ достиженію всемірнаго господства и сохраненію его на долгое время. Подъ римскимъ владычествомъ всѣ древніе народы, какъ члены одного государства, вступили между собою въ широкій и уже мирный обмѣнъ какъ мыслей, такъ и произведеній, и такимъ образомъ, какъ уже замѣчено, болѣе или менѣе взаимно ассимилировались (2) — Но въ концѣ концовъ честолюбіе Римлянъ оказалось гибельнымъ для нихъ. Вслѣдствіе легкой наживы и привычки къ празднои жизни на счетъ подчиненныхъ народовъ, развращеніе нравовъ все болѣе и болѣе стало проникать въ римское общество, и въ то же время правительственный произволъ въ провинціяхъ становился невыносимымъ. Поэтому одновременно въ различныхъ частяхъ имперіи вспыхиваютъ возстанія, которыя въ особенности усиливаются съ появленіемъ на границахъ сѣверныхъ варваровъ. Многія провинціи вмѣсто сопротивленія варварамъ встрѣчали ихъ, какъ освободителей (3). Напрасно нѣкоторые императоры стараются поддержать порядокъ издавѣемъ новыхъ законовъ и строгими наказаніями — всемірное римское государство падаетъ, какъ вслѣдствіе внутренняго разложенія, такъ и подъ натискомъ германскихъ дружинъ.

(1) L. 13, Dg. XLVIII, 13. — Müller-Jachmus, S. 169.

(2) Rob. Ward. Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations in Europe, from the time of the Greeks and Romans, to the age of Grotius, 1795, vol. 1, pp. 192—194.

(3) Laurent, III, p. 522.

Средніе вѣка.

Съ паденіемъ Западной Римской имперіи , въ концѣ V вѣка по Р. Х., самобытная историческая роль древняго человѣчества оканчивается. Правда, еще въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія послѣ того, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ среднихъ вѣковъ, существовала Восточная Римская или Византійская имперія, какъ непосредственная преемница бывшаго величія римскаго народа и его образованности; но, подъ вліяніемъ иныхъ условій и вообще измѣнившихся обстоятельствъ, ея политика, а отчасти и культура представляютъ уже особый характеръ. Съ другой же стороны, главными историческими дѣятелями, съ этого времени, уже являются новые народы германскаго и потомъ славянскаго племени, которые, просвѣщенные христіанствомъ и прогрессивно совершенствуясь, удерживаютъ за собой и доселѣ первенствующее значеніе. И наконецъ, преимущественно на Востокѣ, въ Азійи и Африкѣ, мы видимъ еще въ средніе вѣка, магометанскіе народы, которые, въ лицѣ Аравійскаго калифата, достигаютъ хотя и непродолжительнаго, но обширнаго могущества и значительной цивилизаціи. Понятно, что вслѣдствіе разнообразія племеннаго происхожденія, религиозныхъ вѣрованій и вообще степени образованности средневѣковыхъ народовъ, взаимныя отношенія между ними, точно также какъ и международныя отношенія въ древности, не могли быть правильными. Для этого правосознаніе средневѣковыхъ народовъ было еще недостаточно, а ихъ взаимныя интересы и потребности слишкомъ противорѣчивы. Но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ древностью, въ междунаrodnыхъ отношеніяхъ среднихъ вѣковъ все-таки нельзя

не видѣть нѣкотораго прогресса. Говоря вообще, національной исключительности въ нихъ уже не существуетъ, а, напротивъ, подъ вліяніемъ общихъ вѣрованій покрайней мѣрѣ для цѣлой группы народовъ, сознание правоспособности и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нравственно - юридическаго единства или полноправности распространяется на всѣхъ единовѣрцевъ, и только послѣдователи другаго исповѣданія, или невѣрные еще попрежнему признаются безправными. Слѣдовательно основнымъ началомъ средневѣковыхъ международныхъ отношеній является религіозно-политическое обобщеніе—начало, которое по своему духовно-космополитическому характеру совершенно противоположно суровой національной исключительности, господствовавшей въ древности (*). Но очевидно, что по своей непрактичности означенное начало могло быть, да и дѣйствительно было, лишь требованіемъ теоретическаго сознанія, или идеаломъ среднихъ вѣковъ; а на самомъ же дѣлѣ, ослабляя значеніе мѣстной государственной власти, при грубости тогдашнихъ нравовъ, оно открывало широкій просторъ для анархіи, господству личнаго произвола и насилія. Впрочемъ, по различію цивилизаціи и религіозныхъ вѣрованій, внѣшнія отношенія въ средніе вѣка, какъ и въ древности, у различныхъ народовъ, или, покрайней мѣрѣ, у народныхъ группъ, при сходствѣ основнаго начала, представляются въ своихъ проявленіяхъ

(*) Ср. *Rob. v. Mohl*, Encyklopädie, S. 407—408; *Holtzendorff*, Encyklopädie, 1 Th., S. 751—52; *Oppenheim*, System des Völkerrechts, 2 Ausg. 1866, Kapit. II, § 5.

довольно разнообразными, и потому мы рассмотрим их также въ отдѣльности.

Византійская имперія представляет собою образецъ государства, въ которомъ крайнее честолюбіе и гордость какъ правительства такъ и націи, основанныя на историческихъ преданіяхъ, соединялись съ глубокой испорченностью нравовъ и полнымъ безсиліемъ. Какъ наследники римскихъ цезарей, византійскіе императоры, подобно первымъ, не только пользовались безграничною властью въ своемъ государствѣ, но и высказывали также притязаніе на всемірное владычество⁽¹⁾. На варваровъ, разрушившихъ Западную Римскую имперію и основавшихъ въ ея предѣлахъ новыя государства, они смотрѣли, какъ на узурпаторовъ, и въ своихъ сношеніяхъ съ германскими королями называли ихъ презрительнымъ именемъ *reges*, упорно отказываясь признать за ними одноименное съ своимъ императорское достоинство⁽²⁾. Но окруженный пышностью и видимымъ раболѣпиемъ блестящаго двора византійскій тронъ былъ, однакоже, весьма ненадеженъ: кровавыя крамолы придворныхъ безпрестанно низвергали и возводили императоровъ и нерѣдко дѣлали ихъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или партій. Выѣстъ съ этимъ имперія была раздраема богословскими распрями и страдала подъ гнетомъ продажнаго правосудія и администраціи⁽³⁾. Съ другой же стороны еще болѣе бѣдствій причиняли Византійской имперіи внѣшнія нападенія, которымъ подвергалась она безпрерывно во все продолженіе своего существованія. Съ сѣвера и запада тѣснили ее Германцы, Гунны и Славяне, съ востока и юга—Персы, Аравитяне и Турки. Гордые Византійцы были вынуждены платить дань своимъ врагамъ и уступали имъ одну провинцію за другою. Только побѣды при императорѣ Юстиніанѣ надъ Вандалами и Остготами и при

(1) *Laurent, Histoire. t. V, pp. 568, 573, 592—93.*

(2) *Ibid.*, pp. 574—72.—Даже Карла В. византійскіе императоры называли только «любезнымъ сыномъ». *Ibid.* p. 456.

(3) Мрачную картину состоянія Византійской имперіи въ правленіе даже лучшаго изъ императоровъ, Юстиніана, см. у *Gibbon, The history of the decline and fall of the Roman empire, ch. XL.*

Иракліѣ надъ Персами напомнили временно о бывшей славѣ римскаго оружія. Но большею частію византійское правительство было несчастливо въ своихъ войнахъ и старалось отвратить гибельные удары враговъ посредствомъ подкуповъ, лукавства и двоедушія (¹). Самая же война велась Византійцами чрезвычайно жестоко: плѣнные, за исключеніемъ однакоже христіанъ, не только были обращаемы ими въ рабство, но по примѣру древнихъ восточныхъ народовъ, нерѣдко подвергались даже истязаніямъ (²). Но ни коварство дипломатіи, ни военныя жестокости, вызываемыя отчаяннымъ положеніемъ Византійской имперіи, не могли ее спасти. Все историческое существованіе ея является въ сущности лишь продолжительной агоніей, вслѣдствіе той же смертельной болѣзни, отъ которой погибла и Западная Римская Имперія—вслѣдствіе развращенія общественныхъ нравовъ и внутреннихъ раздоровъ, облегчившихъ завоеваніе имперіи для внѣшнихъ враговъ. Но тѣмъ не менѣе международное значеніе Византійской имперіи представляется весьма важнымъ. Она вела обширную внѣшнюю торговлю, служила оплотомъ для Западной Европы отъ магометанскихъ завоевателей и, главное, какъ хранительница древней образованности, передавала ее другимъ народамъ, вступавшимъ съ нею какъ въ мирныя, такъ и во враждебныя сношенія (³).

Обратимся теперь къ главнымъ врагамъ Византіи—*магометанскимъ народамъ*.

Въ то время, какъ Византійская имперія, вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, съ трудомъ поддерживала свое

(¹) Извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ насмѣялся Аттіла надъ императоромъ Θεодосіемъ, составившимъ неудачный заговоръ противъ него. Послы Аттілы сказали императору: «Аттіла, сынъ Мундука, и Θεодосій—оба сыновья благородныхъ отцовъ; Аттіла остался достойнымъ своего отца, но Θεодосій унижился, ибо платя дань Аттілѣ, онъ объявлялъ себя его рабомъ: и вотъ зотъ-то худой и лукавый рабъ строитъ тайцы ковы противъ своего господина». См. ст. г. *Соловьева*, Византія въ X вѣкѣ. «Русскій Вѣстникъ» 1873 г. № 1, стр. 464.

(²) Впрочемъ знаменитый полководецъ Юстиніана, Велпзарій, и императоръ Иракліѣ поступали съ побѣжденными вообще гуманно. *Gibbon*, Decline and Fall ch. XL, XLVI.—Ср. *Laurent*, V, 583—85. 592.

(³) *Cauchy*, Droit maritime, t. 1, p. 193.—*Laurent*, V, 597—600.

печальное существованіе, на юговостокѣ отъ нея въ безвѣстной дотолѣ Аравіи, въ VII стол. по Р. Х., совершился весьма важный социальный переворотъ. Фанатическая проповѣдь Магомета о ниспосланномъ ему божественномъ откровеніи быть возстановителемъ утраченной въ человѣчествѣ чистоты вѣры, какъ извѣстно, почти мгновенно соединила разбѣянные племена Арабовъ и Бедуиновъ и, дѣйствуя на ихъ пылкое отъ природы воображеніе, увлекла ихъ къ обширнымъ завоеваніямъ ради распространенія ученія пророка. Уже при жизни самого Магомета почти вся Аравія, отчасти принужденная къ тому силою, признавала его своимъ духовнымъ главою и повелителемъ; а менѣе, нежели черезъ столѣтіе послѣ того, вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ, веденныхъ преемниками пророка, или калифами, владычество магометанъ простиралось уже отъ береговъ Ганга по всей передней Азіи и Сѣверной Африкѣ до Атлантическаго океана и, угрожая Европѣ, утвердилось даже на Пиренейскомъ полуостровѣ. Такіе успѣхи магометанскаго оружія и быстрое распространеніе калифата одинаково объясняются какъ религиозно-воинственнымъ энтузіазмомъ Аравитянъ, возбужденнымъ въ нихъ самымъ характеромъ ислама⁽¹⁾, такъ и внутренними несогласіями, правительственнымъ гнетомъ и вообще социальнымъ разложеніемъ тѣхъ странъ, на счетъ которыхъ они дѣлали свои завоеванія. Неудивительно поэтому, что нѣкоторыя страны, въ особенности же Персія и африканскія провинціи Византіи, сдавались Аравитянамъ почти безъ всякаго сопротивленія и исламизмъ распространился

(¹) Извѣстно, что Магометъ заповѣдалъ своимъ покаянникамъ, ради распространенія своего ученія, священную войну съ невѣрными и, для устраненія страха смерти, училъ, что предѣлъ человеческой жизни безусловно предопредѣленъ самимъ Богомъ (фатализмъ). «L'homme ne meurt que par la volonté de Dieu, d'après le livre qui en fixe le terme de sa vie... En quelque lieu que vous soyez, la mort vous atteindra; elle vous atteindrait dans des tours élevées...» (Korân, trad. par *Kazimirski*, ch. III, 139; ch. IV, 80.—См. *Pauthier*, Les livres sacrés de l'Orient. 1844).— Вѣра въ предопредѣленіе выражается и въ самомъ названіи магометанской религіи—*исламъ*, что значить безусловное повиновеніе или преданность волѣ Божіей; а отсюда и названіе послѣдователей этой религіи—*муслимы* или *мусульмане*.

въ нихъ весьма быстро⁽¹⁾. При этомъ, столкнувшись съ византійскою цивилизаціей, Аравитяне, какъ извѣстно, оказались способными къ развитію у себя широкой гражданственности. Земледѣліе, фабричная промышленность и торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, у нихъ процвѣтали; науки и искусства также достигли, по тогдашнему времени, высокаго совершенства. Но недолго, однакоже, продолжалось также блистательное состояніе калифата. Вслѣдствіе разноплеменности населенія съ различными національными свойствами и потребностями, съ остатками прежнихъ вѣрованій, въ магометанскомъ мірѣ уже съ ранняго времени возникли многочисленныя секты, стремившіяся не только къ религіозной, но и политической независимости⁽²⁾. Такія стремленія сдерживались первоначально священными войнами, патріархальною простотою управленія и бдительностію калифовъ; но когда, подъ вліяніемъ историческихъ преданій Востока, калифы превратились, мало по малу, въ изнѣженныхъ деспотовъ и все управленіе перешло отъ нихъ къ начальнику наемнаго войска (эмиръ-аль-омра) и къ намѣстникамъ провинцій,—распаденіе калифата сдѣлалось неизбѣжнымъ⁽³⁾. И дѣйствительно, не говоря о Мавританской Испаніи, которая почти всегда пользовалась самостоятельностью, уже въ X вѣкѣ отпали отъ калифата Египеть и Персія, что и нанесло рѣшительный ударъ мусульманскому единству. Съ этихъ поръ исламъ, какъ религія, хотя и не переставалъ дѣлать новыхъ пріобрѣтеній—особенно въ лицѣ тюрескихъ и монгольскихъ племенъ,—но никогда уже магометанскій міръ не достигалъ такого могущества и цивилизаціи, какъ при существованіи калифата. Только въ XV и XVI стол. грубые Турки-Османы, разрушившіе окончательно Византійскую Имперію, своими обширными завоеваніями

(1) *Дрэнгеръ*, Исторія умственного развитія Европы, перев. съ англ. Пышина. Спб., изд. 2, 1869. т. I, стр. 274—73, 275—76.—*Laurent*, t. V, pp. 517—18, §20.

(2) О магометанскихъ сектахъ см. *Salé*, Observation historique et critique sur le Mahométisme. Sect. VIII. (*Panthier*, Les livres sacrés de l'Orient, pp. 524—538).

(3) Подробное изслѣдованіе причинъ распаденія Аравійскаго калифата представляетъ *Laurent*, t. V, pp. 554—562.

напомнили Европѣ о значеніи магометанскаго фанатизма, который, однакоже, былъ остановленъ тогда европейскими государствами.

Но какова бы ни была историческая судьба отдѣльныхъ магометанскихъ народовъ, ихъ внѣшнія отношенія къ другимъ народамъ равно какъ и весь социальнo-юридическій бытъ въ обширномъ смыслѣ этого слова,—по крайней мѣрѣ у правовѣрныхъ мусульманъ или суннитовъ, которыхъ огромное большинство и которыхъ собственно мы и имѣемъ въ виду,—во всѣ времена представляются существенно-одинаковыми. Причина же этого состоитъ въ томъ, что у мусульманъ, какъ и у древнихъ теократическихъ націй, право состоитъ въ тѣсной связи съ неизмѣнной религіей и опредѣляется ею (¹).

Посмотримъ, въ чемъ же заключаются главныя положенія мусульманскаго международнаго права?

Согласно основнымъ началамъ шеріата, всѣ мусульманскіе народы образуютъ единое общество правовѣрныхъ (дар-уль-исламъ), въ которомъ хотя и допускается существованіе рабства, но отвергается природное различіе сословій и должно господствовать всеобщее братство по вѣрѣ, милосердіе и

(¹) Правовѣдніе составляетъ у магометанъ собственно практическую часть вѣроученія, и главнымъ основаніемъ или источникомъ права служить у нихъ т. наз. *шеріатъ*—буквально: прямой путь—т. е. божественный законъ, свѣдѣнія о которомъ почерпаются какъ непосредственно изъ самыхъ священныхъ книгъ: Корана и Сунны или Суннета, а отчасти также и изъ сборника рѣшеній первыхъ калифовъ и сподвижниковъ пророка, такъ и изъ сочиненій многочисленныхъ мусульманскихъ юристовъ, пользующихся различнымъ авторитетомъ. Постановленія же государственной власти являются лишь дополненіемъ къ шеріату и, по существу своему, не могутъ ему противорѣчить. Для ознакомленія съ магометанскимъ международнымъ правомъ изъ мусульманскихъ источниковъ мы имѣли возможность, кромѣ Корана, пользоваться въ переводахъ двумя арабскими юридическими сочиненіями, которыя въ данномъ отношеніи считаются весьма авторитетными. Это—сочиненіе писателя XII стол. *Abul-Hosein-Ahmed-el-Codwri* подъ названіемъ «Mochtasser» и сочиненіе «Vikâyah», принадлежащее писателю XIII вѣка *Borhan-el-Sheriah—Mahmâd-el-Mahdâb*. Нѣмецкій переводъ перваго изъ означенныхъ сочиненій см. у *Müller-Jochims*, *Geschichte des Völkerrechts*, 1848, S. 202—224; а послѣдняго—у *Haneberg*, *Das muslimische Kriegerrecht*, 1871, S. 60—74.

взаимное согласіе. Въ случаѣ же вражды между мусульманскими народами остальные правовѣрные должны стараться, съ полнымъ безпристрастіемъ примирить враждующихъ, а, при безуспѣшности въ этомъ, помогать правой сторонѣ противъ виновной⁽¹⁾. Но въ отношеніи къ иновѣрцамъ, образующимъ особый міръ (дар-уль-харбъ), по самому существу своему, враждебный мусульманскому, Магометъ, какъ уже замѣчено отчасти выше, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ *священную войну*—„джигадъ“, ради успѣха которой, какъ показываетъ самое ея названіе, мусульмане обязаны употреблять всѣ старанія, не жалѣя ни жизни, ни имущества⁽²⁾. Отъ участія въ священной войнѣ, кромѣ больныхъ и дѣтей, освобождаются только женщины и рабы, которымъ необходимо для такого участія дозволеніе ихъ мужей и господъ, но и то лишь въ томъ случаѣ, если врагъ не вторгнулся въ мусульманскую землю⁽³⁾. При этомъ, для ободренія воюющихъ и для возбужденія въ нихъ большей энергіи и храбрости, Магометъ, кромѣ вѣры въ неизбѣжное предопредѣленіе смерти, обѣщаетъ правовѣрнымъ воинамъ божественную помощь, счастье въ послѣдующей земной жизни и посмертное наслажденіе въ раю, а трусамъ же и вообще уклоняющимся отъ войны, какъ виновникамъ въ нарушеніи одной изъ самыхъ важныхъ религіозныхъ обязанностей, наоборотъ, угрожаетъ всевозможными жизненными лишеніями и муками ада⁽⁴⁾. Война запрещается мусульманамъ въ 4 священныхъ мѣсяца, но лишь въ отношеніи тѣхъ народовъ,

(¹) Ср. Korân, VIII, 73, 76; IX, 72; XXXIII, 6; XXIV, 33; XLIX, 9—10.

(²) Предписанія о священной войнѣ содержатся во многихъ мѣстахъ Корана. См., наприм., Ch. IX, 29, 41: «Faites la guerre à ceux qui ne croient point en Dieu ni au jour dernier, qui ne regardent point comme défendu ce que Dieu et son apôtre ont défendu, et à ceux d'entre les hommes des Ecritures qui ne professent pas la vraie religion. Chargés ou légers, marchez et combattez dans le sentier de Dieu, de vos biens, et de vos personnes».—Ср. также *ibid.* II, 187, 189—190; VIII, 40, 62; IX, 14, 39, 44; XLVIII, 14 и пр.

(³) Mochtasser, §§ II, VII.—Ср. Korân, VIII, 62; IX, 92.

(⁴) Korân, II, 215; III, 151, 154; VIII, 16, 64, 62, 66; IX, 39.

которые и сами уважаютъ священный характеръ этихъ мѣсяцевъ (¹).

Однакоже война съ невѣрными, сама по себѣ, не составляетъ цѣли для мусульманъ. Прежде *начатія войны*, Коранъ предписываетъ мусульманамъ предложить невѣрнымъ принятіе ислама; или же, по крайней мѣрѣ, если невѣрные не язычники, а такъ называемые „витаби“, т. е. народы, имѣющіе откровенныя книги (каковы Евреи и христіане), то, во избѣжаніе войны, имъ можетъ быть предложено лишь добровольно признать себя подчиненными мусульманамъ съ обязательствомъ платежа дани (²). Но такое различіе, по всей вѣроятности, не долго соблюдалось, такъ какъ магометанскіе юристы о немъ уже не упоминаютъ, а просто говорятъ объ обоихъ видахъ означенныхъ предложеній въ отпущеніи всѣхъ невѣрныхъ (³). Какъ-бы то ни было, только въ случаѣ, если невѣрные не примутъ ислама и даже откажутся платить дань мусульманамъ, только въ этомъ случаѣ разрѣшается послѣднимъ начать противъ невѣрныхъ военныя дѣйствія. При этомъ *во время войны* дозволяется мусульманамъ полное опустошеніе враждебной страны, но запрещается, однакоже, истязаніе враговъ и даже простое убійствіе старцевъ, женщинъ, больныхъ и дѣтей, а также и вѣроломство, или нарушеніе даннаго слова врагу (⁴).

Военнопленные у мусульманъ, согласно опредѣленіямъ Корана, могутъ быть убиваемы или же освобождаемы за выкупъ (⁵). Но такъ-какъ это говорится въ Коранѣ собственно о плѣнныхъ Арабахъ, по поводу взятія Мекки, то мнѣнія магометанскихъ юристовъ вообще о положеніи плѣнныхъ весьма разнорѣчивы. На практикѣ же большею частью военнопленные были обращаемы мусульманами въ рабство, хотя въ то же время нерѣдки также были случаи убійства плѣнниковъ и освобожденія ихъ не только за выкупъ, но

(¹) Ibid. II, 190; IX, 5, 36.

(²) Ibid. VIII, 39—40; IX, 29.—Ср. *Haneberg*, muslimisches Kriegsrecht, S 16.

(³) Mochtasser, §§ IV—V.—*Vikayâh*, c. 1, §§ 4—5.—Ср. *Laurent*, Histoire, t. V, p. 534.

(⁴) Mochtasser, § VIII.—*Vikayâh*, c. 1, § 6; c. II, § 7.

(⁵) Korân, XLVII, 4, 5.

и вслѣдствіе взаимнаго размѣна съ непріятелемъ (¹).—*Военная добыча* въ тѣсномъ смыслѣ, или движимое имущество, отнятое у непріятели, по общему правилу, составляетъ общественное достояніе мусульманъ. Произвольное присвоеніе и утайка добычи запрещаются воинамъ, какъ дѣло грѣховное. По заповѣди пророка изъ общей массы добычи выдѣляется $\frac{1}{5}$ часть (хюмсъ), которая и предназначается на дѣла общественной благотворительности—въ пособіе сиротамъ неимущимъ, странникамъ и пр.,—и только уже затѣмъ остальную добычу предоставляется имаму раздѣлить между воинами (²).—Равнымъ образомъ и самая *завоеванная страна*, по усмотрѣнію имама, можетъ быть также раздѣлена между воинами, или же—что и было въ большинствѣ случаевъ на практикѣ—обращенная въ „вакфъ“ (общественное или, собственно, божественное достояніе) она оставалась въ наслѣдственномъ пользованіи туземцовъ, но безъ права отчужденія и съ обязательствомъ платежа, въ пользу мусульманскаго общества, особаго поземельнаго налога (хараджъ) (³).—Наконецъ, что касается *положенія покоренныхъ* мусульманами иновѣрцевъ—т. наз. „зимми“, или какъ они называются въ Турціи, „райя“,—то по шеріату оно представляется вообще весьма стѣснительнымъ. Законъ хотя и предоставляетъ имъ, въ принципѣ, свободу вѣроисповѣданія вмѣстѣ съ личною и имущественною неприкосновенностью, но въ то же время систематически унижаетъ ихъ предъ мусульманами. Кромѣ хараджа за пользованіе землей зимми обязаны платить еще считающійся у мусульманъ весьма позорнымъ личный налогъ (джизье), какъ вознагражденіе за предоставленную имъ возможность жизни. Затѣмъ зимми, пользуясь мѣстнымъ самоуправленіемъ, не могутъ занимать, помимо его, другихъ общественныхъ должностей въ мусульманскомъ государствѣ; не могутъ строить новыхъ церквей, а только во-

(¹) *Haneberg, muslim. Kriegsrecht. S. 33—34.*

(²) *Ibid, 31.—Korân, VIII, 42.—Vikayâh, c. II, § 15.*—Имамомъ называется у магометанъ вообще всякій духовный начальникъ; въ данномъ случаѣ—это государь, который въ мусульманскихъ странахъ, по примѣру самого Магомета, соединяетъ въ своемъ лицѣ высшую не только свѣтскую, но и духовную власть.

(³) *Mochtasser, § XVI.—Vikayâh, c. V.*

зобновлять прежнія; должны отличаться особенною одеждою отъ мусульманъ и повсюду оказывать имъ уваженіе; не могутъ даже противъ нихъ свидѣтельствовать на судѣ и т. п. (¹). Эти постановленія были изданы еще при калифѣ Омарѣ и съ тѣхъ поръ за немногими и непродолжительными уклоненіями отъ нихъ въ пользу иновѣрныхъ подданныхъ, почти постоянно сохраняли свою силу въ мусульманскихъ государствахъ, такъ-что даже и новыя узаконенія турецкаго правительства о признаніи полноправности райевъ, какъ извѣстно, оказываются на практикѣ далеко неудовлетворительными. До такой степени религиозныя предубѣжденія присущи исламу! (²).

Съ другой же стороны, объявляя войну съ невѣрными священною обязанностью для мусульманъ, и потому распространяясь объ этой войнѣ и ея послѣдствіяхъ со всею подробностью, шеріатъ, совершенно логически, содержитъ въ себѣ весьма немного постановленій касательно мирныхъ или дружественныхъ отношеній мусульманъ къ иновѣрнымъ народамъ. Ради сохраненія чистоты вѣры и во избѣжніе обмана, Коранъ предписываетъ мусульманамъ, насколько возможно, вообще избѣгать всякихъ дружественныхъ сношеній съ иновѣрцами, и только, по просьбѣ послѣднихъ, совѣтуетъ давать имъ миръ и временное убѣжище (³). А изъ этихъ опредѣленій Корана магометанскіе юристы вывели слѣдующія положенія. Между мусульманами и иновѣрными народами, если послѣдніе, въ качествѣ зимми, не подчинятся власти мусульманъ, можетъ быть заключаемо лишь *временное перемиріе* (сульхъ), срокъ котораго опредѣляется крестами неодинаково—отъ 4 мѣсяцевъ до 10 лѣтъ (⁴). Но по соображенію общественной пользы дозволяется мусульманамъ нарушить перемиріе и до истеченія срока съ извѣщеніемъ о томъ контрагента (⁵). При-

(¹) Mochtasser, §§ XLVII—LIII.—Vikayâh, с. VI.

(²) См. *Гираса*, Права христіанъ на Востокъ по мусульманскимъ законамъ. Спб. 1865. стр. 67—107.

(³) Korân, III, 114; IV, 91; V, 56; VIII, 63; IX, 6.

(⁴) Ср. *Müller-Jochims*, Geschichte des Völkerrechts, S. 205.—*Haneberg*, muslim. Kriegsrecht, S. 35, 36.

(⁵) Mochtasser, § IX.—Vikayâh, с. I, § 10.—Впрочемъ и въ этомъ отношеніи мнѣнія магометанскихъ правовѣдовъ несогласны между собою и нѣкоторые изъ нихъ не разрѣшаютъ нарушенія мирнаго договора съ невѣрными, если только послѣдніе съ своей стороны не подадутъ къ тому отвода. См. у *Гираса*, в. н. с., стр. 15.

этомъ, такъ какъ всѣ *чужеземные иновѣрцы*, по общему правилу, суть естественные враги мусульманъ (харби), то вступленіе ихъ въ мусульманскую страну и пребываніе въ ней предоставляются имъ лишь на основаніи особаго обѣщанія безопасности (аманъ), которое, однакоже, можетъ быть дано иновѣрцамъ не только самимъ имамомъ, но подъ контролемъ его и въ отношеніи ограниченнаго числа лицъ (не болѣе 100 человекъ), вообще всякимъ мусульманиномъ и мусульманкой, нелишенными разсудка. Получившій аманъ иностранецъ становится въ мусульманскомъ государствѣ „мустаминомъ“ (буквально значить—просящій пощады или милости) и, въ этомъ качествѣ, пользуется какъ личною, такъ и имущественною неприкосновенностью. Но, во избѣжаніе шпионства, мустаминъ-иновѣрецъ можетъ пробыть въ мусульманской странѣ не долѣе года, а въ противномъ же случаѣ уже обращается въ разрядъ зимми, т. е. дѣлается уже мусульманскимъ иновѣрнымъ подданнымъ и навсегда лишается права возвратиться на родину (¹).—Однакоже, на практикѣ, не смотря на эти строгія предписанія шеріата касательно мирныхъ сношеній мусульманъ съ иновѣрными иностранцами, *внѣшняя торговля* мусульманскихъ государствъ почти всегда процвѣтала. Уже въ первые вѣка существованія калифата, съ VIII и IX стол., предприимчивые граждане итальянскихъ республикъ, славившіеся въ то время своею торговлею и мореплаваніемъ, получили для себя доступъ въ нѣкоторые порты Египта и Берберіи, а со времени крестовыхъ походовъ, вмѣстѣ съ Французами и Аррагонцами, кромѣ означенныхъ странъ, вступили также въ торговля сношенія и съ мусульманскими владѣніями въ Палестинѣ и Сирии. При этомъ, съ XII и особенно съ XIII столѣтій, на основаніи многочисленныхъ капитуляцій, Европейцы получили отъ мусульманскихъ владѣтелей право имѣть свои факторіи, или особые участки для жительства въ мусульманскихъ городахъ, полную неприкосновенность, какъ личную, такъ и имущественную, и даже—право имѣть свой особый судъ, въ лицѣ отечественныхъ консуловъ. Впослѣдствіи же, по образцу этихъ капитуляцій, опредѣлились также

(¹) *Müller-Jochmus*, l. c., S. 198—201.—*Vikayâh*, c. IV, §§ 2, 3—8.

торговля сношенія Европейцевъ и съ Оттоманскою Портою. Но только, къ сожалѣнію, означенныя капитуляціи довольно часто были нарушаемы мусульманами, отъ фанатизма которыхъ одинаково страдали какъ сами европейскіе купцы, такъ и консулы. Въ особенности же Берберія до новѣйшаго времени—до утвержденья французскаго господства въ Алжирѣ—являлась главнымъ притономъ пиратства на Средиземномъ морѣ⁽¹⁾.

Вообще, какъ это видно изъ сказаннаго, магометанскіе народы, по своему религіозно-политическому міросозерцанію и основанному на немъ жизненному быту, представляютъ собою совершенно особый, своеобразный міръ, существенно отличающійся какъ отъ древняго языческаго, такъ и отъ новоевропейскаго христіанскаго міра. За основаніе правоспособности принимается здѣсь уже не принадлежность лица къ извѣстной націи, но чисто-духовное начало—вѣроисповѣданіе,—и полноправность одинаково распространяется на всѣхъ правовѣрныхъ, кто бы они ни были по своему происхожденію. Въ этомъ отношеніи исламъ, какъ религія, и главное, какъ основная догма юридическаго быта магометанскихъ народовъ, безспорно стоитъ гораздо выше національной исключительности, какъ религіозной, такъ и политической, господствовавшей въ языческой древности⁽²⁾. Но только, съ другой стороны, понятіе о правоспособности, обусловливаемой религіознымъ вѣрованіемъ, доводится у магометанъ уже до крайности. Бгѣ ислама нѣтъ спасенія, и помимо принадлежности къ этой религіи, какъ единой истинной связи, долженствующей объять весь міръ, ни личное достоинство человѣка само-по-себѣ, ни политическая самобытность народовъ, ни даже кровныя связи близкихъ родственниковъ между собою, не имѣютъ въ глазахъ мусульманъ почти никакого значенія. Вслѣдствіе этого мирныя сношенія мусульманъ съ иновѣрными народами являются непрочными, тогда какъ, наоборотъ, война съ невѣрными,

⁽¹⁾ Подробное историко-юридическое изложеніе сношеній Европейцевъ съ мусульманскими народами и вообще съ Востокомъ представляетъ проф. *Мартенсъ* въ соч.: О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. Спб. 1873. Гл. I.

⁽²⁾ См. *Müller-Jochims*, I. c., S. 222.

ради распространения ислама и торжества его, составляет для них священный основной законъ международной политики, заповѣданный самимъ пророкомъ. Отсюда также и униженное положеніе тѣхъ народовъ, которые, подчиняясь мусульманамъ, остаются иновѣрцами. Отсюда, наконецъ, и быстрое расширеніе магометанскихъ государствъ, вслѣдствіе религиозно-воинственнаго фанатизма правовѣрныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе устойчивости и вообще порядка въ этихъ государствахъ, вслѣдствіе глубокаго разобщенія между побѣдителями и побѣжденными⁽¹⁾. Однимъ словомъ, религиозный фанатизмъ и вслѣдствіе того, за временнымъ исключеніемъ Арабовъ, односторонность и неподвижность цивилизаціи составляютъ характеристическую черту въ исторіи послѣдователей ислама, чѣмъ и отличаются они весьма существенно отъ прогрессивнаго и всесторонняго развитія европейскихъ христіанскихъ народовъ, къ которымъ мы и переходимъ.

Разрушивъ Западную Римскую имперію, *германскіе народы*, какъ извѣстно, основали на ея развалинахъ многочисленныя государства, которыя, однакоже, нескоро достигли правильнаго устройства. Причина тому заключалась вообще въ разнообразіи и разнородности тѣхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ суждено было развиваться господствующей и теперь западно-европейской гражданственности. Элементы эти суть именно—христіанская религія (католическаго исповѣданія), римскія преданія и національныя свойства Германцевъ⁽²⁾. Каждый изъ этихъ элементовъ, не получивъ еще надлежащаго примиренія съ другими элементами, выразился въ средніе вѣка въ особомъ, свойственномъ ему, бытовомъ явленіи.

Такъ, вслѣдствіе общаго принятія христіанской религіи и подъ вліяніемъ римскихъ преданій, еще съ эпохи глубокаго варварства встрѣчаются уже попытки ко взаимному сближенію и даже къ объединенію западно-европейскихъ народовъ. Эту цѣль одинаково преслѣдовали, какъ

⁽¹⁾ *Гирасс*, Права христіанъ на Востокъ, стр. 64—66.

⁽²⁾ *Laurent*, Histoire, t. IV. p. 3.—*Гизо*, Исторія цивилизаціи въ Европѣ, перев. съ франц. Арсеньева. Сиб. 1860. Лекція 2.

честолюбивые римскіе епископы, стремившіеся вообще стать во главѣ западной христіанской Церкви, такъ и сами германскіе короли, которые одновременно съ притязаніями византійскихъ императоровъ и вопреки имъ также считали себя наслѣдниками римскихъ цезарей и соперничали между собою за преобладаніе. Такимъ образомъ уже вскорѣ послѣ паденія Римской имперіи въ Западной Европѣ является и мысль о возстановленіи ея, и эта мысль, какъ извѣстно, формально осуществилась на рубежѣ между VIII и IX столѣтіями, когда папа Левъ III возложилъ на Карла Великаго римскую императорскую корону (1). Но возстановленная при участіи папы *Римская имперія* получила въ средніе вѣка уже особый характеръ—болѣе религіозный, нежели свѣтскій. По идеѣ своей она служила выраженіемъ царства Божія на землѣ, и потому называлась *священною*—*Sanctum Imperium Romanum*. Какъ бы то ни было, хотя имперія и распалась вскорѣ, но имя ея надолго послужило символомъ единства западно-европейскихъ народовъ. По господствовавшему въ средніе вѣка возрѣнію всѣ западно-европейскіе народы образовали изъ себя какъ бы единое общехристіанское государство, во главѣ котораго стояли папа и императоръ, какъ верховные представители духовной и свѣтской власти (2). При этомъ полное согласіе и гармоническая дѣятельность этихъ двухъ властей, или мечей христіанства считались идеаломъ среднихъ вѣковъ и главнымъ условіемъ всеобщаго мира и благоденствія. Но, къ сожалѣнію, юридическій характеръ означеннаго двоевластія, или взаимныя отношенія между папою и императоромъ съ точностію не были опредѣлены. Ихъ власть и значеніе, такъ—сказать, приходили другъ къ другу по требованію обстоятельствъ.

(1) *Стасюлевичъ*, Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Спб. 1863, т. I, стр. 257—258.

(2) *Rob. v. Mohl*, Encyclopædie, S. 407—8.—*Berner*, Völkerrecht (Bluntschli's und Brater's Staatswörterbuch. Bd. XI, S. 84.)—*Ward's*, Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations, vol. II, p. 400: «The idea was spread abroad, that as *the whole of Christendom*, considered as an ecclesiastical society, had one visible spiritual head, which was the *Bishop of Rome*; so also, in conformity with ancient prerogatives, they ought to obey one temporal head, which was the *Roman Emperor*».

Какъ папа, такъ и императоръ участвовали во взаимномъ назначеніи одинъ другаго (папа посредствомъ коронованія императора, императоръ же посредствомъ утвержденія папы въ его достоинства), оба раздавали королевскіе титулы европейскимъ монархамъ, могли созывать соборы и обнародовали распоряженія относительно всего христіанства, имѣли право взаимнаго veto на чрезвычайные случаи и пр. (¹) А вслѣдствіе этого, благодаря неопредѣленности отношеній, вмѣсто вождедѣльнаго согласія между папами и императорами, мы видимъ въ средніе вѣка почти непрерывную борьбу, причѣмъ каждая изъ сторонъ выставляла различныя основанія для доказательства превосходства своего права передъ соперникомъ. Въ этой борьбѣ обѣ стороны взаимно истощили себя и утратили свой авторитетъ, такъ что съ XIV стол. всемірный супрематъ папы и императора хотя и защищается еще въ теории, но въ дѣйствительности почти все значеніе переходитъ уже къ мѣстной королевской власти (²). Тѣмъ не менѣе, однакоже, невозможно отрицать, что какъ папы, такъ и императоры, въ средніе вѣка, оказали вообще весьма важную услугу развитію международныхъ отношеній. Какъ представители общехристіанской власти, они пробудили именно и поддерживали сознаніе взаимной солидарности въ западно-европейскихъ народахъ, которое и выразилось въ особенности въ крестовыхъ походахъ противъ мусульманъ; содѣйствовали, въ извѣстной степени, внутреннему замиренію Западной Европы, являясь во многихъ международныхъ спорахъ посредниками и третейскими судьями; брали подъ свое спеціальное покровительство иностранцевъ и путешественниковъ и т. под.

Но если, такимъ образомъ, католицизмъ и римскія преданія способствовали въ средніе вѣка образованію въ Западной Европѣ грандіозной идеи общехристіанскаго единства, то національныя свойства Германцевъ, наоборотъ, послужили причиною возникновенія тамъ *феодализма*. Германцы, какъ извѣстно, искони отличались любовью къ лич-

(¹) Каченовскій. Курсъ международнаго права, вып. 2, стр. 250.—51.

(²) Борьба между папами и императорами подробно разсмотрѣна Лораномъ. Histoire, t. VI, liv. 2, pp. 167—303.

ной свободѣ и независимости. Это свойство, еще не смягченное образованіемъ, нерѣдко выражалось у нихъ въ грубомъ своеволии и вообще въ теченіе долгаго времени дѣлало Германцевъ неспособными къ правильной государственной жизни. Въ противоположность Грекамъ и Римлянамъ частные интересы преобладали у нихъ надъ общественными. Но при господствѣ индивидуальной воли Германцамъ издавна были знакомы чисто-личные, обязательственные отношенія, или союзы, основанные на свободномъ договорѣ. Съ такимъ характеромъ являются, напримѣръ, германскія дружины, вторгавшіяся въ Римскую имперію, и такой же договорно-личный характеръ получило у Германцевъ военное устройство, а отчасти и вообще управление въ основанныхъ ими государствахъ. Уже съ первыхъ временъ по завоеваніи Германцами римскихъ областей, рядомъ съ аллодами, или поземельными участками, раздѣленными между дружинниками въ полную собственность, въ германскихъ владѣніяхъ встрѣчаются также и т. наз. бенефиціи, т. е. участки земли, раздаваемые королями своимъ сподвижникамъ (ангустіонамъ, *fideles*, впоследствии—вообще вассаламъ) въ вознагражденіе за извѣстную, преимущественно военную службу. Такія бенефиціи давались первоначально большею частью лишь во временное пользованіе, но мало по малу, вмѣстѣ съ самыми должностями, превратились потомъ, въ особенности же при слабыхъ преемникахъ Карла В., уже въ пожизненное, а вскорѣ и въ наследственное достоиніе вассаловъ—т. наз. лены, или феодалы. При этомъ, королевская власть совершенно упала, такъ какъ вассалы, или, какъ они стали преимущественно называться теперь, феодальные бароны присвоили себѣ почти полное самодержавіе и въ отношеніи королей, какъ ленныхъ сюзереновъ, на основаніи феодальной присяги, имѣли лишь незначительныя и большою частію чисто-номинальныя обязанности (*foi et homnage*). А между тѣмъ и аллодіальные владѣльцы также вступали въ феодальныя отношенія, которыя вообще съ X вѣка, въ большей или меньшей степени, распространились во всей Западной Европѣ. Но въ особенности же феодализмъ достигъ крайняго своего развитія въ Германіи и во Франціи, гдѣ, вслѣдствіе дальнѣйшей раздачи или подраздѣленія леновъ со стороны самихъ бароновъ между подвассалами, дроб-

ность владѣній была чрезвычайная ⁽¹⁾. Какъ бы то ни было, историческое значеніе феодализма состоитъ въ томъ, что онъ послужилъ переходною ступеню отъ варварства къ гражданственности. Онъ положилъ конецъ бродячеству населенія, приврѣпивъ его къ землѣ, и пробудилъ корпоративный духъ въ отдѣльныхъ сословіяхъ или классахъ общества. Но феодализмъ разорвалъ Западную Европу на мелкіе участки, почти замѣнутые и разобщенные между собою, гдѣ грубый произволъ бароновъ, особенно въ первое время, царилъ почти безпрепятственно. По счастью, однакоже, въ самомъ феодализмѣ, подъ благотѣльнымъ вліяніемъ христіанства, какъ извѣстно, возникло рыцарство, для котораго требованія великодушія и справедливости считались основнымъ закономъ. Рыцарскіе права до нѣкоторой степени конечно, не могли остаться безъ вліянія на поступки феодаловъ. А съ другой же стороны, съ успѣхами промышленности, феодальная анархія и своеволие бароновъ встрѣтили даже открытое сопротивленіе со стороны городскихъ общинъ, которыя, опираясь на содѣйствіе королевской власти, мало по малу, къ концу среднихъ вѣковъ, способствовали послѣдней возвыситься на счетъ феодализма.

Вообще изъ сказаннаго видно, что общественный бытъ средневѣковыхъ западно-европейскихъ народовъ представлялъ противоположныя крайности: тогда какъ, съ одной стороны, эти народы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, образовали изъ себя единое цѣлое съ папою и императоромъ во главѣ, одновременно съ этимъ Западная Европа дробилась также на мелкіе феодальные участки, связанные между собою лишь въ номинальныя монархіи. Взаимное примиреніе этихъ противоположностей и составляло именно задачу политическаго развитія среднихъ вѣковъ, которая и дѣйствительно была разрѣшена уже къ концу эпохи, когда, съ усиленіемъ королевской власти, становится замѣтнымъ возникновеніе

⁽¹⁾ О феодализмѣ см. *Guizot. Histoire de la civilisation en France. 1829, t. III, p. 164—215.* (Русскій переводъ означеннаго мѣста въ «Исторіи среднихъ вѣковъ» *Стасюлевича, т. II, стр. 367—391.*) — *Waitz, Lehnwesen* (*Bluntschli's Staats - Wörterbuch, Bd VI, S. 357—366.*) — *Капустинъ, Очеркъ исторіи права въ Западной Европѣ. М. 1866. Стр. 25—33.*

независимыхъ, самостоятельныхъ государствъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова ⁽¹⁾. А такъ какъ существованіе независимыхъ государствъ, какъ мы знаемъ, составляетъ вообще необходимое условіе для образованія международнаго права, субъектами котораго они являются, то понятно, что, при отсутствіи ихъ, правильныхъ международныхъ отношеній въ средніе вѣка еще не могло быть, и дѣйствительно не было, хотя, съ другой стороны, въ особенности вслѣдствіе благотворнаго вліянія христіанской религіи, зародыши такихъ отношеній и вообще подготовку международнаго права, какъ мы увидимъ ниже, можно встрѣтить уже и въ это время.

Такъ, что касается *мирныхъ международныхъ сношеній*, то, говоря вообще, средніе вѣка не благопріятствовали имъ. Вслѣдствіе грубости нравовъ и при слабости общественной власти анархія въ то время была повсемѣстная: на сушѣ грабили феодалы, на морѣ пираты. Не находя защиты у правительства, каждый вынужденъ былъ охранять себя и свои права собственными средствами — *currege super malefactorem, donec plenarie emendatum fuerit*, — и международному *самоуправству*, выражавшемуся сперва въ полной безграничности (такъ наз. кулачное право — *Faustrecht*, или *Fehderecht*), а потомъ, съ XIII вѣка, въ видѣ болѣе или менѣе регламентированныхъ репрессалій, не было конца ⁽²⁾. — Особенно же во время полного развитія феодализма усилились и тяжелымъ гнетомъ ложились на иностранцевъ нѣкоторые *негостепріимные обычаи*, слѣды которыхъ можно замѣтить еще въ древности. Таково, наприм., было такъ называемое береговое право — *compendium naufragiorum*, *Strandrecht*, *droit de naufrage ou de varech*. Оно основывалось на предразсудкѣ, что все выбрасываемое моремъ на берегъ составляетъ даръ неба, и согласно съ этимъ выражалось въ присвоеніи сперва прибрежными жителями, а потомъ и самими территоріальными владѣльцами имущества иностранцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; причемъ нерѣдко сами иностранцы были убиваемы, или же обращались въ раб-

⁽¹⁾ *Laurent*, Histoire, t. IV, p. 17—18; t. VI, p. 39.

⁽²⁾ *Pütter*, Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte und Wissenschaft. 1843. S. 149.—*Ward*, Enquiry, v. I, p. 293 sq.

ство ⁽¹⁾—Кромѣ того въ нѣкоторыхъ, преимущественно германскихъ странахъ—Палатинатѣ, Помераніи, Лауэнбургѣ и др.,—существовалъ обычай закрѣпощенія вообще всѣхъ иностранцевъ, прибывшихъ въ страну безъ спеціального дозволенія, или же пробывшихъ въ ней въ теченіи года со днемъ (*Jahr und Tag*). Это—такъ называемое *jus Wildfangiatus*, *Wildfangsrecht*. Отсюда характеристическая поговорка среднихъ вѣковъ, что самый воздухъ страны поработщаетъ человѣка: *die Luft macht eigen* ⁽²⁾. Наконецъ, даже и допуская иностранца на свою территорию, съ сохраненіемъ за нимъ его политической національности и личной независимости, феодалы присвоивали себѣ право, въ случаѣ смерти иностранца, на наслѣдованіе въ его имущество, особенно же, когда иностранецъ не имѣлъ при себѣ наличныхъ наслѣдниковъ. Это право—*jus albinagii*, *droit d'aubaine*—преимущественно было примѣняемо во Франціи, гдѣ съ XIV стол. отъ феодаловъ оно перешло къ королевской власти; но, въ большей или меньшей степени, означенное право примѣнялось и повсемѣстно въ Западной Европѣ ⁽³⁾.

Однакоже, не смотря на анархію и суровые обычаи въ отношеніи иностранцевъ, нельзя сказать, чтобы мирныя международныя связи въ средніе вѣка совершенно не существовали. Религіозныя пилигримства и путешествія съ торговою цѣлью встрѣчаются въ Западной Европѣ еще съ эпохи глубокаго варварства ⁽⁴⁾. При этомъ *христіанская церковь*, проповѣдуя, по духу Евангелія, всеобщій миръ и взаимное благожеланіе между людьми, постоянно являлась защитницею путешественниковъ. По ея инициативѣ были устроены при

⁽¹⁾ *Pardessus*, Collection des lois maritimes etc. 1828. T. I. Introd., p. 114.—*Hautefeuille*, Histoire du droit maritime. Ed. 1869, p. 99—100.

⁽²⁾ *Ward's*, Enquiry, I, 235.—*Laurent*, Histoire, VII, 351—52.—*Лешковъ*, Взглядъ на состояніе правъ иностранцевъ и проч. (Юридическія Записки, изд. Рѣдкинымъ 1842. т. II, стр. 4—5).

⁽³⁾ *Pütter*, Beiträge zur Völkerrechtsgechichte. S. 130—31.—*Wheaton*, Histoire des progrès du droit des gens, ed. 1853, t. I, p. 89—Примѣры примѣненія исключенныхъ суровыхъ обычаевъ въ отношеніи самихъ иностранныхъ царственныхъ лицъ представляетъ *Ward*, Enquiry, I, 270—73.

⁽⁴⁾ *Laurent*, VII, 337—38, 387 suiv.

многочисленныхъ монастыряхъ и по дорогамъ страннопріимные дома (ксенодохіи) и гостинницы, въ которыхъ не только соотечественники, но также и чужеземцы находили для себя радушный пріютъ и спокойствіе. Такое же гостепрѣимство, безразлично для всѣхъ странниковъ, епископы и церковные соборы, подѣ страхомъ отлученія, предписывали и частнымъ лицамъ⁽¹⁾. — Съ другой же стороны, равнымъ образомъ, и *свѣтское законодательство* также отличалось космополитическимъ характеромъ. Еще первобытные законы Германцевъ — *Leges Barbarorum* — за отказъ въ гостепрѣимствѣ страннику подвергали виновнаго денежной пенѣ и вообще подчиняли иностранцевъ лишь національному суду ихъ соплеменниковъ⁽²⁾. А затѣмъ, когда въ послѣдствіи такая личная система правъ въ Западной Европѣ смѣнилась уже территоріальною системою и образовались мѣстные разнообразныя обычаи, весьма стѣснительныя для иностранцевъ, то защитниками послѣднихъ явились императоры, которые, вмѣстѣ съ папами и церковными соборами, какъ представители общехристіанской власти, объявили иностранцевъ состоящими подѣ своимъ специальнымъ покровительствомъ и неоднократно издавали, въ пользу ихъ, различныя распоряженія о безопасности дорогъ и объ отмѣнѣ *droit d'aubaine et de naufrage*. Вообще эти послѣдніе обычаи, собственно говоря, хотя не охраняли свою силу во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но, вслѣдствіе упомянутыхъ церковныхъ и императорскихъ узаконеній и подобныхъ имъ постановленій со стороны мѣстной власти, являлись уже простымъ злоупотребленіемъ и все болѣе и болѣе клонились въ упадку⁽³⁾. — Въ особенности же развитію международ-

(1) Ibid. V, 455—56; VII, 394—96.

(2) *Lex Burgund.* XXXVIII. 1.—*Lex Visigoth.* lib. XI, tit III, cap. 2: «Cum transmarini negotiatores inter se causam habuerint, nullus de sedibus nostris eos audire praesumat, nisi tantummodo suis legibus andiantur apud telonarios suos». — См. *Walter*, *Corpus juris germanici antiqui*, t. I, pp. 324, 628 — Ср. также *Наумова*, Консульское право Европы и Америки. М. 1856. Введ. стр. XII—XIII.

(3) Еще Карлъ V. въ своихъ капитуляріяхъ объявлялъ себя верховнымъ покровителемъ и защитникомъ всѣхъ странниковъ и требовалъ для нихъ повсемѣстнаго гостепрѣимства въ имперіи. См. *Pertz*, *Monum. German.* t. III, Capit. a. 802, с. 27, p. 94.—Императоры Фридрихъ I и

ныхъ сношеній въ средніе вѣка способствовали *городскія общины*. Отстоявъ свою автономію противъ притязаній феодальныхъ владѣльцевъ, а отчасти и отъ самихъ королей, онѣ служили тогда въ западной Европѣ убѣжищемъ личной свободы и общественнаго самоуправленія. При такихъ условіяхъ своего быта нѣкоторые изъ городовъ, какъ извѣстно, развили у себя довольно значительную, по тому времени, ремесленную и мануфактурную промышленность и—что еще важнѣе—со временъ крестовыхъ походовъ завели весьма обширную внѣшнюю торговлю. Таковы были итальянскіе города—Амальфи, Трани, Пиза, а впоследствии же, преимущественно, Венеція и Генуя, — французскій городъ Марсель и испанскій — Барселона, сношенія которыхъ происходили вообще съ Византійскою имперіей и мусульманскимъ Востокомъ; а въ Германіи же — даже цѣлые союзы городовъ—рейнскій, швабскій и особенно извѣстный,—какъ по своему могуществу, такъ и по обширности торговыхъ оборотовъ—ганзейскій союзъ, утвердившійся, главнымъ образомъ, по Балтійскому побережью и распространившій свои связи съ Англійей, Фландріей, Скандинавіей и съ Россіей. Заслуги этихъ городовъ передъ лицомъ гражданственности неоспоримы. Отъ нихъ ведутъ свое происхождение употребленіе векселей, банки, биржи и вообще большинство существующихъ и теперь торговыхъ обычаевъ и учреждений. Кромѣ того, побуждаемые собственнымъ интересомъ, средневѣковые города заключили множество трактатовъ, по которымъ, въ видѣ привилегій, выговорили для своихъ гражданъ за границей полную неприкосновенность, съ подчиненіемъ ихъ общему надзору и суду отечественныхъ *консуловъ*. Съ этихъ поръ международныя консульства, мало по малу, распространились повсемѣстно. И наконецъ, автономіи городовъ или, правильнѣе сказать, торговаго класса обязано также своимъ происхожденіемъ современное морское право ⁽¹⁾.

Фридрихъ II запрещали *droits de naufrage et d'aubaine*. *Ibid.* t IV, Constit. a. 1177, c. 3—4; et. Constit. a 1220, c. 7—8, pp. 162, 244.—Подробности о попыткахъ отмѣны *droit de naufrage* въ разныхъ странахъ Западной Европы представляетъ *Wheaton*. *Histoire des progrès, etc.* t. I, p. 90—94.

⁽¹⁾ Существованіе морскаго права можно замѣтить еще въ древности. Боъ этомъ свидѣлствуютъ знаменитые въ то время родосскіе законы,

Посольства въ средніе вѣка въ Западной Европѣ были отправляемы довольно часто; но вмѣстѣ съ исполненіемъ даннаго порученія обыкновенно оканчивалась и самая миссія посланника. Только папы имѣли постоянныхъ уполномоченныхъ — такъ наз. *apostolicarii*, *responsales*, впоследствии *legati et nuncii* — при дворахъ наиболѣе сильныхъ государей. Приэтомъ неприкосновенность посланниковъ, признаваемая еще римскимъ правомъ, была подтверждена и въ правѣ каноническомъ, хотя, однакоже, случаи оскорбленія пословъ въ средніе вѣка были нерѣдки (¹). Съ XIII стол. особенною дѣятельностью отличалась дипломатія итальянскихъ республикъ, которая впоследствии служила образцомъ для дипломатіи всей Западной Европы (²).

Главнымъ же образомъ международныя отношенія въ средніе вѣка, какъ и въ древности, были враждебныя. Воинственность, какъ извѣстно, составляла національное свой-

отрывокъ изъ которыхъ помѣщенъ въ дигестахъ (*de lege Rhodiâ de jactu*, *Dg. lib. XIV, tit. 2*). Но подлинность этого отрывка подлежитъ сомнѣнію, и вообще древнее морское право мало извѣстно. Въ средніе вѣка почти каждый портовый городъ имѣлъ особый морской уставъ; но кромѣ того, съ усиленіемъ мореплаванія, тогда образовались также и общіе морскіе обычаи, которые неизвѣстными частными лицами были кодифицированы въ спеціальныя сборники. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ—это именно *Rooles d'Oleron*—французскій сборникъ XI стол., *Consolato del Mare*—самый знаменитый изъ средневѣковыхъ морскихъ сборниковъ, составленный въ Барселонѣ въ XIV вѣкѣ, и ганзейскій сборникъ XV вѣка. — *Hogeste Waterrecht tho Wisby*. Постановленія этихъ сборниковъ, взаимно дополнявшихъ другъ друга, имѣли въ средніе вѣка международный авторитетъ и во многихъ отношеніяхъ послужили основаніемъ для новѣйшихъ морскихъ регламентовъ. Текстъ ихъ напечатанъ у *Pardessus*, *Collection des lois maritimes etc.*, *vis I—II*.—О международномъ значеніи городскихъ общинъ и состояніи морскаго права въ средніе вѣка см. *Каченовская*, *Курсъ международного права*, вып. 2. § 23.—Ср. также *Pütter*, *Beiträge u. s. w.* S. 133—147.

(¹) *C-te de Gardin*, *Code diplomatique de l'Europe*, v. I, p. 60.—*Pütter*, I. c. S. 167 fg

(²) Объ итальянской средневѣковой дипломатіи см. спец. соч. *Alfred Reumont*, *Italianische Diplomaten und diplomatische Verhältnisse 1260—1550* (F. v. Raumer, *Histor. Taschenbuch*, 1844, S. 375—513).

ство Германцевъ ⁽¹⁾, и во все продолженіе средних вѣковъ мы видимъ въ Западной Европѣ безпрерывныя войны — не только публичныя, или международныя въ тѣсномъ смыслѣ, но и частныя, или т. наз. феды, которыя велись отъ своего имени феодалными владѣльцами. При недостаткѣ же дѣйствительныхъ войнъ въ это время нерѣдко составлялись войны искусственныя — турниры, — и даже на судѣ весьма употребительнымъ доказательствомъ служилъ поединокъ. — Но хотя, вообще говоря, жестокости средневѣковыхъ западно - европейскихъ войнъ отрицать невозможно, тѣмъ не менѣе, благодаря *вліянію христіанства*, въ этихъ войнахъ встрѣчаются уже нѣкоторыя проявленія гуманности, неизвѣстныя древности. Отцы Церкви оправдывали войну лишь въ случаѣ крайней необходимости и относительно обращенія съ неприятелемъ требовали отъ воюющихъ возможной умѣренности ⁽²⁾. И дѣйствительно, еще въ эпоху переселенія народовъ неоднократно случалось, что предводители варваровъ, уступая ходатайству духовенства, въ самый разгаръ битвы оставляли неприкосновенными мирныхъ жителей, или же, но крайней мѣрѣ, признавали за ними право убѣжища въ церквахъ, а иногда и совершенно прекращали начатую осаду городовъ ⁽³⁾. Кромѣ того, для выкупа плѣнныхъ епископы продавали свои ризы и церковную утварь и съ тою же цѣлью дѣлали воззванія къ народу о пожертвованіяхъ и учреждали особыя общества или братства милосердія ⁽⁴⁾. Подобнымъ образомъ и впоследствии Церковь постоянно дѣйствовала на пользу умиротворенія общества и гуманизации войны. При этомъ, въ частности, чтобы положить предѣлъ своеволю феодаловъ, многочисленные соборы съ XI стол. установили т. наз. *Божій миръ и перемиріе* (*paх et treuga Dei*) — учрежденіе, которое состояло въ томъ, что частныя войны бароновъ, подъ угро-

⁽¹⁾ Tacit, German. 41. 14, 15.

⁽²⁾ Augustin, Epist. 189. 6: «Eto etiam bellando pacificus... Hostem pugnantem necessitas perimat, non voluntas... Victo vel capto misericordia debetur». — Ср. *ею же* De civit Dei IV, 6. 15. — Tertull., De corona c. 12. — Lactant., Divin. Inst. I, 48.

⁽³⁾ Относящіяся сюда примѣры см. у Laurent, V, 74—75.

⁽⁴⁾ *Ibid.* 76—78. — Каченовскій. Курсъ, вып. 2, 217

зою отлученія, были запрещены въ извѣстные, преимущественно праздничные дни, и во время этихъ войнъ церковное имущество и всѣ жители церковныхъ земель, а также и вообще женщины, дѣти, странники и земледѣльцы были объявлены неприкосновенными (1). Затѣмъ весьма важное и благотворное вліяніе на способъ веденія войны въ средніе вѣка оказало *рыцарство*. Оно представило идеаль доблестнаго воина и, по духу своему, явилось выраженіемъ какъ національной воинственности Германцевъ, такъ и христіанскаго человеколюбія. Давая клятву быть защитниками Церкви, вдовъ, сиротъ и вообще угнетенныхъ, рыцари, какъ извѣстно, смотрѣли на войну, какъ на благородное искусство владѣть оружіемъ и вмѣстѣ съ храбростію отличались также великодушіемъ и вѣрностію обѣщаніямъ. Они считали постыднымъ для себя употребленіе военныхъ хитростей и признавали честною лишь ту побѣду, которая была одержана послѣ отырытаго боя съ превосходными, или, по крайней мѣрѣ, съ равными силами противника (2). А поэтому, благодаря вліянію рыцарскихъ нравовъ, средне-вѣковыя войны начинались обыкновенно лишь послѣ предварительнаго объявленія, которое дѣлалось, какъ словесно, такъ и письменно—черезъ посредство герольдовъ и особыхъ грамматъ, т. н. *litterae diffidationis*, *lettres de deffiance* (3).

(1) *Ern. Semischon*, *La paix et la trêve de Dieu*. 1857.—Извлеченіе изъ этого сочиненія въ русскомъ переводѣ представляетъ *Стасюлевичъ*, *Исторія сред. вѣковъ*, т. II, стр. 947—34.—Но, къ сожалѣнію, западная церковь заботилась объ умиротвореніи лишь католическихъ народовъ. На сношенія же съ еретиками и вообще съ иновѣрцами она смотрѣла непріязненно и войну съ ними, основываясь на примѣрѣ древнихъ Евреевъ, объявляла для христіанъ не только дозволенною, но даже богоугоднымъ дѣломъ. Папы, какъ извѣстно, были главными виновниками крестовыхъ походовъ и они же рассылали къ католическимъ государямъ и князьямъ особыя буллы, въ которыхъ благословляли ихъ на завоеваніе земель, населенныхъ язычниками. «*In morte pagani Christianus gloriatur, quin Christus glorificatur*»—говоритъ св. Бернардъ (*De laude militiae, ad milites Templi*, с. 3) «*Non est crudelitas crimina pro Deo punire, sed pietas*» (*Decret. Gratian., Causa XXIII, Qu. 8, с. 13*), — См. *Laurent, Hist.*, t. IV, p. 184; t. VII, 279—327.—*Pütter, Beiträge*, S. 71—74.

(2) Каченовскій, *Курсъ*, вып. 2 стр. 290—91.

(3) *Travers Twiss, Law of Nations*, v. II, § 34.

Противнику давался приэтомъ трехдневный срокъ для представленія удовлетворенія, а личность герольда, или парламентаря, какъ и вообще посланника, считалась неприкосновенною. Самая же война велась рыцарями, по крайней мѣрѣ по общему правилу, съ возможною пощадою: они не ставили себѣ непремѣнною цѣлью убивать или же разорять врага, а довольствовались его покорностью. Вслѣдствіе того, во избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія, международные споры въ средніе вѣка довольно часто рѣшались простыми поединками рыцарей, или же, въ случаѣ войны, между побѣдителями и побѣжденными были заключаемы добровольныя капитуляціи, исполненія которыхъ рыцарская честь (*point d'honneur*) требовала съ полною точностью (¹). Согласно опредѣленіямъ Церкви, рыцарство содѣйствовало также и отмѣнѣ варварскаго обычая рабства *военнопленныхъ*, замѣнивъ его другимъ обычаемъ освобожденія ихъ за опредѣленный выкупъ, размѣръ котораго равнялся обыкновенно для плѣннаго рыцаря годовому доходу его, а для простаго воина мѣсячному жалованью; а иногда случалось даже, что рыцари освобождали своихъ плѣнныхъ лишь на честное слово не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ (²). Конечно, нельзя сказать, чтобы рыцарская гуманность примѣнялась во всѣхъ средневѣковыхъ войнахъ: сбродный составъ феодальнаго ополченія и своеволие наемныхъ дружинъ (брабансоновъ, кондотьеровъ) устраняли возможность строгой дисциплины въ тогдашнемъ войскѣ, и даже сами рыцари, увлекаясь личной ненавистью ко врагу и, въ особенности, подъ вліяніемъ сословной гордости и презрѣнія въ отношеніи горожанъ и виллановъ, нерѣдко позволяли себѣ во время войны чрезвычайныя жестокости (³). Но тѣмъ не менѣе заслуга рыцарства состоитъ въ томъ, что оно все-таки пробудило въ обществѣ сознаніе о юридическомъ значеніи войны, сообщивъ ей опредѣленныя нормы, отступленіе отъ которыхъ признавалось уже недозволеннымъ злоу-

(¹) *Ward.*, Enquiry, II, 216—30.

(²) *Ward's*, Enquiry I, 298—305; II, 178—85. — *Pütter*, Beiträge, S. 95—96. — Ср. также *H. Grotius*, De jure belli ac pacis, I, III, c. XIV, § 8.

(³) *Laurent*, Histoire, VII, 224—27; 247—56.

потребленіемъ (*contra fas et licitum*) (¹).— Въ заключеніе же замѣтимъ еще, что даже и *морская война*, которая и по настоящее время отличается особою суровостью, въ концу среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ еще впервые получила нѣкоторую регламентацію. А именно, въ древности и въ началѣ средневѣковой эпохи, какъ мы уже знаемъ, самоуправство на моряхъ было безграничное, и въ случаѣ войны, по недостатку регулярныхъ флотовъ, правительства предоставляли тогда вообще всѣмъ желающимъ снаряжать свои корабли для нападеній на непріятеля—*faire la course, ou courir sus aux ennemis*. Но очевидно, что съ развитіемъ международной торговли и съ усиленіемъ государственной власти, такая анархія не могла продолжаться. И дѣйствительно, съ конца XIII и особенно съ XIV стол., сперва въ Аррагоніи и итальянскихъ торговыхъ республикахъ, а потомъ мало по малу и въ остальной Западной Европѣ, право участія въ морской войнѣ, кромѣ регулярнаго государственнаго флота, подъ угрозою строгихъ наказаній, какъ за морской разбой, было ограничено лишь извѣстными частными лицами—такъ назыв. *арматорами*, или *каперами*, которые получали для этого специальное полномочіе отъ правительства, выражавшееся въ особомъ патентѣ—*marcha, lettre de marque*. При этомъ въ обезпеченіе справедливости дѣйствій каперовъ требовался отъ нихъ опредѣленный залогъ, и для сужденія о законности захваченной ими добычи были учреждены адмиралтейскіе, или *призовые суды* (²). А съ другой же стороны, одновременно съ этимъ, въ международной практикѣ стало вырабатываться также и понятіе о *нейтралитетѣ* (³). Такъ, въ нѣкоторыхъ трактатахъ

(¹) *Ibid.*, p. 258—63.

(²) *G. Fr. de Martens, Essai concernant les armateurs, les prises etc.* 1795. §§ 5, 6.—*Каченовскій*, О каперахъ и призовомъ судовпроизводствѣ, М. 1855. Стр. 10—18.

(³) Подъ именемъ международнаго нейтралитета, какъ извѣстно, разумѣется положеніе тѣхъ государствъ, которыя не принимаютъ участія въ данной войнѣ и остаются въ мирѣ съ обѣими враждующими сторонами. При этомъ какъ сами нейтральные государства, такъ и ихъ подданные по отношенію къ воюющимъ, и наоборотъ, пользуются опредѣленными правами и несутъ на себѣ извѣстныя обязанности. Но и въ древности,

XIII и XIV стол. ⁽¹⁾ и, что особенно замѣчательно, даже въ общенародномъ средневѣковомъ сборникѣ морскихъ обычаевъ, *Consolato del Mare* ⁽²⁾, содержатся опредѣленія, что, встрѣчая на морѣ непріятельскій корабль съ нейтральнымъ грузомъ, или же наоборотъ,—воюющій, при отсутствіи сопротивленія со стороны нейтральнаго относительно осмотра корабля, можетъ захватить и присвоить себѣ лишь враждебное имущество, все равно, будетъ-ли это самый корабль или же грузъ, тогда какъ имущество нейтральнаго въ обоихъ случаяхъ остается неприкосновеннымъ (*suum cuique*). Другіе же трактаты касаются военной контрабанды, т. е. исчисляють предметы, недозволенные для торговли нейтральныхъ,—а также говорятъ о замѣнѣ осмотра воюющимъ нейтральнаго судна лишь простымъ допросомъ подъ присягою его шкипера и вообще экипажа о ненахожденіи на суднѣ непріятельскаго, или контрабанднаго груза и т. под. ⁽³⁾.

Наконецъ, въ средніе вѣка и даже въ новое время до XVIII столѣтія, съ особымъ характеромъ является международное положеніе *Россіи*, какъ представительницы славянской національности и православія. Просвѣщенная отъ Бизантіи христіанствомъ и находясь, кромѣ нея, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Скандинавіей и особенно впоследствии, черезъ посредство Новгорода, Пскова и нѣкоторыхъ другихъ

ни въ началѣ среднихъ вѣковъ, еще не было сознанія о самостоятельномъ юридическомъ значеніи нейтралитета, а всѣ постороннія государства считались тогда со стороны воюющихъ или союзниками, или же врагами. У Тита Ливія, наприм., читаемъ: (*Romanos*) aut socios aut hostes habeatis oportet:... *media nulla via est* (Hist. lib. XXXII).—См. вообще *Cauchy*, *Droit maritime international*, 1862, t. I, p. 280—85.

⁽¹⁾ Сюда относятся: трактатъ городовъ Арля и Пизы 1221 г. и трактаты Англіи съ приморскими городами Бискайн и Кастиліи 1351 и съ португальскими городами 1853 года.—См. *Muratori*, *Antiquitates italicæ medii ævi*, t. IV, col. 398.—*Dumont*, *Corps universel diplomatique*, t. I, Part. II, pp. 265, 286.

⁽²⁾ *Consolato del Mare*, ch. 274, 276.—См. *Pardessus*, *Collection des lois maritimes*, t. II, pp. 303—307.

⁽³⁾ Такихъ трактатовъ между западноевропейскими государствами, преимущественно въ XV вѣкѣ, было заключено довольно много. Замѣчательные изъ нихъ разсматриваетъ проф. *Лейкомъ* въ соч.: *Историческое изслѣдованіе началъ нейтралитета*, М. 1841, стр. 27—31, 38—39.

городовъ, съ нѣмецкою Ганзою, древняя Русь въ теченіе долгаго времени, по своей отдаленности и отсутствію общихъ историческихъ преданій, не могла, однакоже, войти въ общую систему государствъ европейскихъ, но занятая борьбою съ сосѣдними полудивими и хищными племенами, выходцами изъ Азіи, и вскорѣ, подъ вліяніемъ княжескихъ родовыхъ отношеній и этнографическихъ особенностей, раздѣлившаяся на нѣсколько княжествъ, образовала изъ себя своеобразный соціально-политическій союзъ съ самобытными интересами. Вообще въ *удѣльно-отчечевой періодъ* отечественной исторіи отдѣльныя русскія княжества пользовались почти полною самостоятельностью, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею, и находились въ непрерывной враждѣ между собою, хотя, въ то же время, съ другой стороны, постоянно сохранялось и сознаніе о единствѣ Руси, которое и поддерживалось въ ней общностью религіи и происхожденія русскаго народа, признаніемъ до извѣстной степени, по праву старѣйшинства, общаго главенства великаго князя и вообще единствомъ владѣтельнаго княжескаго дома (¹), а также и общими постановленіями и предпріятіями всей русской земли, опредѣляемыми на княжескихъ сонмахъ или сѣздахъ (²).—Въ XIII стол. нашествіе Татаръ послужило причиною совершеннаго распаденія Руси на сѣверовосточную и югозападную. Приэтомъ послѣдняя, т. е. югозападная Русь, обезсиленная и опустошенная Татарами, мало по малу, вошла потомъ въ составъ побѣдоноснаго великаго княжества Литовскаго, а чрезъ него, впоследствии, была присоединена къ Польшѣ, тогда какъ Русь сѣверовосточная болѣе двухъ вѣковъ принуждена была нести на себѣ *татарское иго*. Въ это время у Новгородцевъ

(¹) *Встужевъ-Рюмиль*, Русская Исторія. Сиб. 1872. т. I, гл. III, стр. 152—162; гл. IV, стр. 193—94, 200.—*Шпилевскій*, Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I. Рѣчь на актѣ Казан. универс., 1862. стр. 23—25.

(²) Къ такимъ общимъ предпріятіямъ Руси и относилась упомянутая борьба съ невѣрными, преимущественно Половцами, за уклоненіе отъ которой князя нерѣдко изгонялись изъ своихъ волостей какъ самими мѣстнымъ населеніемъ, такъ и другими русскими князьями. См. *Лешкова*, О древней русской дипломатіи. Рѣчь на актѣ Москов. универс., 1847, стр. 29—31.—Ср. также *Рейцъ*, Опытъ исторіи російскихъ законовъ, перев. съ нѣмец. Морощкина, М. 1836, § 22, стр. 94.

и Псковичей; которыхъ татарское владычество коснулось всего менѣе, торговля съ Ганзою и Ливоніей достигла наибольшаго своего процвѣтанія, но остальная сѣверовосточная Русь, униженная грубыми азіатскими завоевателями и попрежнему раздираемая княжескими междоусобіями, конечно, по самому положенію своему, не могла еще завести постоянныхъ и правильныхъ сношеній съ иностранными государствами, а должна была, собравшись съ внутренними силами, позаботиться прежде всего объ освобожденіи отъ иноплеменнаго господства. И дѣйствительно, такую цѣль сдѣлали задачею своей политики и настойчиво преслѣдовали разсчетливые московскіе князья, которые и достигли ея вполне. Они недаромъ получили названіе „собирателей“ русской земли. Поступая всегда и во всемъ съ благоразумною осмотрительностью, по требованію обстоятельствъ, они сумѣли болѣе другихъ русскихъ князей угодить татарскому хану и опираясь на его волю, а также и на содѣйствіе русскаго духовенства, бояръ и самой земщины, въ интересѣ которыхъ, естественно, въ большей или меньшей степени, было вообще водвореніе внутренняго мира, московскіе князья, идя постепенно, шагъ за шагомъ, приобрѣли сперва первенство надъ прочими русскими князьями, а потомъ, путемъ „примысловъ“ (добровольныхъ покупокъ), а частію и посредствомъ захватовъ хитростію и насиліемъ, присоединили ихъ удѣлы къ своему владѣнію. Такимъ образомъ сѣверовосточная Русь все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ единоедержавное Московское государство⁽¹⁾, которое къ концу XV стол. и свергло съ русскаго народа постыдное татарское владычество, а вскорѣ потомъ и само приобрѣло господство надъ татарскими царствами, Казанскимъ и Астраханскимъ, и большею частью удачно отбивалось отъ нападений Крымцевъ.—Понятно, что только съ этихъ поръ, т. е. съ уничтоженіемъ удѣловъ, водворивъ у себя внутренній миръ и отстоявъ свою независимость, Россія, въ лицѣ *Московского государства*, еще впервые могла почувствовать болѣе или менѣе настоятельную потребность къ сближенію съ образованною час-

(1) О причинахъ возвышенія Москвы и превращенія удѣльно-вѣчевой Руси въ самодержавное Московское царство—см. въ указанной рѣчи проф. *Шилевскаго*, Объ источникахъ русскаго права и проч., стр. 40 слѣд.

тію Европы, которая, въ то же время, и съ своей стороны не могла не обратить своего вниманія на Россію уже по самому ея могуществу. И вотъ, съ Іоанна же III, одновременно съ низверженіемъ татарскаго ига, московское правительство все чаще и чаще вступаетъ въ сношенія съ западно-европейскими дворами, отправляетъ къ нимъ и принимаетъ отъ нихъ посольства и ведетъ переговоры съ ними о признаніи царскаго титула московскаго вѣнценосца, о международной торговлѣ и о заключеніи союзовъ противъ Турціи⁽¹⁾. Съ другой же стороны, вмѣстѣ съ развитіемъ дипломатіи, постоянно усиливался и пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Они являются сюда какъ по вѣзову самого московскаго правительства, ради обученія русскаго народа полезнымъ ремесламъ и воинскому строю, такъ и добровольно, преимущественно по торговымъ дѣламъ⁽²⁾, причемъ московское правительство стало отправлять также и русскихъ подданныхъ въ Западную Европу

⁽¹⁾ *Камустинъ*. Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во 2-й половинѣ XVII вѣка. М. 1832, стр. 25.—Мысль объ общехристіанскомъ крестовомъ походѣ противъ Турокъ въ XVI и XVII стол. почти постоянно занимала европейскую дипломатію. По этому поводу между государствами велись многочисленныя переговоры и заключались союзныя трактаты, въ которыхъ участвовала и Россія, какъ по своему единствѣ съ покоренными Греками, такъ и вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софією Палеологъ. Цѣль такого предпріятія хотя и не была достигнута, но, конечно, самое стремленіе къ ней благотѣльно содѣйствовало взаимному сближенію западно-европейскихъ государствъ между собою и съ Россією. См. тамъ-же, стр. 26—28, 37—40.

⁽²⁾ Вышняя торговля Московскаго государства съ Западною Европою сдѣлалась особенно значительною со времени Іоанна Грознаго, когда съ открытіемъ, или, правильнѣе сказать, съ восстановленіемъ Бѣломорскаго пути, знакомаго еще Норманнамъ, вѣкогда посѣщавшимъ Біарнію, были предоставлены Англичанамъ весьма важныя привилегіи. Но кромѣ Англичанъ попрежнему продолжались также торговыя сношенія Россіи съ Ганзою, хотя уже и ослабленныя, а также и вновь начались и съ другими европейскими народами, преимущественно съ Голландцами, которыхъ торговые обороты въ Московскомъ государствѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, превосходили англійскіе. Замѣтимъ кстаті, что Московское правительство заботилось также о развитіи торговли своего отечества и съ восточными государствами, и съ этой дѣлью вело переговоры, а иногда заключало и трактаты—съ Турціей, Персіей, Бухарой, Хивой, и съ

для образованія. Но хотя, такимъ образомъ, сношенія Московскаго государства съ Западною Европою были уже довольно значительныя и прогрессивно развивались все болѣе и болѣе, однакоже, въ лицѣ его, въ XVI и XVII вѣкѣ, Россія не была еще постояннымъ и полноправнымъ членомъ европейскаго международнаго союза. Въ своихъ сношеніяхъ съ западными государствами она преслѣдовала тогда лишь собственные, частныя интересы и, кромѣ переговоровъ объ общемъ предпріятіи противъ Турокъ, еще не участвовала, да и не могла участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, имѣвшихъ въ то время общеевропейское значеніе,—какъ, напри- мѣръ, вопросовъ, касавшихся политическаго равновѣсія и морскаго права. Вниманіе русской политики, по необходи- мости, было занято тогда, главнымъ образомъ, собственно дѣлами съ сосѣдними государствами—Литвою, Польшою, Ливоніей и Швеціей,—которыя большею частію относились къ Россіи враждебно и въ тяжелую, смутную пору само- званцевъ и междуцарствія угрожали ей лишеніемъ самой самостоятельности. Притомъ же полному сближенію Россіи съ Западною Европою, въ періодъ Московскаго государства, еще значительно препятствовали взаимныя религіозныя пре- дубѣжденія, различіе въ степени образованности и самая затруднительность сношеній, вслѣдствіе отсутствія для Рос- сіи непосредственнаго доступа къ морю⁽¹⁾.—Препятствія эти большею частію были устранены лишь въ началѣ XVIII стол. Въ это время, съ одной стороны, послѣ тридцатилѣт- ней войны и Вестфальскаго мира, различіе вѣроисповѣданія уже окончательно утрачиваетъ значеніе свое въ европейской международной политикѣ, а съ другой же стороны и Рос- сія, руководимая Петромъ Великимъ, по уже значительно подготовленная къ тому и въ предшествовавшее время, ус- воиваетъ европейскіе нравы и просвѣщеніе, по крайней мѣ- рѣ въ высшихъ слояхъ общества, и утверждается на Бал-

половныя XVII вѣка—даже съ Китаемъ и Индіей. Въ особенности же развилась торговля съ Персіей.—*Костомаровъ*, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862, гл. 2, стр. 14—56.

(1) *Капустинъ*, Дипломатическія сношенія Россіи съ З. Европою, стр. 3, 7, 46—47.

тійскомъ побережьѣ, къ приобрѣтенію котораго тщетно стремились еще Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ и Алексѣй Михайловичъ. Съ Петра Великаго Московское государство, какъ извѣстно, превращается уже въ Россійскую имперію, которая и занимаетъ весьма видное мѣсто въ европейскомъ международномъ союзѣ.

Но если полное вступленіе Россіи въ общество европейскихъ государствъ, по обстоятельствамъ ея исторіи, совершилось уже довольно поздно, то самыя обычаи или правила, которымъ слѣдовала Россія, въ продолженіе своей особой жизни, въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, по существу своему, довольно сходны съ современными имъ общевропейскими обычаями, а въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ даже и превосходили ихъ по своей гуманности. Въ особенности же это слѣдуетъ сказать о положеніи *иностранцевъ*. По единогласному свидѣтельству европейскихъ хроникъ, Славяне искони отличались, преимущественно передъ другими народами, своимъ гостепріимствомъ. Странникъ признавался у нихъ какъ-бы лицомъ священнымъ, за оскорбленіе котораго виновный Славянинъ подвергался даже мести со стороны сосѣдей⁽¹⁾. И это гостепріимство, какъ національное свойство, перешло потомъ къ русскимъ князьямъ, у которыхъ оно также считалось весьма важною доблестною обязанностью⁽²⁾. Вообще изъ исторіи вовсе не видно, чтобы русскій народъ систематически чуждался сношеній съ иноземцами. Онъ долго оставался въ сторонѣ отъ общаго движенія европейской жизни, но не добровольно обрекъ себя на такое уединеніе, а, какъ уже замѣчено, былъ вынужденъ къ тому необходимою—по самой затруднительности своихъ сношеній съ отдаленною Западною Европою, а также и вслѣдствіе продолжительныхъ княжескихъ усобицъ и по причинѣ почти непрерывной борьбы съ сосѣдними враждебными племенами и государствами за самую самостоятельность своего

⁽¹⁾ Карамзинъ, Исторія Гос. Росс. изд. 5, 1842, т. I, стр. 36 и примѣч. 133, 134.

⁽²⁾ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ говоритъ: «болѣе же чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или просто, или добръ, или съоль, аще не можете даромъ, — брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ». Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I, стр. 102.

существованія. Тамъ же, гдѣ, какъ въ городахъ сѣверо-западной и юго-западной Руси, географическія условія наиболѣе тому способствовали, сношенія съ европейцами начались еще въ раннее время, которыя потомъ съ утвержденіемъ московскаго еди-
нодержавія, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе распростра-
нились и на всю Россію. И хотя при этомъ нельзя отвергать, что Русскіе и иностранцы вообще относились взаимно край-
не-недовѣрчиво и, особенно въ дѣлахъ торговыхъ, безпре-
станно ссорились между собою⁽¹⁾, но тѣмъ не менѣе досто-
жно замѣчанія, что русское правительство, сознавая пользу
отъ сношеній съ иностранцами, предоставляло имъ въ Рос-
сїи, какъ по общему законодательству, такъ и въ особен-
ности по специальнымъ договорамъ, такія права, какихъ
иностранцы не имѣли тогда въ Западной Европѣ, и кото-
рыя въ пѣкоторыхъ отношеніяхъ ставили иностранцевъ въ
привилегированное положеніе даже передъ самими Русскими.
Такъ стѣснительные обычаи относительно иностранцевъ,
господствовавшіе въ средневѣковой Западной Европѣ—*jus*
wildfangiatus, *jus albinagii*, *compendium naufragiorum*—въ
Россїи не существовали. Россія никогда не закрѣпощала
иностранцевъ—лишь за одно прибытіе въ ея предѣлы и если
въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивала для нихъ право свободного
прїѣзда и выѣзда, то по какимъ-либо особымъ причинамъ⁽²⁾.
Безпрепятственной свободы внѣшнихъ сношеній для своего
народа требовала древняя Русь и отъ сосѣднихъ странъ.
„А людямъ нашимъ, гостемъ гостити межы насъ, путь чистъ,
безъ рубежа и безъ пакости“—такое и подобныя ему усло-
вія безпрестанно встрѣчаются въ актахъ сношеній нашего

(1) О характерѣ торговыхъ сношеній между Русскими и иностран-
цами до Петра I см. у *Аристова*, Промышленность древней Руси, Спб.
1866, стр. 248—49; и у *Костомарова*, О торговлѣ Моск. гос., стр
60—61.

(2) *Андреевскій*. О правахъ иностранцевъ въ Россїи до Іоанна III.
Спб. 1854. Стр. 32.—Въ XVII стол. былъ запрещенъ въездъ въ Москву
іезуитамъ, изъ опасенія католической пропаганды; а торговля Англичанъ,
дотошъ привилегированная, была ограничена лишь Архангельскимъ пор-
томъ—за то. сказано въ указѣ 1649 г., что они (Англичане) всею зем-
лею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили
до смерти—и т. п. См. *Капустина*, Дипломатическія сношенія Россїи,
стр. 108 слѣд.

отечества съ Литвою и Ливоніей⁽¹⁾. Конфискація же имущества послѣ умершаго иностранца (*ius albinagii*) и береговое право были отвергнуты Русью еще по договорамъ съ Византійскою имперіей въ X вѣкѣ⁽²⁾, и впоследствии за спасеніе иностраннаго имущества отъ крушенія на морѣ или на рѣвахъ взималась лишь извѣстная часть стоимости этого имущества⁽³⁾. Еще Русская Правда приняла въ принципѣ полное уравненіе правъ иностранцевъ съ правами самихъ Русскихъ, и это начало подтверждается и во многихъ международныхъ трактатахъ древней Россіи⁽⁴⁾. Но при кон-

(¹) Акты, относ. къ исторіи Запад. Россіи, т. I, № 33 — См. тамъ же. №№ 38, 50, 69, 75, 192 и др — Русско-Ливонскіе акты №№ 47, 356, 358, 369, 377, 394, 397.

(²) Въ договорѣ Олега 912 года опредѣлено: «Аще вывержена лодыя будетъ вѣтромъ великомъ на землю чужю, и обрящются тамо же отъ насъ Руси, да аще кто идетъ снабдѣти лодью съ рудломъ своимъ и отсылати пакы на землю Крестьянскую, да проводимъ ю сквозь всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ въ безстрашно мѣсто... «О работающихъ дѣ Грецѣхъ Руси у Хрестьянского царя, аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ни я своихъ не имать, да възвратитъ имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створитъ обряженіе, таковой възметъ уряженое его, кому будетъ писалъ васлѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е отъ измающихъ кушлю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолажившихъ... «Си же вся да творять Русь Грекомъ, идѣже аще ключатся таково» Полн. Собр. Лѣт. т. I, стр. 14—15.—О запрещеніи берегового права говорится также и въ договорѣ Игоря 945 года. См. тамъ же, стр. 22.

(³) О вознагражденіи по условію за спасеніе судна или груза постановлено въ ст. 44 договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригсю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 года. См. *Аристовъ*, Христоматія по русокой исторіи, Варшава, 1870, стр. 752—759.—Московское правительство рѣшило этотъ вопросъ точнѣе: оно вообще вмѣнило въ обязанность воеводамъ, въ случаѣ потопленія судовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, принимать мѣры къ отысканію товаровъ и по нахожденіи отдавать ихъ хозяевамъ съ платою въ государеву казну десятаго процента, что называлась «десятая выть» *Костомаровъ*, Торговля Моск. госуд., стр. 126; *Кипушинъ*, Диплом. снош., стр. 124.

(⁴) *Андреевскій*, О правахъ иностранцевъ, стр. 36—40.—*Лониковъ*, О дробней русской дипломатіи, стр. 54.—Уравненіе въ правахъ иностранцевъ съ Русскими видно въ особенности изъ опредѣляемой по договорамъ одинаковости наказаній за одна и тѣже преступленія, какъ Русскому за преступленіе противъ иностранца, такъ и наоборотъ. См. упомян. догов. Смоленскаго князя съ Нѣмцами 1229 года,

курсъ долгъ въ пользу иностраннаго кредитора постоянно взыскивался прежде удовлетворенія претензіи Русскаго⁽¹⁾, да и вообще въ процессуальномъ отношеніи иностранцы находились въ Россіи въ привилегированномъ положеніи. Въмѣсто представленія свидѣтелей, для подтвержденія своихъ словъ на судѣ, иностранцы могли ограничиться присягою⁽²⁾; испытаніе желѣзомъ и судебный поединокъ также были для нихъ необязательны⁽³⁾; иностранецъ-должникъ не подвергался тюремному заключенію⁽⁴⁾ и т. д. Самый судъ надъ иностранцами былъ особенный: въ Смоленскѣ онъ принадлежалъ самому князю, въ вольномъ Новгородѣ—посаднику и тысяцкому, въ Московскомъ государствѣ—посольскому приказу⁽⁵⁾. Въ своемъ же внутреннемъ распорядкѣ, или во взаимныхъ отношеніяхъ собственно между собою, по крайней мѣрѣ торговые иностранцы, иноземные гости, находившіеся въ Россіи одновременно значительными массами, издревле пользовались въ ней самоуправленіемъ, т. е. имѣли собственный судъ и расправу. Такое самоуправленіе принадлежало, наприм., въ особенности ганзейскимъ купцамъ въ Новгоро-

ст. ст. 4—7, и договоръ съ Нѣмцами Новгорода 1270 года, ст. ст. 22—25. Текстъ послѣдняго договора напечатанъ въ специальномъ изслѣдованіи о немъ проф. *Андреевскаго*, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключ. въ 1270 году. Спб. 1853, стр. 20—34.

(¹) Въ Русской Правдѣ въ статьѣ «о долгѣ» говорится: «Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедь гость изъ иного города, или чюже-земьць, а не вѣдая запоуститъ зань товарь, а ояты начнетъ не дати гости коунъ іемоу, а пьрви дѣльбыти начнууть іемоу запинати, не дадоуче іемоу коунъ, то вести и на торгъ и продати и; отдати же пьрвые гостины коуны, а домашнымъ что ся состанеть коунъ, тѣмъже ся подѣлять». См. *Эверса*, Древнѣйшее русское право, перев. съ нѣмец. Платонова, Спб. 1835, стр. 400—401.—См. также Смоленск. догов., ст. ст. 10, 11.—Новгород. дог., ст. 20.—Уложеніе, гл. X, ст. 260.

(²) Русская Правда, ст. «оже придець кровавъ моужь».—Судебникъ 1497 г., ст. 58.—Судебникъ 1550 г., ст. 27.—См. *Эверса*, в. н. с., стр. 378.—*Владимірскіи - Будамоу*, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. 2, Ярославль, 1873, стр. 94, 123.

(³) Смоленск. догов., ст. ст. 14, 15.

(⁴) Новгород. догов. ст. 10.—По Смоленск. догов. (ст. 9) требовалось въ этомъ случаѣ поручительство отъ иностраннаго должника.

(⁵) Смоленск. догов., ст. 30.—Новгород. догов., ст. ст. 14, 16.—*Костомаровъ*, О торг. моск. госуд., стр. 59.—Особая подсудность въ

дѣ, въ періодъ его политической самобытности. Еще съ XIII стол. они образовали тамъ особую корпорацію, имѣвшую свои общественныя собранія, общественную кассу, и управлявшуюся въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ выборными ольдерманами (старѣйшинами или консулами) на основаніи постановленій таеъ наз. *скры*—т. е. устава, начертаннаго для новгородскаго нѣмецкаго двора или конторы на общемъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ союзныхъ ганзейскихъ городовъ въ Любекѣ⁽¹⁾. А также, въ большей или меньшей степени, такимъ же самоуправленіемъ, на основаніи трактатовъ и жалованныхъ грамотъ московскихъ царей, европейскіе купцы пользовались и въ Московскомъ государствѣ, въ особенности же Англичане при Іоаннѣ Грозномъ, хотя, вообще говоря, московское правительство надѣляло различными правами и льготами, по преимуществу, уже не иноземныхъ торговцевъ, а иностранцевъ, поступавшихъ на службу Московскаго государства⁽²⁾.

древней Россіи, какъ замѣчено отчасти уже выше (гл. I. стр. 27) существовала еще для дѣлъ порубежныхъ, или пограничныхъ жителей: эти дѣла, какого бы рода ни были, какъ между самими русскими княжествами, такъ и впоследствии по договорамъ съ Литвою и Ливоніей, обыкновенно рѣшались «общимъ» или смѣстнымъ судомъ. т. е. по взаимному совѣщанію пограничныхъ волостелей, а въ случаѣ несогласія послѣднихъ—по совѣщанію пословъ, или же, иногда, посредствомъ «третьеванья»—третейскимъ судомъ. При томъ, предоставляя, по общему правилу, до полного утвержденія московскаго единодержавія, боярамъ и вообще лицамъ свободныхъ состояній добровольный переходъ изъ одной страны въ другую, удѣльные русскіе князья, а впоследствии и государи московскіе, особенно до XVII стол., постоянно договаривались о правѣ жителей одного княжества, или одной страны, на вчинаніе гражданскихъ исковъ въ другой странѣ и о взаимной выдачѣ, по производствѣ слѣдствія, бѣглыхъ холопей и преступниковъ. «А суженое, заемное, положенное поручное по исправѣ дати». «А за холопа и рабу, должника и поручника, тати и разбойника не стоять, а выдати ихъ по исправѣ».—Собр. Гос. Гр и Дог., ч. I. №№ 48, 49.—Ак. Зап. Рос., т. I. №№ 1, 33, 38, 39, 50, 51, 69, 73 и др.—См. также *Лешкова*, О древней русской дипломатіи, стр. 54—56, 74, 76.

⁽¹⁾ Слово «скри»—исландское, значить книга или таблица. Текстъ скры съ разъясненіями см. у *Андреевскаю*, О договорѣ Новгорода 1270 г., стр. 39—94.

⁽²⁾ Ср. *F. Witte*, Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland. Dorpat, 1847. S. 19—22.

Еще въ ранній, варяжскій періодъ отечественной исторіи встрѣчаются извѣстія о *посольствахъ*. Ихъ отправляли въ Византію и принимали отъ нея русскіе князья Олегъ, Игорь, Святославъ (¹), По распаденіи Руси на удѣлы посольства были отправляемы безпрестанно, какъ между самими русскими князьями, такъ и въ сношеніяхъ ихъ съ сосѣдними народами. Въ Московскомъ же государствѣ внѣшнія сношенія развились уже настолько, что для завѣдыванія ими со временъ Іоанна Грознаго, былъ учрежденъ особый Посольскій Приказъ (²), состоявшій до 1667 года подъ непосредственнымъ надзоромъ самого государя (³). Въ это время русскіе дипломатическіе агенты раздѣлялись уже на 3 степени: *послы*, *посланники* и *юнкеры*, различіе между которыми выражалось въ величинѣ свиты и содержанія (⁴). Случаи оскорбленія пословъ хотя иногда и встрѣчались (⁵), но, вообще говоря, сознаніе о неприкосновенности посланника, по самому характеру его назначенія, образовалось въ Россіи довольно рано. „Не подобаеъ намъ убить посла“ говорили еще въ началѣ XIII стол. трие жителей Владиміра-Волинскаго, увѣщевая своихъ согражданъ отказать отъ намѣренія лишить жизни ливинскаго въ нимъ съ угрозами посланника отъ галицкаго князя (⁶) „Посломъ путь чистъ горою и водою“—читаемъ въ договорныхъ грамотахъ древней Руси съ Литвою и Ливоніей (⁷). По договорамъ съ Нѣмцами за оскорбленіе посла, какъ и

(¹) П. С. Р. Л., т. I, стр. 13; 19, 23; 30.

(²) Впрочемъ внѣшнія сношенія и дѣла иностранцевъ составляли только главный предметъ вѣдомства Посольскаго Приказа; но ему, сверхъ того, были предоставлены и нѣкоторыя дѣла внутренняго управленія, большею частію, однакоже, нашедшіяся въ связи съ иностранными сношеніями. — См. Памяти. Диплом. Снош. древ. Россіи, т. I, предисл., стр. V, IX, X.

(³) Въ 1667 году Посольскій Приказъ былъ переименованъ въ Государственный Приказъ Посольскія печати, и съ тѣхъ поръ начальствовавшие надъ нимъ было уже поручаемо ближнимъ боярамъ. — Тамъ же, стр. VI.

(⁴) Тамъ же, стр. XI—XII.

(⁵) Особенно въ удѣльный періодъ и даже при Іоаннѣ Грозномъ. См. Соловьева, Исторія Россіи, изд. I, т. III, стр. 82; т. IV 342; т. VII, стр. 171—72.

(⁶) П. С. Р. Л., т. II, стр. 156.

(⁷) А. З. Р., т. I, № 75, стр. 96.—Ср. тамъ же №№ 38, 50, 69 и др.

за оскорбленіе иноземнаго священника, была назначена двойная денежная пеня⁽¹⁾. „Всякій посоль, говорилъ Іоаннъ III, рѣчи говорить и лицо носить государя своего“—и, принавая, такимъ образомъ, представительный характеръ посланника, даже враждебнымъ посламъ давали пропускныя или „опасныя“ грамоты на безпрепятственный прѣздъ и выѣздъ изъ Московскаго государства⁽²⁾. Также поступать и сынъ его, Василій Іоанновичъ, и, кромѣ Грознаго, вообще всѣ Московскіе государи⁽³⁾. При этомъ иноземные послы, во все время пребыванія своего въ Россіи, содержались на счетъ государевой казны и при отъѣздѣ получали обыкновенно болѣе или менѣе цѣнные „поминки“ (подарки), взаимѣ таковыхъ же, привозимыхъ ими отъ своихъ государей. Въ посольской свитѣ, до конца XVII стол., находились въ значительномъ количествѣ иноземные купцы, которымъ дозволялось безпошлинно торговать на посольскомъ дворѣ⁽⁴⁾. Церемоніаль царскаго пріема и отъезда пословъ въ Московскомъ государствѣ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ посланниковъ, отличался наибольшимъ великолѣпіемъ въ Европѣ; но иностранцы справедливо жаловались на крайне-утомительную точность въ соблюденіи этого церемоніала и даже самого порядка переговоровъ съ московскими боярами, а также и на строгій тайный надзоръ за иноземными послами и вообще на излишнюю подозрительность къ нимъ со стороны московскаго правительства. Соблюденія подобнаго же церемоніала при своихъ представленіяхъ весьма настойчиво требовали и наши послы при иностранныхъ дворахъ, и имъ строго предписывалось, въ ихъ наказахъ, во всемъ поступать и говорить „остерегаяся, съ

(1) Смоленск. догов. 1229 г., ст. 6: «Послоу и попу что оучнятъ, за двое того оузятъ, два платежя».—Новгород. догов. 1270 г. ст. ст. 22—23.

(2) *Соловьевъ*, Исторія, т. V. стр. 280—81.

(3) Бояринъ Шигона Поджегинъ, отъ имени Василя Іоанновича, говорилъ императорскому послу, Герберштейну: «въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по словору на обѣ стороны, а силы надъ ними некоторые не живеють». Памят. Дниа. Снош., т. I, стр. 237.

(4) *Костомаровъ*. Очеркъ торговли Моск. гос., стр. 63.

вымышленіемъ“, чтобы все было Царскому Величеству „къ чести и повышенію“⁽¹⁾.

Войны древней Россіи, по способу ихъ веденія, какъ и войны Западной Европы въ средніе вѣка, говоря вообще, отличались жестокостью. Эта жестокость въ обращеніи съ непріателемъ, кромѣ общественной неразвитости, безъ сомнѣнія, происходила еще въ войнахъ нашихъ предковъ уже вслѣдствіе самого характера ихъ борьбы, которая, какъ извѣстно, выражалась или въ страстныхъ княжескихъ усобицахъ за удѣлы, или же велась съ сосѣдними народами за независимость существованія. При томъ же русская рать, по необходимости, всегда заключала въ себѣ множество грубыхъ туземныхъ инородцевъ, которые, конечно, не могли содѣйствовать смягченію военныхъ обычаевъ. Но тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, уже съ ранняго времени въ отечественной исторіи встрѣчаются также нѣкоторыя явленія, которыя сообщали войнѣ извѣстную правильность и которыя вообще свидѣлствуютъ о желаніи нашихъ предковъ, по возможности, ограничить военныя жестокости. Къ такимъ явленіямъ относится прежде всего обычай *начинать войну* лишь послѣ предварительнаго объявленія. Еще въ первоначальный, варяжскій періодъ нашей исторіи в. в. Святославъ, предпринимая войну, обыкновенно отправлялъ къ непріателямъ особаго посланца съ словеснымъ извѣщеніемъ; „хочю на вы ити“⁽²⁾. Его примѣру послѣдовалъ также и сынъ его Владиміръ, который вызывалъ на бой брата Ярополка чрезъ новгородскихъ намѣстниковъ: „идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти иде на тя, пристраивайся противу битися“⁽³⁾. Впослѣдствіи же, въ удѣльный періодъ, война объявлялась на Руси посредствомъ возвращенія врагу, черезъ нарочнаго посла, заключенныхъ съ нимъ мирныхъ грамматъ— т. наз. „верженіемъ крестныхъ или докошательныхъ грамматъ“⁽⁴⁾, а въ Московскомъ государствѣ съ этою цѣлью от-

⁽¹⁾ Подробности о посольскомъ церемоніалѣ см. въ Памятн. Дипл. снош., т. I. предисл., стр. XIII—XXIII; также у *Калустіа*, Диплом. снош. Россіи, стр. 65—71.

⁽²⁾ П. С. Р. Л. I, 27, 29.

⁽³⁾ Тамъ-же, 32.

⁽⁴⁾ Такъ начинались войны между самими русскими князьями и съ Литвою.—См. П. С. Р. Л., т. II, стр. 32, 72.—А. З. Р., т. I, №№ 38, 39, 69.

сылалась въ непріятелю особая „складная грамота“, или „декларация“⁽¹⁾. При этомъ въ нѣкоторыхъ договорахъ Новгорода и Пскова съ Литвою и Ливоніей постановлялось условіе не начинать войны немедленно по отсылкѣ грамоты, а только по истеченіи затѣмъ мѣсячнаго срока⁽²⁾. Русскіе же князья иногда прекращали войну по случаю великаго поста и дней воскресныхъ—обыкновеніе, напоминающее собою *truga Dei* Зап. Европы⁽³⁾. Въ Ипатіевской лѣтописи, подъ 1229 годомъ, встрѣчается даже извѣстіе о клятвенномъ соглашеніи между Данииломъ Галицкимъ и Конрадомъ Мазовецкимъ, по которому оба князя, отъ лица своего народа, обязались взаимно въ случаѣ войны не трогать мирныхъ жителей (челюди) противной стороны, такъ что, слѣдовательно, по этому соглашенію военныя жестокости, совершенно справедливо, были ограничены только лицами, принадлежащими къ самому войску⁽⁴⁾. Другое подобное соглашеніе изъ исторіи древней Руси намъ неизвѣстно, но можно указать на многіе акты, по которымъ были объявлены неприкосновенными во время войны, по крайней мѣрѣ, купцы и вообще торговля⁽⁵⁾.—Положеніе *плѣнныхъ*—полоняниковъ, вязней, ятцевъ—въ древней Россіи, какъ и повсемѣстно еще въ средніе вѣка, было тягостное. Если убіеніе плѣнныхъ было исключеніемъ и б.

(1) *Лешковъ*, О древн. рус. дипл., стр. 82.

(2) См. указ. №№ А. З. Р.

(3) П. С. Р. Л., т. I, стр. 145; т. II, стр. 7.—*Соловьевъ*, Исторія, т. III, стр. 82.

(4) П. С. Р. Л. II, стр. 169: «створиша же межн собою клятву Русь и Ляхове: аще посемь коли будетъ межн ими усобица, не воевати Ляхомъ Русское челюди, ни Руси Лядской».

(5) См. договоры съ Нѣмцами Смоленска 1229 г., ст. 40, и Новгорода 1270 г., ст. 18.—Въ договорѣ Новгорода съ Литвою 1440 года постановлено: «а гдѣ Новгородца въ ратномъ имуть, пустити его съ товаромъ, безъ пакости; или Новгородцы Литвина въ ратномъ имуть, пустити его, а ему свое взяти». А. З. Р., т. I, № 39.—Притѣсненія русскихъ купцовъ въ Литвѣ вызывали жалобы Іоанна III, который по этому поводу, черезъ своихъ бояръ, говорилъ посламъ литовскимъ: «того нигдѣ вѣтъ, что гостей порубати; хоти полки ходять, а гостю путь не затворенъ, гость идетъ на обѣ стороны безъ всякихъ зацѣпокъ». Тамъ же № 192, стр. 237.—О признаніи безопасности международной торговли во время войны и размирицы Московскимъ государствомъ въ XVII вѣкѣ см. у *Лешкова*, О древ. рус. дипл., стр. 79.

ч. постигало только неприятельских лазутчиковъ и шпионовъ⁽¹⁾, то обращеніе ихъ въ рабство составляло общее правило⁽²⁾. При этомъ плѣнные дѣлились въ Россіи между княземъ и войнами, захватившими ихъ, и слѣдов. были государственные и частные⁽³⁾. Въ Московскомъ государствѣ юридическое состояніе государственныхъ плѣнныхъ весьма близко подходило къ положенію арестантовъ: правительствомъ содержало ихъ въ монастыряхъ и темницахъ и употребляло на различныя работы, чтобъ они „даромъ хлѣба не ѣли“⁽⁴⁾. Частные же плѣнные образовали особый разрядъ несвободныхъ лицъ—плѣнное холопство, которое, по Судебнику Іоанна IV, было только личнымъ, но потомъ фактически, мало по малу, почти совершенно сравнялось съ полнымъ наследственнымъ холопствомъ и въ этомъ видѣ было признано по Уложенію 1649 года⁽⁵⁾. Даже продажа плѣнныхъ за границу, въ чужую для нихъ страну, была слабо ограничена законодательствомъ. Но какъ Судебникъ, такъ и Уложеніе и особенно указъ 1684 года объявляютъ свободными отъ частнаго холопства военноплѣнныхъ, принявшихъ православіе⁽⁶⁾. Однакоже, хотя многіе плѣнные иностранцы, вслѣдствіе почти безпрестанныхъ и продолжительныхъ войнъ, и оканчивали свою жизнь въ Россіи, также какъ и русскіе плѣнные на чужбинѣ, тѣмъ не менѣе сознаніе объ исключительномъ и въ сущности лишь временномъ характерѣ состоянія военнаго

⁽¹⁾ Андреевскій, О правахъ иностранцевъ въ древ. Россіи, стр. 137. *Конституц. Дипломатич. снош. Россіи въ XVII в.*, стр. 135.

⁽²⁾ Рѣш, Исторія рос. закон. стр. 67, 192.

⁽³⁾ Андреевскій, О правахъ иностранцевъ, стр. 138. Лохвицкій, О плѣнныхъ по древнему русскому праву, М. 1855, гл. 1, стр. 4.

⁽⁴⁾ Лохвицкій, тамъ-же, стр. 5—6.

⁽⁵⁾ А. И., т. I, № 154, стр. 237. Дополнительные указы къ Судебнику; указъ 7064 (1535) г. 21 августа, стат. 17.—Уложеніе (гл. XX, ст. ст. 61, 89, 98, 99) предоставляетъ владѣльцамъ отдавать плѣнныхъ въ приданое и завѣщать своимъ родственникамъ, отыскивать бѣглыхъ холопей плѣнныхъ изъ рукъ постороннихъ лицъ, и, во избѣжаніе споровъ, требуетъ записки плѣнныхъ въ холопьемъ приказѣ на имена владѣльцевъ въ полонныя книги.—Ср. у Лохвицкаго, гл. 1, стр. 7, 9—11.

⁽⁶⁾ См. тамъ-же, стр. 9, 10, 14, 15.

плѣна было всегда присуще нашимъ предкамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ условія о взаимно-обязательномъ освобожденіи плѣнныхъ за опредѣленную выкупную цѣну, встрѣчаемыя еще въ договорахъ Олега и Игоря съ Византійскою имперіей⁽¹⁾. Также и въ удѣльный періодъ выкупъ плѣнныхъ въ Россіи былъ довольно распространенъ, исключая только плѣнныхъ, захваченныхъ у невѣрныхъ народовъ—у Половцевъ и у состоявшихъ тогда еще въ язычествѣ Литовцевъ⁽²⁾. Впоследствии же, съ XIV вѣка, по договорнымъ грамотамъ между самими русскими князьями, плѣнные, по окончаніи войны, обыкновенно уже не выкупались и даже не размѣнивались въ точномъ смыслѣ этого слова, но просто, какое бы ни было число плѣнныхъ, они сполна возвращались съ обѣихъ сторонъ, при чемъ всякая зависимость и кабала, лежавшія на нихъ во время плѣна, уничтожались⁽³⁾. Въ Московскомъ государствѣ освобожденіе плѣнныхъ совершалось различнымъ образомъ. Въ сношеніяхъ съ Татарами, особенно крымскими, съ этой цѣлью употреблялся по преимуществу выкупъ, который, по причинѣ громаднаго числа русскихъ плѣнниковъ, томившихся въ неволѣ у Татаръ, составлялъ, по опредѣленію Стоглаваго собора и по Уложенію⁽⁴⁾, общее дѣло всей русской зѣмли и, независимо отъ случаевъ частнаго выкупа, главнымъ образомъ производился на счетъ спеціальнаго „нолонянничнаго собора“⁽⁵⁾. Съ Литвою и Польшею еще въ 1509 году московское правительство условилось взаимно относительно полнаго размѣна плѣнныхъ, и тоже условіе встрѣчается также и въ договорѣ, заключенномъ съ польскимъ гетманомъ Жолѣвскимъ въ 1610 г.⁽⁶⁾ Но въ XVI стол., по

(1) П. С. Р. Л. I, 15, 21.

(2) *Андреевскій*, Объ иностранцахъ въ древ. Россіи, стр. 137—38.—*Лешковъ*, О древ. рус. дипл., стр. 43.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 12, 14, 16—17, 43, 47—49, 53—54, 60 и др.

(4) Въ Уложеніи цѣлая глава (VIII) трактуетъ «о искупленіи плѣнныхъ».

(5) Подробности см. у *Лохвицкаго*, О плѣнныхъ по древ. рус. пр., гл. III.

(6) А. З. Р., т. II, № 49.—С. Г. Г. и Д., т. II, №№ 199, 200.

причинѣ почти непрерывныхъ войнъ, только немногіе изъ русскихъ и литовскихъ плѣнниковъ могли возвратиться въ отечество, а возвратившіеся получили свободу или по выкупу, или же вслѣдствіе поголовнаго размѣна⁽¹⁾; тогда какъ въ XVII вѣкѣ, послѣ договора съ Жолтѣвскимъ, послѣдующіе договоры Россіи съ Польшею—Деулинскій и особенно Андрусовскій—хотя и установили начало общаго размѣна плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, но только плѣнныхъ служилого сословія, не распространяя этого правила на крестьянъ и мѣщанъ, которые не возвращались⁽²⁾. За то въ сношеніяхъ со Швеціею, еще съ XVI стол., было усвоено Россіею господствующее и теперь въ европейской международной практикѣ начало обоюднаго и полнаго возвращенія всѣхъ плѣнныхъ по окончаніи войны, не смотря на разность въ ихъ числѣ, за исключеніемъ только тѣхъ изъ нихъ, которые въ Россіи приняли православіе, или же добровольно въ томъ или другомъ государствѣ вступили въ подданство⁽³⁾.

Такимъ образомъ, припоминая все сказанное, мы видимъ вообще, что еще во время своей особой жизни, въ случайныхъ сношеніяхъ съ торговыми иноземцами и съ сосѣдними государствами, Россія уже выработала довольно многіе правильныя юридическіе обычаи и понятія о правѣ международномъ, съ которыми и выступила потомъ полноправнымъ членомъ общеевропейской международной ассоціаціи.

⁽¹⁾ Лохвицкій, в. н. с., гл. IV. стр. 4, 5, 12.

⁽²⁾ Полн. Собр. Зак., т. I, № 401.

⁽³⁾ Это постановлено въ трактатахъ—Плюскомъ 1583, Тязвинскомъ 1595, Столбовскомъ 1617 и особенно подробно въ Кардисскомъ 1664 г.—См. Карамзина, Ист. Гос. Росс., т. IX, примѣч. 729; т. X., прим. 290.—Добротолонскій, Указатель трактатовъ и сношеній Россіи. М. 1838. стр. 17.—П. С. З., т. I., № 301, стр. 544.

Новое время.

Въ XV и XVI столѣтїяхъ, какъ извѣстно, совершились весьма многія важныя событія, которыя послужили причиною совершеннаго измѣненія не только понятій, но и самаго быта западно-европейскихъ народовъ. Это была знаменитая эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, великихъ изобрѣтеній и географическихъ открытій, религіозной реформаци и усиленія монархической власти. Подъ вліяніемъ этихъ событій господствовавшіе въ средніе вѣка феодальный строй жизни и общее главенство (супрематъ) какъ папы, такъ и римско-германскаго императора въ Западной Европѣ уже окончательно падаютъ, и въ замѣнъ того появляются отдѣльныя самостоятельныя государства⁽¹⁾. Но хотя, безспорно, на образованіе европейскихъ государствъ въ ихъ новомъ видѣ—т. е. въ смыслѣ взаимно-независимыхъ народныхъ союзовъ,—между прочимъ, значительно повліяло глубокое изученіе классической древности и увлеченіе ея соціально-политическими образцами, особенно же повсемѣстное принятіе

⁽¹⁾ *Vogt*, Historische Darstellung des europäischen Völkerbundes. I Th. 1808, S. 107—111.—*Гизо*, исторія цивилизаци въ Европѣ, перев. подъ ред. Арсеньева. Спб. 1860, лекц. XI.—Переходъ изъ средневѣковой жизни въ новую подробно изображенъ въ спец. соч. *F. Kortman* und *K. Reuchlin-Meldegg*, Geschichte Europas im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. II. Bde. 1861.

въ Западной Европѣ римскаго права, тѣмъ не менѣе, однакоже, между древними и новыми государствами нельзя не видѣть весьма существеннаго различія. Въ противоположность языческимъ государствамъ древности, проникнутымъ религіозною и національною исключительностью, христіанскія государства новаго времени, вслѣдствіе сходства и значительныхъ успѣховъ своей цивилизаціи, наоборотъ, уже не отвергаютъ своей взаимной правоспособности и, ради удовлетворенія разнообразнымъ потребностямъ развитой своей жизни, сознательно вступаютъ въ постоянныя и, болѣе или менѣе, правильныя взаимныя сношенія. Такимъ образомъ, въ новое время, и только теперь, — съ XVI и особенно съ XVII вѣка, — какъ мы уже и прежде замѣчали, образовались необходимыя условія для возникновенія международнаго права — это именно существованіе отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ и сознаніе ими потребности взаимной связи и вообще правильныхъ отношеній между собою, — а потому, съ этого же времени дѣйствительно появляется и самое *международное право*, какъ общепризнанная разумная норма для регулированія означенныхъ отношеній. Уважая, съ одной стороны, государственную самостоятельность, и съ другой — указывая государствамъ на потребность взаимнаго содѣйствія, въ достиженіи высшихъ жизненныхъ цѣлей человѣчества, оно стремится, въ поступательномъ развитіи своемъ, къ гармоническому согласованію обоихъ этихъ началъ и, вмѣстѣ съ распространеніемъ европейской цивилизаціи, все болѣе и болѣе получаетъ всесвѣтное значеніе ⁽¹⁾.

Но само собою разумѣется, что какъ направленіе международной политики, такъ и самый характеръ международныхъ отношеній въ различные періоды новаго времени были неодинаковы и, какъ и всегда, обуславливались вообще внутреннимъ состояніемъ государствъ.

Съ XVI и до конца первой четверти текущаго XIX вѣка, при господствѣ въ Европѣ, за немногими исключені-

⁽¹⁾ Ср. выше, стр. 7, 49—50. — См. также *Laurent, Histoire. t. X, p. 44.* — *Oppenheim, System des Völkerrechts, Kap. II, §§ 6—7.* — *Bluntschli, Das moderne Völkerrecht, Aufl. 1872, S. 20.*

ами, абсолютной монархической власти, въ международныхъ отношеніяхъ пресобладали династическіе интересы, въ которыхъ первоначально присоединялись еще интересы религиозныя и потомъ меркантильно-экономическіе. Въ это время мы видимъ, что владѣтели нѣкоторыхъ государствъ, пользуясь своимъ могуществомъ, стремятся къ общеевропейскому господству, тогда какъ, съ другой стороны, прочія правительства, въ виду общей опасности, вступаютъ между собою въ разнообразныя коалиціи, или союзы, съ цѣлю положить предѣль подобнымъ честолюбивымъ притязаніямъ. Такимъ образомъ, въ международныхъ отношеніяхъ разсматриваемаго времени главное и характеристическое явленіе представляетъ собою такъ называемое *система политическаго равновѣсія*—*bilanx europea, l'équilibre politique; Gleichgewichtssystem*. Значеніе этой системы, какъ видно изъ сказаннаго и какъ показываетъ самое названіе ея, состоитъ въ томъ, что правительства зорко слѣдятъ за своею взаимною политикою, и при усиленіи одного изъ государствъ другія государства считаютъ себя не только въ-правѣ, но даже и обязанными, общими средствами, противодействовать такому усиленію⁽¹⁾. Почти неизвѣстная ни въ древности, ни въ средніе вѣка, при слабости тогдашнихъ международныхъ связей, эта система равновѣсія, при измѣнившихся условіяхъ, наоборотъ, до послѣдняго пятидесятилѣтія проходитъ вообще чрезъ всю новую исторію и преимущественно ознаменовала себя разрушеніемъ трехъ великихъ попытокъ этого времени къ образованію общеевропейской гегемоніи⁽²⁾.

Прежде всего господство системы политическаго равновѣсія въ международныхъ отношеніяхъ выразилось въ полуторовѣковой борьбѣ западно-европейскихъ государствъ съ могущественнымъ Габсбургскимъ домомъ. Благодаря, главнымъ образомъ, выгоднымъ брачнымъ союзамъ, владѣнія

⁽¹⁾ *E. Ortolan*. Equilibre politique (Block, Dictionnaire général de la politique. T. I, pp. 902—940).

⁽²⁾ Съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія исторію новаго времени излагаютъ многіе историки-публицисты. См. особ. *Ancillon*, Tableau des révolutions du système politique de l'Europe, depuis la fin du XV siècle. 1806. T. I—VII; *Heeren*, Manuel historique du système politique des états de l'Europe et de leurs colonies depuis la découverte des deux Indes. Trad. de l'allemand. 1824. T. I—II.

этого дома въ XVI стол., какъ извѣстно, были самыя обширныя въ Европѣ, особенно же при Карлѣ V, который наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ не только громадную въ то время Испанскую монархію съ Нидерландами, Италіей и многими заморскими колоніями, но также Австрію и вмѣстѣ съ нею императорскую германскую корону. Начало же европейской борьбы съ Габсбургами восходитъ еще къ концу XV вѣка, когда французскіе короли заявили притязанія, по праву наслѣдованія, на Миланъ и Неаполь. Но эти, такъ называемыя итальянскія войны, въ которыхъ, съ одной стороны, участвовали французскіе короли, Карлъ VIII, Людовикъ XII и Францискъ I, а съ другой—императоры Габсбургскаго дома, Максимилианъ I и Карлъ V, съ многочисленными союзниками съ обѣихъ сторонъ, въ половинѣ XVI вѣка окончились торжествомъ Габсбурговъ. Французы были вынуждены отказать отъ своихъ притязаній на Италію.— Однакоже этимъ борьба Западной Европы съ Габсбургами не прекратилась. Послѣ Карла V Испанская монархія снова отдѣлилась отъ Имперіи и деспотическое правленіе суроваго фанатика католицизма, Филиппа II испанскаго возбуждало противъ него возстаніе въ протестантскихъ Нидерландахъ. Возстаніе это было поддерживаемо Генрихомъ IV французскимъ и, главнымъ образомъ, Елизаветою, королевою англійскою, которая своимъ вмѣшательствомъ способствовала Нидерландамъ совершенно отдѣлиться отъ Испаніи и образовать изъ себя самостоятельную республику.—Такимъ образомъ, могуществу испанскихъ Габсбурговъ, въ концѣ XVI стол., былъ нанесенъ рѣшительный ударъ—очередь оставалась теперь за австрійскою, императорскою отраслью этого дома. И дѣйствительно, униженіе этой отрасли не замедлило послѣдовать въ первой половинѣ слѣдующаго XVII вѣка; во время религіозной тридцатилѣтней войны въ Германіи. Въ этой войнѣ католическая Франція, руководимая своимъ дальновиднымъ министромъ, кардиналомъ Ришелье, помимо всякихъ религіозныхъ симпатій, изъ чисто-политическихъ соображеній, приняла сторону германскихъ протестантовъ противъ императора и оказала имъ существенную помощь, первоначально склонивъ къ вмѣшательству, въ пользу ихъ, доблестнаго шведскаго короля, Густава-Адольфа, а потомъ, по смерти

последняго, отправивъ уже собственныя войска въ Германию (1). Война окончилась знаменитымъ *Вестфальскимъ миромъ*, заключеннымъ 24 октября 1648 года на конгрессахъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюгѣ. На основаніи опредѣленій этого мира были признаны въ Германіи свобода и равноправіе 3-хъ христіанскихъ исповѣданій—католическаго, лютеранскаго и реформатскаго; владѣтельные германскіе князья получили почти полную самостоятельность и державныя права, какъ въ отношеніи внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, — за исключеніемъ только права вести войну между собою и съ императоромъ, — такъ что съ этихъ поръ священная римская или германская имперія существовала лишь номинально, превратившись въ сущности въ свободную политическую федерацію; Швейцарія и Нидерланды, пользовавшіяся уже и дотолѣ фактической независимостью, формально признаны самостоятельными республиками; Франція и Швеція, за свое участіе въ 30-лѣтней войнѣ, преобрѣли нѣкоторыя имперскія земли и объявлены главными гарантами настоящаго мирнаго акта, и пр. (2) — Этотъ Вестфальскій миръ, какъ мы уже и выше замѣчали, представляетъ собою знаменательное явленіе. Онъ справедливо признается исходною эпохою современнаго международнаго права. Своимъ признаніемъ, покрайней мѣрѣ до извѣстной степени, свободы совѣсти и самостоятельности владѣтельныхъ нѣмецкихъ князей, наряду съ самостоятельностью республикъ Швейцаріи и Нидерландовъ, онъ окончательно подорвалъ средневѣковое общехристіанское значеніе какъ папы такъ и императора, ослабивъ вмѣстѣ съ тѣмъ могущество Габсбурговъ и въ самой Германіи. Съ этихъ поръ различіе вѣроисповѣданія и формы правленія уже не служитъ препятствіемъ для взаимныхъ сношеній государствъ, но всѣ европейскія государства признаются равноправными, и въ международныхъ отношені-

(1) О борьбѣ Европы съ Габсбургами см. вообще *Ancillon*. *Tableau des révolutions etc.* t. I. *Introd.*, pp. 49—54; *Vogt*. *Histor. Darstellung des Völkerrbundes*, I Th.. S. 256—87; *Mably*. *Droit public de l'Europe, fondé sur les traités*. T. I. 1761 *Introd.*, pp. 4—8.

(2) *Dumont*. *Corps universel diplomatique*. T. VI. Part. I, pp. 450's; *Ghillany*. *Diplomatisches Handbuch*. I Th.. S. 9 fg.

яхъ, вмѣсто прежнихъ религіозныхъ, господствуютъ чисто-свѣтскіе интересы—политическіе и меркантильные⁽¹⁾.

Однакоже, установленное Вестфальскимъ миромъ международное спокойствіе Европы не долго продолжалось. Вскорѣ по заключеніи этого мира политическому равновѣсію стала угрожать новая опасность уже съ другой стороны—со стороны Франціи. Судьбами этого государства во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, какъ извѣстно, располагалъ честолюбивый Людовіа XIV, который, не довольствуясь неограниченною властью въ своей странѣ, поставилъ цѣлю своей внѣшней политики расширение территоріальныхъ предѣловъ своей державы, а впоследствии—даже и приобрѣтеніе гегемоніи въ Европѣ⁽²⁾. Отсюда почти непрерывныя войны Людовика XIV и разнообразныя коалиціи противъ него европейскихъ государствъ, руководимыя преимущественно Вильгельмомъ Оранскимъ, сперва штатгалтеромъ Соединенныхъ Нидерландовъ и потомъ королемъ англійскимъ. Миры Ахенскій (1668 г.), Нимвегенскій (1678), Рисвикскій (1697) и др., по которымъ Людовику дѣйствительно удалось присоединить къ Франціи нѣкоторыя сосѣднія области со стороны Испаніи и Германіи, были въ сущности лишь перемиріями⁽³⁾. Окончательно же миръ между Людовикомъ XIV и Западною Европою былъ заключенъ послѣ войны за испанское наслѣдство уже не задолго до смерти Людовика—на Утрехтскомъ конгрессѣ 1713 года, и подтвержденъ отдѣльными мирными трактатами съ германскимъ императоромъ и всею имперіей въ Раштадтѣ и Ба-

⁽¹⁾ «Le traité de Westphalie consacre tout ensemble la séparation religieuse de la chrétienté et l'indépendance politique des États». *Laurant*, Hist. X, p. 10.—См. соч. *Pütter*, Geist des Westphälischen Friedens. 1795.

⁽²⁾ Подробности о внѣшней политикѣ Людовика XIV см. у *Flassan*, Histoire de la diplomatie française. 1807. Т. III, pp. 256—476; Т. IV, pp. 1—409.

⁽³⁾ *Heeren*, Manuel historique du système politique etc. Т. I, pp. 151—62; *Wheaton*, Histoire des progrès du droit des gens, t. I, pp. 107—110; *Carnazza-Amari*, Elementi di diritto internazionale, vol. I, 1866, p. 173.—Ср. также *Гизо*, исторія цивилизаціи въ Европѣ, 1860, стр. 346—49, 361—66.

дѣлъ въ 1714 г. (1). По условіямъ *Утрехтскаго мира*, вслѣдствіе прекращенія Габсбургской династіи въ Испаніи, внукъ Людовика XIV, Филиппъ V Бурбонъ хотя и призналъ королемъ испанскимъ, но съ обязательствомъ отказаться отъ престолонаслѣдія во Франціи, и вообще было постановлено, что короны французская и испанская должны оставаться вѣчно раздѣльными; Испанскіе Нидерланды, или Бельгія, а также Миланъ и Неаполь передавы австрійскимъ Габсбургамъ; Англія получила отъ Испаніи Габралтаръ, Балеарскіе острова и нѣкоторыя колоніи; Франція, въ видахъ общей безопасности обязалась срыть укрѣпленія Дюнкерхена, и пр. Вообще, политическое равновѣсіе Европы было восстановлено Утрехтскимъ миромъ преимущественно на началахъ отрицательныхъ: всѣ государства вышли изъ борьбы крайне истощенными, и потому не опасными другъ другу; тогда какъ, въ то же время, усилившееся съ этихъ поръ морское владычество Англіи образовало и положительный противовѣсъ континентальному могуществу Франціи (2).

Затѣмъ, въ теченіи большей части XVIII вѣка система равновѣсія, собственно говоря, не была существенно нарушаема. Но вслѣдствіе удачныхъ войнъ, и главное, благодаря разумнымъ внутреннимъ преобразованіямъ, къ существовавшимъ дотолѣ великимъ государствамъ Европы—Франціи, Англіи и Австріи (родовому достоинству германскихъ императоровъ)—въ это время присоединились еще двѣ державы—Россія и Пруссія. Послѣ сѣверной войны Россія при Петрѣ Великомъ, по *Ништадтскому миру*, ^{80 августа}_{9 сентября} 1721 года, какъ извѣстно, приобрѣла отъ Швеціи почти всю Ливонію (нынѣшній Остзейскій край) съ Ингрійю и частью Финляндіи (3). Вслѣдствіе этого давнишнее завѣтное желаніе русскихъ государей—приобрѣтеніе доступа къ Балтійскому морю, необходимое для сближенія съ Западною Европою—на-

(1) *Dumont*, Corps universel diplomatique t. VIII, pte I, p. 322 s. — *Ghillany*, Diplomatisches Handbuch, I, 133 fg.

(2) *Ferner*, Kongresse und Friedensschlüsse der neuen Zeit. In Bluntschli's und Broter's. Staats-Wörterbuch, Bd. V, S. 669. — Спец. соч. *Girard*, Le traité d'Utrecht. 1847.

(3) *Dumont*, Corps diplomatique. t. VII, pte II, p. 36 s.; *Ghillany*, Diplom. Handbuch, I, 153 fg. — Полн. Собр. Зак. №№ 3819 и 3821.

конецъ осуществилось, и съ этихъ поръ, обновленная въ то же время реформами Петра, Россія, какъ было уже выше замѣчено, дѣйствительно вступила уже въ тѣсныя и постоянныя сношенія съ Западною Европою и по своему могуществу заняла въ ея системѣ весьма вліятельное положеніе ⁽¹⁾.—Пруссія же, начавшая усиливаться лишь современъ тридцатилѣтней войны и въ началѣ XVIII стол. ставшая королевствомъ, возвышеніемъ своимъ на степень первоклассной державы обязана Фридриху Вел. Этотъ государь по своему искусству управленія, стратегическому генію и дипломатической ловкости, какъ извѣстно, служилъ образцомъ для современныхъ ему монарховъ и государственныхъ людей, хотя и нельзя не сознаться, что въ дѣятельности своей руководствовался гораздо болѣе соображеніями политическаго разсчета, нежели справедливости. Онъ стремился, унизивъ императорскій Габсбургскій домъ, предоставить Пруссіи первенствующее значеніе въ Германіи, и результатомъ его войнъ съ императрицей Маріей Терезіей и ея союзниками было отпятие ихъ наслѣдственныхъ австрійскихъ земель Силезіи, окончательно присоединенной къ Пруссіи послѣ прославленной геройствомъ и стратегическими доблестями Фридриха семилѣтней войны, по *Губертбургскому миру* 1763 года ⁽²⁾. Вообще международная политика Фридриха Вел. была политикою такъ называемаго округленія, или распространенія государства (*politique d'arrondissement ou d'annection*), и есть основаніе думать, что онъ первый предложилъ мысль относительно раздѣла Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей ⁽³⁾.—Бывшая союзницею Пруссіи, Англія во время семилѣтней войны еще болѣе прежняго усилила свое преобладаніе на моряхъ, и на основаніи Парижскаго мирнаго акта 1763 года приобрѣла отъ Франціи и Испаніи многочисленныя колоніи въ Америкѣ, а собственно

⁽¹⁾ О значеніи Ништадтскаго мира для Европы вообще и въ частности для Россіи см. у *Соловьева*, Исторія, т. XVII, стр. 379 слѣд.

⁽²⁾ *Martens*, Recueil des traités, 2e éd., t. I, p. 436 s; *Ghillany*, Diplom. Handb. I. 181 fg.

⁽³⁾ *Laurent*, Histoire, t. XI, p. 181. *Beach Lawrence*, Commentaire sur les éléments du droit international et sur l'histoire du droit des gens de H. Wheaton. T. I. 1868. p. 290—91.

отъ Франціи—даже и въ Остъ-Индіи⁽¹⁾. Но за то, вскорѣ послѣ того, возстаніе Сѣверо-американскихъ Штатовъ, поддержанное Франціей, существенно поколебало морское владычество Англіи, которая по *Версальскому миру* 3 сентября 1763 г. была вынуждена признать Штаты независимую федерацію и возвратила какъ Франціи, такъ и Испаніи нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ колоній⁽²⁾. Такимъ образомъ, въ лицѣ Сѣверо-американскихъ Штатовъ международный союзъ еще впервые получилъ самостоятельнаго члена даже и въ Новомъ Свѣтѣ, за Атлантическимъ океаномъ, и это знаменитое федеративное государство, уже самымъ фактомъ своего возникновенія, ослабивъ Англію, благотворно способствовало сохраненію европейскаго политическаго равновѣсія⁽³⁾.

Но никогда еще опасность международному равновѣсію и вообще существующему социальнo-политическому порядку въ Европѣ не угрожала въ такой степени, какъ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго XIX столѣтія—во время великой французской революціи и первой имперіи. Подъ вліяніемъ односторонне-понятаго и доведеннаго до крайности философскаго принципа естественной свободы чловѣка и политическаго народовластія, французскіе революціонеры, какъ извѣстно, не только въ короткое время ниспровергли въ своемъ отечествѣ сложившіяся вѣками сословныя различія и монархическую власть, но ради полнаго торжества означеннаго принципа объявило даже предъ цѣлымъ свѣтомъ о готовности Франціи оказывать вооруженную помощь вообще всѣмъ народамъ, желающимъ отстоять противъ злоупотребленій правительства свою свободу⁽⁴⁾. Очевидно, что издавая

(1) *Martens*, Recueil, I. 104 s.—*Ghillany*, Diplom. Handb. I, 170.

(2) *Martens*, Recueil, t. III, pp. 519, 541.—См. также *Heeren*, Manuel historique, I, pp. 305—313; *Calvo*, Le droit international théorique et pratique, T. I. 1870, pp. 51, 53.

(3) *Berner*, Kongresse und Friedensschlüsse. (Staats - Wörterbuch V, 671).

(4) Въ декретѣ французскаго національнаго конвента отъ 19 ноября, 1722 г. постановлено: «La convention nationale declare qu' elle accordera secours à tous les peuples qui voudront recouvrer leur liberté; et elle charge le pouvoir exécutif de donner des ordres aux généraux des armées

такую прокламацію французскій національный конвентъ позволилъ себѣ весьма опасную для международнаго спокойствія политическую пропаганду,—что и вызвало противъ Франціи справедливую общеевропейскую коалицію⁽¹⁾. Но всѣ усилія европейскихъ правительствъ усмирить Францію въ продолженіе многихъ лѣтъ оставались тщетными. Во главѣ Франціи стоялъ тогда величайшій изъ полководцевъ новѣйшаго времени, Наполеонъ, сдѣлавшійся впоследствии императоромъ Французовъ, который, мало-по-малу, путемъ жестокой войны, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, поставилъ отъ себя въ вассальную зависимость почти всю Зап. Европу, кромя Англїи. Только неудачный походъ Наполеона въ Россію въ 1812 году, гдѣ онъ встрѣтилъ энергическій отпоръ въ твердомъ союзѣ правительства и народа русскаго, положилъ предѣлъ честолюбію и могуществу Наполеона. Одобренные успѣхомъ Русскихъ снова возстали тогда противъ чужеземнаго владычества и западно-европейскіе народы, и, такимъ образомъ, только соединеннымъ усиліямъ Европы удалось, наконецъ, остановить тотъ погромъ, который былъ произведенъ въ пей французскою революціей и ея послѣдствіями.—Окончательное же устройство европейскихъ дѣлъ было поручено теперь *Вѣнскому конгрессу*, который, какъ по важности своей задачи, такъ и по лицамъ, участвовавшимъ въ немъ, имѣетъ такое же существенное значеніе въ исторіи международныхъ отношеній, какъ и Вестфальскій конгрессъ. Вѣнскій конгрессъ былъ призванъ успокоить Европу послѣ только-что пережитой ею столь тревожной

françaises pour secourir les citoyens qui auraient été, ou qui seraient vexés pour la cause de la liberté. La convention nationale ordonne aux généraux des armées françaises de faire imprimer et afficher le présent décret dans tous les lieux où ils porteront les armes de la république».—См. *Phillimore's; Commentaries upon the international law*. T. 1, p. 435; также *Wheaton, Histoire des progrès etc.* t. 2, p. 49.

(1) Относительно вышеприведеннаго декрета національнаго конвента Филлиморъ замѣчаетъ: «This decree was treated by Great Britain, which, up to the period of its promulgation, had remained strictly neutral, as a declaration of war, of the worst and most hateful kind, against all nations; nor indeed is it possible to conceive a grosser violation of the particular principle of international law, than is to be found in this barbarous and unprecedented proclamation». *Commentaries*, t. 1, 436.

эпохи радикальныхъ преобразованій и всеобщей двадцатилѣтней борьбы. Кромѣ многочисленныхъ уполномоченныхъ почти отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, здѣсь лично присутствовали императоры австрійскій и русскій, короли прусскій, датскій и многіе нѣмецкіе владѣтельные князья. Но что касается самыхъ распоряженій Вѣнскаго конгресса, и именно наиболѣе важныхъ изъ нихъ, имѣющихъ предметомъ территоріальное распредѣленіе Европы, то въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, Вѣнскій конгрессъ руководился почти исключительно соображеніями внѣшней, чисто-формальной политики, мало обращая вниманія на дѣйствительныя потребности и желаніе народовъ. Такимъ образомъ, за основаніе территоріальныхъ распредѣленій было принято вообще начало *легитимности*, т. е. въ каждомъ государствѣ, по возможности, была восстановлена прежняя законная династія. Но такъ-какъ при этомъ имѣлось также въ виду и сохраненіе равновѣсія, вознагражденіе однихъ и ослабленіе другихъ государствъ, то все это дѣлалось на основаніи чисто-внѣшняго, статистическаго масштаба—по соразмѣрности пространства территоріи и количества населенія⁽¹⁾. Существенныя же измѣненія, въ отношеніи прежней, дореволюціонной политической системы Европы, сдѣланныя Вѣнскимъ конгрессомъ, или же утвержденныя имъ, главнымъ образомъ, заключались въ слѣдующемъ. Священная Римско-германская имперія, прекратившая свое существованіе, даже и по имени, еще во время владычества Наполеона, въ 1806 году, вслѣдствіе отреченія императора Франца II, конгрессомъ не была восстановлена; но вмѣсто нея всѣ германскія владѣнія, значительно противъ прежняго уменьшенныя въ числѣ посредствомъ бывшихъ при Наполеонѣ присоединеній къ болѣе крупнымъ владѣніямъ, образовали, по опредѣленіямъ конгресса, Германскій Союзъ съ общимъ сеймомъ, но съ значительнымъ сохраненіемъ за каждымъ владѣніемъ какъ внутренней, такъ и внѣшней самостоятельности (*Staatenbund*); въ составъ этого Союза вошли также Австрійская имперія и королевства Пруссія, Данія и Нидерландское черезъ по-

(1) «Si divisero l'Europa come se fosse roba da bottino». *Carnazza Amari*, Elementi di diritto internazionale. T. I. 1866, p. 182.

средство принадлежавших имъ, или вновь предоставленныхъ, бывшихъ владѣній Германской Имперіи; прежнія итальянскія республики, Генуэская и Венеціанская были присоединены, первая—къ Сардинскому королевству, а послѣдняя къ Австріи; республика Соединенныхъ Нидерландовъ, съ прибавленіемъ къ ней австрійской Бельгіи, обращена въ Нидерландское королевство; Швейцарская федеративная республика объявлена въ положеніи вѣчнаго нейтралитета, и пр. (1).

Далѣе, послѣ Вѣнскаго конгресса, въ исторіи международныхъ отношеній, какъ извѣстно, наступаетъ періодъ такъ называемый *пентархii*, т. е. періодъ господства въ европейской политикѣ пяти великихъ державъ — Россіи, Австріи, Пруссіи, Англии и, съ 1818 года, Франціи. Это была пора новыхъ международныхъ конгрессовъ, на которыхъ монархи первыхъ трехъ государствъ большею частью лично присутствовали и которые представляли собою какъ бы родъ общеевропейскаго трибунала, одинаково рѣшающаго, въ духѣ консерватизма, не только международные, но и внутренне-государственные вопросы (2). Такъ, уже черезъ три мѣсяца послѣ подписанія вѣнскаго акта, императоры русскій и австрійскій и король прусскій, 14/10 сентября 1815 г., въ Парижѣ, лично заключили между собою, безъ всякаго участія своихъ министровъ, такъ называемый *Священный Союзъ* (*Sainte Alliance*), по которому, въ виду сознанія, что какъ они сами, такъ и подданные ихъ суть члены единой христіанской семьи, общали взаимно, согласно Святи. Писанію, оставаться въ узакъ истинной неразрывной и братской любви, оказывать другъ другу помощь и руководствоваться, какъ во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ прочимъ правительствамъ, исключительно предписаніями христіанской религіи, законовѣдами правды, любви и мира (3). Актъ

(1) Общій актъ Вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 г. см. у *Ghillany*, *Diplomatisches Handbuch*. Bd. I. S. 324 fg.—Спец. соч. *Flasson*, *Histoire du Congrès de Vienne*. 1829. 3 vls.

(2) Спец. соч. *Die europäische Pentarchie*. 1839.

(3) *Martens*, *Nouv. Recueil*, t. II, p. 656; *Ghillany*, *Diplom. Handbuch*, I, 384.

этого союза, не налагающій никакихъ прямыхъ обязательствъ, но какъ простое торжественное заявленіе о принятіи христіанской религіи за единственное основаніе въ политикѣ, былъ предложенъ союзниками къ принятію и прочимъ европейскимъ христіанскимъ государямъ, и всѣ они формально присоединились къ Священному Союзу, кромѣ только принца—регента Англіи, который отозвался, что, согласно отечественной конституціи, онъ не въ-правѣ совершить безъ подписи отвѣтственнаго министра никакого государственнаго акта, но что самъ лично вполнѣ признаетъ заявленные Священнымъ Союзомъ принципы. Вскорѣ же затѣмъ, въ одинъ день съ заключеніемъ втораго Парижскаго мира съ Франціей, 20 ноября 1815 г., между Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей былъ заключенъ уже другой союзъ, называемый *вѣчнымъ* (alliance perpetuelle), болѣе положительнаго содержанія, по которому, гарантируя взаимно исполненіе парижскаго мирнаго трактата, союзники, въ тоже время, и вообще обязались заботиться объ охраненіи всеобщаго спокойствія въ Европѣ и съ этою цѣлью постановили, по мѣрѣ надобности, составлять конгрессы для совокупнаго соглашенія относительно принятія необходимыхъ мѣръ. На основаніи этого-то опредѣленія союзнаго акта и происходили сперва совѣщанія Парижской конференціи изъ уполномоченныхъ союзныхъ государствъ и потомъ собирались послѣдовательно конгрессы въ Ахенѣ, Тропнау, Лайбахѣ (Люблявѣ) и Веронѣ⁽¹⁾.—На *Ахенскомъ конгрессѣ* 1818 года постановлено было союзныя войска, занимавшія дотолѣ французскую территорию, вывести оттуда, послѣ чего и Франція была также принята въ союзъ великихъ державъ. Приэтомъ и здѣсь, образовавшаяся, такимъ образомъ, уже окончательно, пентархія, по протоколу и деклараціи отъ 15 ноября 1818 г., торжественно объявила, что цѣль ея союза состоитъ въ сохраненіи всеобщаго мира и гарантіи трактатовъ, для чего и на будущее время, относительно обсужденія европейскихъ дѣлъ, было также обѣщано созывать конгрессы съ приглашеніемъ къ участію на нихъ представителей заинтересованныхъ государствъ, и союзники выра-

(1) *Calvo*, Droit international, t 1, pp. 63, 200 — *Wis. Zaleski*, Die völkerrechtliche Bedeutung der Kongresse. Dorpat. 1874. s. 30—31, 61.

жили неизмѣнное рѣшеніе, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и съ другими государствами, неуклонно поступать на основаніи международного права (*leur invariable résolution de ne jamais s'écarter ...de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens*)⁽¹⁾. Слѣдовательно, во имя общихъ интересовъ и спокойствія, пентархія присвоивала себѣ право вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, — что и выразилось въ особенности въ дѣятельности послѣдующихъ. И дѣйствительно, *конгрессы въ Троппау и Лайбахъ*, 1820—21 г., собрались по случаю революціонныхъ движеній въ Пьемонтѣ и Неаполитанскомъ королевствѣ. На послѣднемъ изъ этихъ конгрессовъ, въ качествѣ заинтересованнаго лица, участвовалъ также и король неаполитанскій. По настоянію австрійскаго министра, Меттерниха, правительства русское, австрійское и прусское, въ своихъ циркулярныхъ нотахъ отъ 8 декабря 1820 и 12 мая 1821 г., объявили, что считаютъ себя не только въ-правѣ, но даже и обязанными усмирить революцію, какъ опасный примѣръ для другихъ государствъ, и что международное признаніе могутъ получить только тѣ государственныя реформы, которыя добровольно даются странѣ законною властью. Вслѣдствіе этого Лайбахскій конгрессъ поручилъ Австріи прекратить возстаніе въ Италіи вооруженною силою⁽²⁾. И наконецъ, такое же порученіе было дано и *Веронскимъ конгрессомъ* въ 1822 году Франціи въ отношеніи Испаніи⁽³⁾.

Однакоже дѣятельность пентархіи не отличалась единодушіемъ, и со второй четверти текущаго столѣтія международное значеніе ея, какъ союза, падаетъ. Государственный строй и интересы великихъ державъ были существенно различны, да и самая цѣль, которую провозгласила пентархія — строгое сохраненіе существующаго порядка (*status quo*) — была недостижима, вслѣдствіе измѣняющихся потребностей и прогрессивнаго развитія народовъ. Уже на Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ Англія протестовала противъ принятаго остальными членами пентархіи начала вооруженнаго вмѣшательства, оправдывая его, съ своей сто-

(¹) *Ghillany*. Diplom. Handbuch. I, 405 fg. 412—414.

(²) *Ibid.* VI. II. S. 416 fg. 427, 436.

(³) *Ibid.* II, 441 fg.

роны, лишь въ томъ случаѣ, когда опасность отъ известнаго событія въ другой странѣ непосредственно угрожаетъ самому вмѣшивающемуся государству⁽¹⁾; а вслѣдъ за тѣмъ, встрѣтивъ энергическую поддержку своимъ представленіямъ и со стороны правительства Сѣверо-американскихъ Штатовъ, Англія дѣйствительно не допустила европейскаго вмѣшательства по поводу борьбы Испаніи съ ея колоніями въ Южной Америкѣ и тѣмъ дала возможность послѣднимъ образовать изъ себя независимыя республики⁽²⁾. Франція же также перемѣнила свою политику со времени *юльской революціи* 1830 года. Новая Орлеанская династія на престолѣ французскомъ, уже сама по себѣ, являлась, такъ сказать, воплощеннымъ отрицаніемъ значенія трактатовъ 1814—15 гг., и потому, естественно, не особенно заботилась о сохраненіи ихъ силы и въ другихъ отношеніяхъ⁽³⁾. Съ этихъ поръ въ рѣшеніи большинства международныхъ дѣлъ участвуютъ обыкновенно лишь отдѣльные члены пентархіи, сообразно своимъ частнымъ интересамъ; какъ на примѣръ, только Англія и Франція заключили такъ назыв. „четвер-

(1) См. депеши англійскихъ министровъ, лордовъ Кастльра и Калнинга, отъ 19 января 1821 и 31 марта 1823 г., у *Ghillany* I. с. II. 429, 460.

(2) *F. de Cussy, Précis historique des événements politiques, depuis 1814 à 1839. Ch. I.*—Въ это-то время президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, Монроэ, въ своемъ посланіи къ вашингтонскому конгрессу, отъ 2 декабря 1823 г., высказалъ свою пресловутую доктрину (*Monroe doctrine*) о невмѣшательствѣ Американцевъ въ европейскіе раздоры и о недопущеніи европейскаго вмѣшательства въ дѣла Америки (*America for the Americans*). Съ тѣхъ поръ доктрина эта сдѣлалась девизомъ международной политики Сѣверо-американскихъ Штатовъ и, безъ сомнѣнія, внослѣдствіи значительно повліяла на безуспѣшность попытки Наполеона III, въ лицѣ Максимилиана австрійскаго, утвердить монархическое правленіе въ Мексикѣ. Доктрина Монроэ въ краткихъ словахъ прекрасно выражается въ слѣдующемъ изрѣченіи Джефферсона: «Our first maxim should be, never to entangle ourselves in the broils of Europe; our second, never to suffer Europe to intermeddle with Cisatlantic affairs». См. *Wheaton, Elements of international law. Ed. by Dana. 1866. § 68. Note, p. 107 sq.*—Ср. также *Calvo, Droit international, I. pp. 203—210.*

(3) *Oppenheim, System des Völkerrechts, 1866, S. 52—53; Berner, Kongresse und Friedensschlüsse. In staatswörterbuch, V, 687.*

ной союзъ“ (quadruple alliance) съ Испаніей и Португаліей, въ 1834 году, относительно устраниенія притязаній на престолонаслѣдіе въ сихъ послѣднихъ государствахъ со стороны принцевъ дона Карлоса и дона Мигуэля⁽¹⁾; и точно также, въ 1840 году, когда 4 великія державы помогали Турціи въ усмиреніи возставшаго противъ нея Мегмета-Али египетскаго, Франція отдѣлилась отъ прочихъ членовъ пентархіи и въ своихъ дипломатическихъ представленіяхъ держала сторону Египта⁽²⁾, и т. п. Или же, если иногда, даже и послѣ іюльской революціи, пентархія въ цѣломъ составѣ своемъ участвовала въ обсужденіи вопросовъ международной политики, то, согласно съ измѣнившимися обстоятельствами и духомъ времени, была уже вынуждена освящать своимъ формальнымъ согласіемъ явное отступленіе отъ опредѣленій Вѣнскаго конгресса; какъ напримѣръ, Лондонская конференція великихъ державъ, засѣдавшая въ 1830—39 гг., признала, вопреки вѣнскому акту, отпаденіе Бельгіи отъ Голландіи и образованіе новаго Бельгійскаго королевства⁽³⁾. Послѣднимъ же наиболѣе замѣчательнымъ актомъ общей дѣятельности пентархіи является мирный трактатъ 19 марта 1856 года, заключенный на *Парижскомъ конгрессѣ*, которымъ была признана международная полноправность Оттоманской Порты. Но этотъ миръ, какъ извѣстно, былъ результатомъ восточной войны, въ которой два члена пентархіи — Англія и Франція, — въ качествѣ союзниковъ Турціи, выступили уже прямо враждебно противъ третьяго члена — Россіи, а Австрія держалась при этомъ довольно двусмысленнаго нейтралитета⁽⁴⁾. Такимъ образомъ, восточная война ясно показала, что союзъ пентархіи, въ духѣ

(1) *Wheaton*, Histoire des progrès, t. II, pp. 206 suiv.

(2) Относящіяся сюда переговоры и въ частности любопытную переписку между лордомъ Пальмерстономъ и Гизо см. у *Martens-Murhard*, Nouv. Recueil Génér. de str., t. I, pp. 164—206.

(3) *Cussy*, Précis historique, ch. X, pp. 373—395.

(4) Собраніе актовъ Парижскаго конгресса съ историческимъ введеніемъ объ отношеніяхъ европейскихъ государствъ къ Турціи, или о такъ наз. «восточномъ вопросѣ». см. у *Gourdon*, Histoire du Congrès de Paris, 1857.

актовъ Священнаго Союза и Вѣнскаго конгресса, уже распался.

Вообще въ послѣднее пятидесятилѣтіе, съ ослабленіемъ союза пентархіи, европейскія международныя отношенія, если можно такъ выразиться, все болѣе и болѣе демократизируются. Каждое самостоятельное государство, какъ полноправный членъ общенародной ассоціаціи, занимаетъ въ ней сообразное своему естественному значенію положеніе и стремится, какъ само по себѣ, такъ и посредствомъ разнообразныхъ свободныхъ соглашеній и союзовъ съ другими государствами къ возможному для него поступательному развитію. При этомъ искусственное политическое распредѣленіе Европы, созданное Вѣнскимъ конгрессомъ, оказывается несостоятельнымъ. Одновременно съ борьбою за конституціонныя формы правленія и съ утвержденіемъ послѣднихъ въ Западной Европѣ пробуждается также чувство національности, которое и выражается въ стремленіи народовъ сосредоточиться въ одноплеменные политическія цѣлыя (*). Это *движеніе національностей*, повлекшее за собою рядъ революцій и войнъ, произвело уже въ европейской системѣ весьма существенныя измѣненія. Такъ возникли новыя государства—Греческое и Бельгійское, совершилось политическое объединеніе Италіи и большее сплоченіе, подъ гегемоніей Пруссіи, федеративной связи между нѣмецкими владѣніями—сперва подъ именемъ Сѣверо-Германскаго Союза и потомъ, со времени франко-германской войны, подъ именемъ Германской Имперіи (**). А съ другой же стороны

(*) Вопросъ о значеніи національности международномъ правѣ съ особеннымъ усердіемъ разрабатывается почти всѣми новѣйшими итальянскими публицистами, которые, однакоже, большею частью уже преувеличиваютъ это значеніе. См. вообще *Pierantoni, Storia degli studi del diritto internazionale in Italia, 1869.*—На русскомъ языкѣ см. о томъ же проф. *Капустина*, рѣчь на актѣ Москов. унив. 1863.

(**) Но само собою разумѣется, что возстановленная въ 1871 году Германская имперія уже не приписываетъ себѣ въ настоящее время того міроваго значенія, на которое претендовала въ средніе вѣка. Она является теперь чисто національнымъ федеративнымъ государствомъ и называется «*Deutsches Reich*», а не *Sanctum Imperium Romanum*. На это различіе указываетъ самъ императоръ Вильгельмъ, который въ письмѣ своемъ къ королю Саксонскому, отъ 14 января 1871 г., говоритъ: «*J'accapte ce*

великіе успѣхи просвѣщенія и порожденныя имъ многочисленныя потребности способствовали въ новѣйшее время еще небывалому развитію международнаго общенія. Подъ вліяніемъ учений экономистовъ явилось сознание о *солидарности международныхъ интересовъ*, и знаменитый законъ раздѣленія и соединенія труда примѣняется теперь и въ международной сферѣ. Приложение силы пара къ орудіямъ производства и средствамъ сообщенія, многочисленные торговые трактаты, международныя выставки, почтовые и телеграфныя конвенціи, ученые международные конгрессы разнаго рода конвенціи о литературной и артистической собственности и т. п.—все это сблизило образованные народы между собою и, при обеспеченіи взаимныхъ правъ, произвело между ними громаднй обмѣнъ не только матеріальныхъ произведеній, но и самыхъ знаній. Однимъ словомъ, образованные народы совмѣстно трудятся теперь на пользу всеобщаго преуспѣянія⁽¹⁾. И вмѣстѣ съ этимъ самый объемъ международныхъ сношеній, по внѣшнему пространству своему, все болѣе и болѣе расширяется. Кромѣ христіанскихъ народовъ Европы и Америки, между которыми существуетъ тѣсная и постоянная связь, въ этихъ сношеніяхъ, въ значительной степени, начинаютъ участвовать также и другіе народы, по мѣрѣ ознакомленія ихъ съ европейской гражданственностью. Такъ Турція, какъ мы уже знаемъ, на

titre (Deutscher Kaiser) non dans le sens de prétentions dominatrices pour la réalisation desquelles la puissance de l'Allemagne a été, aux époques les plus glorieuses de son histoire, compromise au préjudices de son développement interieur, mais avec le ferme propos,—si Dieu m'en fait la grâce,—d'être, *comme prince allemand*, le fidèle protecteur de tous les droits et de consacrer le glaive de l'Allemagne à leur défense. L'Allemagne, forte par l'unité de ses princes et de ses tribus, a reconquis sa place dans la conseil des nations. et le peuple Allemand n'éprouve ni le besoin, ni le tentation de poursuivre au-delà de ses frontières autre chose que des relations internationales amicales. fondées sur le respect de *l'indépendance réciproque* et sur le progrès du bien-être de tous...—См. Archives ed droit international et de législation comparée. 1874. № 1. Introd., p. XXI.

⁽²⁾ О международномъ общеніи см. спец. изслѣд. *Zaleski, Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft*. Dorpat. 1866.—Ср. также *Vergé, Introduction au Précis du droit des gens de Martens*. Ed. 1858, pp. XXV—XXXVIII.

Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. была даже формально признана, хотя быть можетъ и преждевременно, полноправнымъ членомъ европейскаго международнаго союза; сношенія Европейцевъ и Американцевъ съ Китаемъ усилились въ особенности съ половины текущаго вѣка, съ Японіей же — въ послѣднее десятилѣтіе, и пр. ⁽¹⁾.

Таково именно, въ существенныхъ чертахъ, было общее направленіе международной политики въ четыре послѣднія столѣтія.

А что же касается, затѣмъ, самыхъ нормъ, или правилъ, регулирующихъ международныя отношенія, въ ихъ вѣдшемъ или формальномъ проявленіи, то въ новое время эти нормы, какъ мы уже сказали, становятся вообще настолько точными и опредѣленными, что въ совокупности своей, мало по малу, образовали цѣлую систему международнаго права. Послѣднее одинаково явилось естественнымъ результатомъ какъ самой потребности практической жизни, — вслѣдствіе возникновенія въ Западной Европѣ, со времени реформаціи, самостоятельныхъ государствъ, вступившихъ между собою во взаимныя сношенія, — такъ и начавшейся, съ того же времени, научной разработки международныхъ вопросовъ, значительно содѣйствовавшей развитію правильнаго правосознанія народовъ ⁽²⁾. Но изложеніе полной системы международнаго права, или его догматики, съ надлежащею подробностью, не составляетъ задачи настоящаго изслѣдованія, и мы ограничимся разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ сторонъ международныхъ отношеній, въ

⁽¹⁾ Общій обзоръ новѣйшихъ сношеній христіанскихъ народовъ съ Востокомъ представляетъ *Beach Lawrence, Commentaire etc., t. I, pp. 120—154.* — Въ частности же о сношеніяхъ Россіи въ историческомъ развитіи см. *Юзефовича, Договоры Россіи съ Востокомъ политическіе и торговые.* Спб. 1869. Введ. — Замѣтимъ кстати, что известное сочиненіе о международномъ правѣ — *Elements of international law* — сѣверо-американскаго публициста и дипломата, *Wheaton'a*, въ настоящее время, по распоряженію китайскаго и японскаго правительствъ, переведено на туземные языки и принято ими за руководство въ сношеніяхъ съ христіанскими народами. См. *Beach Lawrence, l. c., p. 146;* также *Revue de droit international, 1869, p. 238.*

⁽²⁾ О возникновеніи науки международнаго права въ XVI вѣкѣ см. *Kaltenborn, Die Vorläufer des Hugo Grotius. 1848.*

которыхъ историческое развитіе международнаго права въ новое время представляется наиболѣе характеристичнымъ.

Изобрѣтеніе компаса, какъ извѣстно, повлекло за собою чрезвычайныя успѣхи мореплаванія и знаменитыя географическія открытія. Въ концѣ XV стол. особенно прославились этимъ Португальцы и Испанцы. Посредствомъ обширной колонизаціи первые утвердились по Африканскому прибрежью и въ Ост-Индіи, вторые же овладѣли новооткрытою ими Америкой, и какъ тѣ, такъ и другіе, особливо же Испанцы, совершенно подорвавъ средиземноморскую торговлю Итальянцевъ, въ теченіи цѣлаго вѣка являлись самыми богатыми народами въ Европѣ. Но выгоды плаванія по Океану, весьма естественно, довольно скоро обратили въ нему и другія приморскія націи,—и вотъ сперва Голландцы и Французы, а потомъ въ особенности Англичане сдѣлались конкурентами Испанцевъ и Португальцевъ въ отношеніи морской торговли и колонизаціи. А вслѣдствіе этого, болѣе чѣмъ когда-либо, возникла практическая потребность въ установленіи точныхъ правилъ относительно пользованія морями, или, вообще, потребность въ общеобязательномъ международномъ морскомъ правѣ. Но однакоже, основной вопросъ этого права—вопросъ о *власти надъ моремъ*—въ продолженіе долгаго времени не могъ получить надлежащаго разрѣшенія. Почти каждая морская держава, сознавая свое могущество и побуждаемая своекорыстными цѣлями, присвоивала себѣ исключительное обладаніе извѣстными морями, а нерѣдко даже и самымъ Океаномъ⁽¹⁾. Такъ, въ XVI вѣкѣ, основываясь на папскихъ буллахъ 1493 года⁽²⁾

(1) Такія притязанія, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ, встрѣчаются еще и въ средніе вѣка: Венеція присвоивала себѣ тогда Адриатическое море, а Генуя—Лигурійскій заливъ. См. *Cauchy, Droit maritime international*. t. I, pp. 250, 252.

(2) Въ означенномъ 1493 году папа Александръ VI издалъ 3 буллы, которыми, въ силу своей апостолической власти, предоставилъ Испанцамъ и Португальцамъ всѣ земли и острова, найденныя ими и впредь находимыя, и благословляя ихъ на новыя открытія и распространеніе христіанства, въ то же время назначилъ разграничительною чертою ихъ владѣній умственную линію, проведенную отъ одного полюса къ другому, на разстояніи 100 льбъ къ западу отъ группы Азорскихъ острововъ и

Португалія притязала на Гвинейское море и на Индійскій Океанъ, Испанія же—на Тихій Океанъ; съ своей стороны, Англія, преимущественно въ XVII стол., присвоивала себѣ владычество надъ всѣми морями, омывающими берега Британіи, до береговъ сосѣднихъ странъ, а Франція при Людовикѣ XIV притязала на Бискайское море, и т. под. (1). Однакоже всѣ эти притязанія, нерѣдко совмѣстныя и исключашія одно другое, никогда не пользовались всеобщимъ международнымъ признаніемъ. Если и случалось иногда, что, уступая превосходству силы, слабыя народы испрашивали у претендентовъ специальное дозволеніе для плаванія по извѣстному морю, то другія государства протестовали противъ такихъ притязаній, и къ этимъ протестамъ, съ перемѣною обстоятельствъ, присоединялись потомъ и сами уступающіе. Вообще въ XVI и особенно въ XVII стол. вопросъ о власти надъ моремъ послужилъ причиною многочисленныхъ международныхъ столкновеній, нерѣдко даже и самыхъ войнъ (2), и только уже съ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ научныхъ разясненій, все болѣе и болѣе сталъ получать правильное юридическое рѣшеніе (3).

острововъ Зеленаго мыса. На востокъ отъ этой линіи право владѣнія и открытія получила Португалія, на западъ же—Испанія.—*Calvo, Droit international, t. I, pp. 47—48.*

(1) *Ortolan, Regles internationales et diplomatie de la mer. Ed. 1864, t. I, pp. 121, 322.*—Спец. стат. *Аестуниса*, Изложеніе понятій разныхъ народовъ о власти надъ моремъ. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1846. №№ 5 и 6.—Что касается Россіи, то, по неизмѣннѣю удобныхъ морскихъ пристанищъ, она, конечно, въ разсматриваемое время не могла еще имѣть, болѣе пли менѣе, важнаго морскаго значенія; но уже и тогда, въ лицѣ своихъ представителей, она высказывала правильный взглядъ относительно свободнаго пользованія моремъ. На всѣ ходатайства англійскаго посланника, Флетчера, о совершенномъ закрытіи Бѣлаго-моря для прочихъ народовъ, Борисъ Годуновъ отвѣчалъ отказомъ, говоря, что «море—окіянь путь Божій, Богомъ дарованная дорога». См. *Капустина*, Дипломатическія сношенія древ Россіи, стр. 47, 143. *Косотомаровъ*, Очеркъ торговли Москов. госуд., стр. 23—24.

(2) *Ortolan, ibid — Hautefemille, Histoire du droit maritime. Ed. 1869, p. 199.*

(3) Ученыя изслѣдованія объ этомъ вопросѣ начались еще въ первой половинѣ XVII вѣка. Знаменитый *Гюю-Гроцій* (*Mare liberum, 1609*)

Въ настоящее же время не только самый океанъ, но и вообще всѣ моря, соединяющіяся съ океаномъ посредствомъ проливовъ и берега которыхъ принадлежать различнымъ государствамъ, считаются свободными. Они не состоятъ и не могутъ состоятъ въ исключительной власти какого-либо государства, но являются открытыми для безпрепятственного плаванія и всякаго другого пользованія всѣхъ народовъ — *la mer libre et ouverte*. Это признаніе *свободы морей* составляетъ основное положеніе современнаго международнаго права и одинаково основывается какъ на дѣйствительной фактической затруднительности для отдѣльныхъ государствъ относительно завладѣнія цѣлыми морями; такъ и въ особенности на соображеніи той великой пользы, которая вытекаетъ изъ свободы мореплаванія для международнаго общенія. Такимъ образомъ, въ отношеніи открытаго моря существуетъ не право власти (*imperium*), а тѣмъ менѣе право собственности (*dominium*), но лишь право простаго пользованія, принадлежащее притомъ въ одинаковой степени всѣмъ народамъ (*jus merae facultatis*). Всякій корабль, плывущій по такому морю, разсматривается здѣсь, на основаніи юридической фикціи, какъ-бы оторванная часть, или продолженіе своей отечественной территоріи (*la prologation ou continuation du territoire*), и потому въ своемъ внутреннемъ распорядкѣ руководствуется отечественными законами; а сношенія же между кораблями различныхъ націй исключительно подчиняются международнему праву и основываются на тѣхъ же началахъ юридическаго равенства и взаимной независимости, какъ и сношенія между самими

доказывалъ не освоимость моря по самой его природѣ и требовалъ свободы мореплаванія и вообще безпрепятственаго пользованія морями для всѣхъ народовъ. Представителемъ противоположнаго мнѣнія и въ частности защитникомъ притязаній своего отечества на жорское владычество явился англійскій публицистъ, *Сельденъ* (*Mare clausum*, 1635). Но мнѣніе Гроція восторжествовало въ наукѣ. Его ученіе развивали далѣе *Пуффендорфъ* (*De jure naturae et gentium*, 1672, lib. IV, cap. V, § 7) и *Вейнкерсцукъ* (*De dominio maris*, 1702). Последний въ особенности окончательно установилъ господствующую и теперь догму вопроса, различивъ съ точностію понятія объ открытомъ морѣ и территоріальномъ.

государствами ⁽¹⁾. Но само собою разумѣется, что свободное пользованіе моремъ и плаваніе по немъ предоставляются международнымъ правомъ для всѣхъ и каждаго лишь съ дозволенною цѣлью — ради пользы международнаго общенія, а не во вредъ ему. Между тѣмъ существуютъ извѣстныя дѣйствія, которыя, по своей крайней безнравственности, или же вслѣдствіе опасности отъ нихъ для благосостоянія всего международнаго союза, считаются не только внутренне-государственными, но и международными преступленіями, и такія дѣйствія преслѣдуются, конечно, и на открытомъ морѣ. Таково именно пиратство, или морской разбой. Пираты, по справедливому мнѣнію о нихъ еще древнихъ, суть всеобщіе враги человѣчества ⁽²⁾, они состоятъ внѣ закона (outlaws), и такъ — какъ открытое море не подчиняется какой-либо исключительной власти, а составляетъ общее достояніе всѣхъ народовъ, то каждый корабль можетъ здѣсь захватить пирата и представить его въ свой отечественный судъ ⁽³⁾. И точно также, вслѣдствіе деклараций Бѣнскаго, Ахенскаго и Веронскаго конгрессовъ, и особенно на основаніи многочисленныхъ трактатовъ, заключенныхъ послѣ того, въ текущемъ столѣтіи, между Англійей и почти всѣми государствами, торговля африканскими невольниками (неготорговля) въ настоящее время также является международнымъ преступленіемъ, а потому, подобно пиратству, и преслѣдуется на открытомъ морѣ ⁽⁴⁾. Съ другой же стороны, кромѣ открытаго моря, современное международное право признаетъ еще *море территориальное* — la mer territoriale. Сюда относятся: всѣ озера и внутреннія моря, т. е. окруженныя со всѣхъ сторонъ территоріей одного и

⁽¹⁾ *Hefster*, Europäisches Völkerrecht. Ausg. 1867. §§ 74, 78; *Ortolan*, Regles internationales etc., t. I, pp. 114—119. — Нов. спец. соч.: *Breganze*, Sulla liberta dei mari, 1857; *Plocque*, De la mer et de la navigation maritime, 1870.

⁽²⁾ *Cicero*, De offic., lib. I, c. 29: «Pirata non est perduellium numero sed communis hostis omnium».

⁽³⁾ *Phillimore's*, Commentaries, t. I, ch. XX, p. 399.

⁽⁴⁾ О неготорговлѣ и ея международномъ преслѣдованіи см. *Смзгу*, Précis historique etc., ch. II, pp. 48—62; *Cauchy*, Droit maritime, t. II, pp. 380—394.

того же государства, а также небольшие заливы и бухты, узкіе проливы и вообще вся прибрежная полоса вѣшняго или открытаго моря на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега. Очевидно, что всѣ эти воды, по самому географическому положенію своему, уже фактически состоятъ въ обладаніи прибрежнаго государства, и ихъ зависимость отъ него требуется даже безопасностью послѣдняго, а потому такая зависимость и дѣйствительно признается международнымъ правомъ. Такимъ образомъ, по общему правилу, иностранные корабли или суда могутъ входить въ территориальныя воды, кромѣ случаевъ крайней необходимости (*gelâche forcé*), наприм. спасаясь отъ бури и пр., лишь съ дозволенія мѣстной общественной власти и, находясь въ нихъ, по крайней мѣрѣ частныя или коммерческія суда, подчиняются ея надзору ⁽¹⁾. Но и при этомъ, понятно, что слишкомъ строгое пользованіе государствомъ своими территориальными водами, не говоря уже о совершенной замкнутости ихъ, противорѣчило-бы интересамъ международнаго общенія, и потому, изъ уваженія къ послѣднему, доступъ въ территориальныя воды, съ извѣстными условіями, нерѣдко опредѣляемыми въ специальныхъ трактатахъ, большею частью дозволяется и для иностранныхъ судовъ. Особенно же это слѣдуетъ сказать въ отношеніи проливовъ. Если проливъ служить соединеніемъ между открытыми морями, то, очевидно, что въ данномъ случаѣ недоступность пролива для иностранныхъ судовъ дѣлала-бы непримѣнимымъ на практикѣ и самый принципъ свободы моря,—во избѣжаніе чего относительно проливовъ между заинтересованными государствами и заключаются обыкновенно спеціальныя трактаты. Такъ, на основаніи трактатовъ открыты для международнаго плаванія Константинопольскій и Дарданельскій проливы со стороны Турціи, и Зундъ—со стороны Даниі ⁽²⁾.

⁽¹⁾ *Ortolan*, *Regles internationales*, t. I, ch. VIII.

⁽²⁾ *Ortolan*, *ibid*; *Heffter*, *Völkerrecht*, §§ 75, 76, 79; *Holtendorff*, *Encyklopädie der Rechtswissenschaft*. Aufl. 1873, Bd. I, S. 952—33.—Случалось иногда, что по трактатамъ государства принимали на себя даже такія обязанности, которыя существенно стѣсняли ихъ въ проявленіи своей власти въ территориальныхъ водахъ. Такая обязанность была принята, напримѣръ, Россіей и Турціей на Парижскомъ конгрессѣ 1856

Съ положеніемъ территоріальныхъ морскихъ водъ представляется сходнымъ также и юридическое положеніе рѣкъ. Какъ въ топографическомъ, такъ и въ социально-политическомъ отношеніи рѣки являются существенною принадлежностію той территоріи, по которой протекаютъ, а потому вмѣстѣ съ территоріей и подчиняются также мѣстной общественной власти. Но если рѣка служитъ границею между различными государствами, или же протекаетъ послѣдовательно чрезъ территоріи нѣсколькихъ государствъ, то въ этомъ случаѣ рѣка, особенно судоходная, естественно становится международною рѣкою—т. е. существующимъ по самой природѣ удобнымъ путемъ сообщенія между различными народами. Вслѣдствіе этого, съ успѣхами цивилизаціи, исключительно-національное пользованіе такими рѣками, съ устраненіемъ иностранцевъ, дѣлается невозможнымъ, а напротивъ того свобода *судоходства по международнымъ рѣкамъ* получаетъ всеобщій интересъ, первоначально же, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ прибрежныхъ государствъ. И дѣйствительно, попытки къ признанію и устанавленію такой свободы встрѣчаются довольно рано. Еще Вестфальскій конгрессъ 1648 г. объявилъ свободнымъ судоходство по

года. По мирному акту этого конгресса (ст. ст. 11, 13, 14) Черное море объявлено нейтрализованнымъ—т. е. открытымъ лишь для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй и закрытымъ для военныхъ; причемъ Россія и Турція обязались не имѣть на черноморскихъ берегахъ никакихъ военно-морскихъ укрѣпленій и арсеналовъ, а для прибрежныхъ распоряженій своихъ могли содержать на Черномъ морѣ, каждая, не болѣе 10-ти военныхъ судовъ опредѣленной вмѣстимости. Но хотя по буквѣ трактата обязательства Россія и Турція были взаимныя, однако же, на самомъ дѣлѣ, вся отяготительность ихъ падала собственно только на Россію. Османская Порта сохраняла при этомъ за собою неограниченное право содержать военный флотъ, какъ въ сосѣднемъ Мраморномъ морѣ, такъ и въ Архипелагѣ, и слѣдовательно, въ случаѣ войны, даже сама по себѣ, а не только въ союзѣ съ другими государствами, могла мгновенно напасть и безнаказанно опустошать беззащитное черноморское побережье Россіи. Поэтому, въ концѣ 1870 года, русское правительство настоятельно потребовало отмены означенныхъ распоряженій парижскаго трактата,—что и дѣйствительно было постановлено, послѣ предварительныхъ переговоровъ, на Лондонской конференціи по новому трактату 1/2 марта 1871 года. См. Archives de droit international, 1874, № 1, pp. VIII—XIII, 1—5

Рейну, и тоже повторяется на конгрессах Рисвикскомъ, Раштадтскомъ и Баденскомъ. На конгрессѣ же Тешенскомъ 1779 года, между Австріей, Пруссіей и Баваріей, была признана свобода плаванія по Дунаю, Инну и Зальцѣ⁽¹⁾, и т. под. Однакоже, до настоящаго XIX стол. международное судоходство по рѣкамъ, говоря вообще, терпѣло большія неудобства. Препятствіемъ ему служили т. наз. этапы, или обязанность грузовладѣльцевъ, на каждой границѣ, перегружать свои товары на національныя суда тѣхъ владѣній, черезъ которыя протекала рѣка; а также къ этому присоединялись многочисленныя внутреннія таможни, производившія осмотръ товаровъ со взиманіемъ обременительныхъ и большею частью произвольныхъ пошлинъ. Наконецъ, по акту Парижскаго мира 30 мая 1814 года (ст. 5) объявлена уже свобода судоходства вообще по всему Рейну и для всѣхъ народовъ, и въ то же время было обѣщано поручить будущему конгрессу установить общія правила относительно судоходства по всѣмъ международнымъ рѣкамъ⁽²⁾. Вслѣдствіе же этого, дѣйствительно, на Вѣнскомъ конгрессѣ, для обсужденія вопроса о рѣчномъ судоходствѣ, была назначена особая коммиссія, которая и выработала по этому вопросу нѣсколько основныхъ положеній, вошедшихъ въ общій актъ конгресса (ст. ст. 108—115) отъ 9 іюня 1815 года. А именно, конгрессъ постановилъ, что судоходство по рѣкамъ пограничнымъ, или же протекающимъ послѣдовательно чрезъ нѣсколько государствъ,—т. е. вообще по международнымъ рѣкамъ,—на всемъ протяженіи ихъ, должно быть свободно и открыто для всѣхъ народовъ; система сбора пошлинъ и полицейскаго надзора, устанавливаемая по взаимному соглашенію прибрежныхъ государствъ, по возможности, должна быть однообразною, какъ для самой рѣки, такъ и для всѣхъ ея судоходныхъ притоковъ, имѣющихъ международный характеръ; величина пошлинъ не можетъ превосходить существовавшей до конгресса и, во избѣжаніе осмотра, должна быть независима отъ качества товаровъ; равнымъ образомъ,

(1) *Zalecki*, Die völkerrechtliche Bedeutung der Kongresse. 1874. S. 37.

(2) *Ghillany*, Diplomatisches Handbuch, Bd. I. S. 303.

въ видахъ поощренія торговли, число таможенъ должно быть, по возможности, уменьшено и этапы увичтожены; наконецъ, всякое прибрежное государство, въ замѣнъ получаемыхъ имъ сборовъ съ судовъ, обязуется поддерживать бичевниѣ (*chemins de halage*) на своей территоріи и производить необходимыя работы по руслу рѣки для устранения препятствій въ судоходствѣ, и т. д. (1). Кромѣ того, конгрессомъ были утверждены также, составленныя во время его засѣданій и основанныя на приведенныхъ положеніяхъ, спеціальныя постановленія прибрежныхъ государствъ относительно судоходства по Рейну, Неккару, Майну, Мозеллю, Маасу и Шельдѣ, и трактаты Россіи съ Австріей и Пруссіей о судоходствѣ по рѣкамъ Царства Польскаго. Вообще Вѣнскій конгрессъ установилъ только главныя положенія, или же какъ-бы общую программу для рѣшенія вопроса о рѣчномъ судоходствѣ, предоставивъ примѣненіе ея въ отношеніи отдѣльныхъ рѣкъ спеціальнымъ соглашеніямъ между прибрежными и заинтересованными государствами. А поэтому дальнѣйшее развитіе разсматриваемаго вопроса продолжалось и впослѣдствіи, причемъ въ настоящее время, можно сказать, что вслѣдствіе многочисленныхъ трактатовъ почти между всѣми государствами, свобода судоходства по международнымъ рѣкамъ, провозглашенная Вѣнскимъ конгрессомъ, существуетъ въ Европѣ уже повсемѣстно. Но относительно американскихъ рѣкъ такая свобода и до сихъ поръ еще не получила всеобщаго признанія (2).

(1) *Ibid.* I. 362—364.

(2) Ичисленіе трактатовъ о рѣчномъ судоходствѣ см. у *Hefster'a*, *Völkerrecht*, 1867, Anlage VII. S. 459 fg — Спец. соч. *Karatheodory* *Du droit international concernant les grands cours d'eaux*. 1864; на рус. яз. *А. Наумова*, судоходство по Шельдѣ, опытъ приложенія началъ международного права къ судоходству по рѣкамъ. М. 1856.—Гольцендорфъ, особенно же Гаунчли и нѣкоторые другіе публицисты считаютъ недостаточною свободу судоходства только во международнымъ рѣкамъ и требуютъ распространенія ея и на внутренне-государственныя рѣки, вливаюціяся въ открытое море; но это мнѣніе, не признанное за международное правило на практикѣ, является спорнымъ и въ самой наукѣ, сужденіе о которомъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. *Holtzendorff*, *Encyclopädie*. Bd. I, 1873, S. 953—54; *Bluntschli*, *Völkerrecht*, 1872, S. 30—32, 187—88.

Обращаясь, затѣмъ, къ *положенію иностранцевъ*, мы видимъ, что въ новое время положеніе это все болѣе и болѣе улучшается. Распространеніе международной торговли и развитіе правосознанія дѣлали уже невозможнымъ, относительно обращенія съ иностранцами, дальнѣйшее существованіе тѣхъ суровыхъ обычаевъ, которыми въ средніе вѣка, за исключеніемъ Россіи, такъ изобиловала Европа, и обычаи эти, уже значительно ослабленные и предшествовавшими законодательными запрещеніями, одно за другимъ окончательно падаютъ. Такъ, самый отяготительный изъ означенныхъ обычаевъ—*Wildfangsrecht*, или лишеніе иностранца свободы, послѣ годичнаго пребыванія его на чужой территоріи—исчезъ въ Германіи самъ собою въ XVII вѣкѣ. Къ тому же времени и береговое право—*Strandrecht, droit de naufrage*—было уже во всей Европѣ совершенно отмѣнено, преимущественно, внутренними узаконеніями государствъ, и съ этихъ поръ, какъ это уже издавна было въ Россіи, замѣнилось обязанностью для прибрежныхъ жителей оказывать помощь вообще всѣмъ страдающимъ при крушеніи судовъ и спасать ихъ имущество, съ правомъ полученія за то лишь опредѣленнаго вознагражденія—*rescunia servatitia, droit de sauvement ou de sauvetage* ⁽¹⁾. Наконецъ и обычай конфискаціи имущества, оставшагося послѣ умершаго иностранца—*Heimfallsrecht, droit d'aubaine*—былъ также постепенно уничтожаемъ въ различныхъ государствахъ цѣлымъ рядомъ трактатовъ, идущихъ непрерывно съ половины XVI стол., и окончательно—по парижскому мирному акту 1814 года ⁽²⁾. Этотъ обычай, большею частью, былъ замѣняемъ

⁽¹⁾ Въ новѣйшее же время съ этою цѣлью, какъ извѣстно, по приѣму Англій, на болѣе опасныхъ для судоходства мѣстахъ учреждаются особыя спасительныя станціи и существуютъ частныя филантропическія общества. Въ Англій такое общество (*Royal National Institution for the preservation of life from shipwreck*) образовалось въ 1824 г., а уставъ нашего «Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ» Высочайше утвержденъ 3 іюля 1871 года. На основаніи § 1-го этого устава цѣль нашего Общества—«оказаніе помощи всѣмъ терпящимъ бѣдствія на моряхъ, озерахъ и рѣкахъ въ предѣлахъ Россіи». — См ст. *Мордовина*, Русскія спасительныя станціи. «Морской Сборникъ» 1872. № 6.

⁽²⁾ Art. XXVIII.—См *Ghillany, Diplom. Handbuch*, I, 307—308.

первоначально взысканіемъ съ послѣдниковъ иностранца, въ случаѣ вывоза ими своего наслѣдственнаго имущества за границу, какъ и вообще за вывозъ всякаго имущества, особливо пошлины—*jus detractus*, *gabelle d'émigration*,— но въ текущемъ столѣтіи, какъ по трактатамъ, такъ и по внутреннимъ законамъ, и эта пошлина въ большинствѣ государствъ также отмѣнена (¹). Итакъ отмѣна средневѣковыхъ стѣспнительныхъ обычаевъ, уже сама по себѣ, значительно способствовала въ новыя времена улучшенію положенія иностранцевъ. Но кромѣ того одновременно съ этимъ, преимущественно на основаніи торговыхъ трактатовъ, иностранцы повсемѣстно получали разнообразныя и болѣе или менѣе обширныя права, сперва въ видѣ привилегій для извѣстной націи, а потомъ, особенно съ XVIII вѣка, по началу равноправности относительно всѣхъ народовъ, въ силу обычнаго условія, включаемаго въ трактаты, о всеобщемъ распространеніи правъ наиболее благоприятствуемой націи (*d'être traite comme la nation la plus favorisée*). А въ нѣкоторыхъ же трактатахъ даже прямо выговорено совершенное уравненіе иностранцевъ въ гражданскихъ правахъ съ самими туземными подданными (*d'être traite comme les nationaux eux-mêmes*) (²), и эта гражданская полноправность ихъ, въ отличіе отъ политической полноправности, все болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе образованныхъ народовъ. И дѣйствительно сохраняя политическую связь съ своимъ отечественнымъ государствомъ, или оставаясь его гражданиномъ, иностранецъ не можетъ, конечно, претендовать на участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управления, причемъ и не подвергается также мѣстнымъ политическимъ обязанностямъ,— какъ наприм. не несетъ военной и вообще личной податной повинности; но уважая установленный порядокъ и подчиняясь, въ отношеніи его, мѣстнымъ властямъ, онъ, въ то же

(¹) Объ окончательномъ уничтоженіи средневѣковыхъ обычаевъ касательно иностранцевъ см. вообще *Hautefeuille*, *Histoire du droit maritime*, 1869, pp. 156, 266—67; *Verner*, *Heimfallsrecht—im Staatswörterbuch*, V, 84 fg; *Bluntschli*, *Völkerrecht*, § 393 —Ср. также *Лешко а*. Взглядъ на состояніе правъ иностранцевъ и пр.—въ «Юрид. Зап.» Рѣдкина, т. 2 стр. 5—8.

(²) *Hautefeuille*, I, с. pp. 270—71,

время, можетъ и даже долженъ пользоваться всѣми правами, вторыя, подобно частнымъ или гражданскимъ правамъ, принадлежать человѣку вслѣдствіе его личнаго достоинства ⁽¹⁾. Вотъ почему, не только по трактатамъ, но и по внутреннимъ законодательствамъ, въ настоящее время, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, установленныхъ въ интересахъ мѣстнаго спокойствія и безопасности, иностранцы, сохраняя свою политическую національность и семейное положеніе, имѣютъ право свободного прѣзда и выѣзда изъ чужаго государства, могутъ пріобрѣтать тамъ различнаго рода имущество, вступать въ разнообразныя сдѣлки и, въ отношеніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ процессовъ, во всѣхъ образованныхъ государствахъ, судятся общими судами, какъ и сами туземные поданные. При этомъ отечественное правительство не только имѣетъ право, но даже и обязано заступиться за своего гражданина, въ случаѣ претерпѣваемой имъ за-границей какой либо несправедливости ⁽²⁾. Вообще съ развитіемъ всемірно-гражданскаго оборота международное положеніе частныхъ лицъ выдѣляется въ особую область международныхъ отношеній, регулируемую и особою отраслью международного права—*международнымъ правомъ частнымъ*, *droit international privé*. Этимъ правомъ опредѣляется вся дѣятельность частныхъ лицъ и ея послѣдствія въ международной сферѣ, какъ дозволенная, или гражданская, такъ и выражающаяся въ пра-

⁽¹⁾ Юридическое основаніе современнаго признанія за иностранцами гражданской подданности, въ отличіе отъ политической, прекрасно объясняетъ *Бернеръ*, в. в. с., стр. 91: «Der Fremde ist nicht Mitglied unserer Gemeinde und unseres Staates. Er hat daher auf die Rechte eines Gemeindebürgers und eines Staatsbürgers bei uns keinen Anspruch. Er ist aber Person. Als solche hat er überall Anspruch auf eine gesicherte privatrechtliche Stellung, da das Privatrecht nicht erst aus dem Begriffe eines besonderen Gemeindebürgerthums oder Staatsbürgerthums, sondern ohne Weiteres schon aus dem Begriffe der menschlichen Persönlichkeit folgt. Hierauf ruht die weltbürgerliche Berechtigung der Individuen, das neuere Fremdenrecht».

⁽²⁾ *H. Marquardsen*, Fremdenrecht, In Rotteck's und Welcker's Stats-Lexicon, 3-te Aufl., Bd. V, S. 722—729.—*Pözl*, Fremde, Fremdenrecht. In Bluntschli's und Brater's Deutsches Stats-Wörterbuch; Bd. III, S. 755—767.—*Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht, 1872, S. 26—27; 219—227.

Вонарушеніяхъ, или уголовная, и указывается порядокъ сохраненія этой дѣятельности въ предѣлахъ правомѣрности— гражданскій и уголовный процессы по частнымъ международнымъ дѣламъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, по соображенію національнаго характера даннаго лица, мѣста нахождения имущества, самого совершенія разсматриваемаго дѣйствія и производства суда является вообще какъ-бы коллизія, или столкновение между законодательствами различныхъ государствъ, причемъ разрѣшеніе такого столкновения и составляетъ именно задачу частнаго международного права. Задача эта представляется весьма трудною и въ настоящее время, къ сожалѣнію, еще не обобщена съ достаточною юридическою точностью не только на практикѣ, но и въ самой наукѣ. Какъ общее правило, можно сказать только, что взаимное признаніе государствъ требуетъ также признанія ими и взаимнаго равенства своихъ національныхъ законодательствъ, и потому каждое юридическое отношеніе, изъ области частной международной дѣятельности, должно быть обсуживаемо по національному закону того государства, которому принадлежитъ, такъ сказать, существенный моментъ этого отношенія⁽¹⁾; такъ что, напримѣръ, личное состояніе человѣка повсемѣстно опредѣляется его отечественнымъ закономъ (*lex domicilii*), юридическое положеніе имуществъ— закономъ ихъ мѣстонахожденія (*lex rei sitae*), внѣшняя форма юридическихъ дѣлокъ— по закону мѣста совершенія ихъ (*locus regit actum*), въ отношеніи уголовной подсудности отдается предпочтеніе суду мѣста совершенія преступленія (*forum delicti commissi*), причемъ, однакоже, собственные подданные и политическіе преступники не выдаются однимъ государствомъ другому, и проч.⁽²⁾

⁽¹⁾ Такое основное положеніе частнаго международного права высказалъ *Savigny*, *System des heutigen Römischen Rechts*, 1849. Bd. VIII, S. 108: «Bei jedem Rechtsverhältniss dasjenige Rechtsgebiet aufgesucht werde, welchem dieses Rechtsverhältniss seiner eigenthümlichen Natur nach angehört oder unterworfen ist (worin dasselbe seine Sitz hat)».—См. также мою статью: Основанія частной международной юрисдикціи — въ Учен. Записк. Каз. Унив. 1865, стр. 155 слѣд.

⁽²⁾ Литература частнаго международного права, по современной важности предмета, весьма обширна; по, какъ замѣчено, не только част-

Далѣе образованіе самостоятельныхъ государствъ, взаимно признаваемыхъ независимыми и равноправными, и усиленіе международныхъ сношеній всякаго рода послужили причиною, что официальные органы этихъ сношеній—посольства и консульства,—все болѣе и болѣе распространяясь, въ повое время сдѣлались уже постоянными международными установленіями и сравнительно съ прежнимъ временемъ получили болѣе опредѣленное и правильное значеніе.—*Посланники*, или дипломатическіе агенты, главнымъ образомъ, являются вообще международными представителями политическихъ интересовъ отечественнаго государства. Какъ посредники официальныхъ сношеній между правительствами, они поддерживаютъ взаимное довѣріе народовъ, заключаютъ трактаты, выслушиваютъ и предъявляютъ международныя жалобы и рѣшаютъ международныя споры—словомъ вообще дѣйствуютъ въ международной сферѣ во имя отечественной націи, отъ лица признаннаго ею правительства (1). Еще въ концѣ XV вѣка Людовикъ XI французскій и испанскій король Фердинандъ — Католикъ, по примѣру папъ, стали содержать постоянныя посольства при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ, чему послѣдовали также, мало по малу, и прочія правительства. Но въ особенности же постоянныя посольства распространились въ Европѣ уже повсемѣстно съ XVII стол., подъ вліяніемъ весьма дѣятельной и честолюбивой политики французскаго министра, кардинала Ришелье, и Людовика XIV. Съ этихъ поръ при всѣхъ европейскихъ дворахъ иностранныя посланники въ своей совокупности об-

пости, даже общія основанія доктрины содержатъ въ себѣ много спорнаго. Главныя сочиненія: *Bar*, Internationales Privat-und Strafrecht, 1862; *Foelix*, Traité du droit international privé, éd. par Mangeot, 1856, 2 vls; *Story*, Commentaries on the conflict of laws, ed. 1837; *Westlake*, A treatise on private international law, 1858; *Wharton*, A treatise on the conflict of laws, 1872; *Fiore*, Diritto internazionale privato, 1869, и др.—Общій очеркъ основныхъ положеній частнаго международнаго права представленъ также проф. *Капустинскимъ*, въ его Конспектѣ лекцій по международному праву, отд. III, §§ 41 — 51; см. Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кн. V, 1873 г.

(1) *Каченовскій*, Агенты дипломатическіе—стат. въ Энциклопедическомъ Словарѣ, состав. русскими учеными и литераторами, т. I, Спб. 1861; стр. 454.

разуютъ такъ называемый „дипломатическій корпусъ“ (*corps diplomatique*), который, по своему постоянству и многочисленности членовъ, является видимымъ выраженіемъ развитаго международнаго общенія (¹). При этомъ посланники и ихъ свита въ повое время повсемѣстно пользовались и пользуются такъ назыв. правомъ внѣземельности — *droit d'extraterritorialité*,—т. е. на основаніи юридической фикціи предполагаются именно какъ бы всегда находящимися въ предѣлахъ отечественнаго государства, а потому являются неприкосновенными и не подчиняются мѣстной власти. Такая внѣземельность посланника, очевидно, одинаково основывается, какъ на уваженіи къ независимости того государства, представителемъ котораго является посланникъ, такъ и на соображеніи практической необходимости полной свободы дѣйствій ради исполненія посланникомъ возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей (²). Но само собою разумѣется, что фикція внѣземельности еще не уполномочиваетъ посланника на безнаказанное нарушеніе имъ мѣстнаго порядка, и въ послѣднемъ случаѣ мѣстное правительство, не подвергая иностраннаго посланника собственному суду, тѣмъ не менѣе, однакоже, по закону необходимой обороны, можетъ предпринимать противъ него, смотря по надобности, различныя предупредительныя и репрессивныя мѣры; какъ на примѣръ, оно можетъ напомнить посланнику о его обязанностяхъ, или же жаловаться на него отечественному правительству, и въ крайнемъ случаѣ—даже арестовать посланника и выслать его подъ конвоемъ за границу. И дѣйствительно исторія 3-хъ послѣднихъ столѣтій представляетъ довольно много подобныхъ случаевъ, которые, однакоже, оправдываемые каждый разъ интересомъ мѣстнаго спокойствія и самаго храненія государства, нисколько не подрываютъ общаго начала внѣземельности и вытекающей отсюда неприкосновенности, образующихъ существенное и основное право каждаго дипломатическаго агента (³). Изъ этого пра-

(¹) *Alt*, Handbuch des Europäischen Gesandtschafts—Rechtes, 1870, S. 10—11.

(²) *Holtzendorff*, Encyklopädie, Bd. 1, 1873, S. 961—62.

(³) *Каченовскій* в. и с. стр. 460—61. — См. также *Bluntschli*, Völkerrecht, §§ 194, 200—202.

на, кромѣ неподсудности въ отношеніи мѣстной юрисдикціи, вытекаетъ также свобода посланника, въ значительной степени, отъ платежа мѣстныхъ налоговъ, а также свобода вѣроисповѣданія и домашняго богослуженія, хотя бы религія посланника и не была терпима въ данномъ государствѣ, и проч. (1). Кромѣ того, какъ представители независимыхъ и полноправныхъ государствъ, изъ уваженія къ послѣднимъ, посланники пользуются также извѣстными почетными или церемоніальными правами, — какъ наприм., имѣютъ право на извѣстный приемъ и положеніе при иностранномъ дворѣ, право на извѣстный титуль, а въ сношеніяхъ же между собою—право на опредѣленный рангъ и т. д. По отношенію къ этимъ почетнымъ правамъ еще съ XVI и особенно съ XVII вѣка стали различаться въ Европѣ разнообразныя степени, или классы дипломатическихъ агентовъ, которые, однакоже, до новѣйшаго времени съ точностью не были опредѣлены, и потому споры о почетныхъ правахъ и особенно о рангѣ посланниковъ были безпрестанные и велись съ крайнею настойчивостью, такъ что нерѣдко сопровождались даже насиліемъ и вообще серьезными послѣдствіями (2). Но, говоря вообще, съ половины прошедшаго столѣтія въ международныхъ отношеніяхъ церемоніальнымъ правомъ уже не придается особенно важнаго значенія, хотя окончательно посольскій рангъ былъ опредѣленъ лишь на Вѣнскомъ и Ахенскомъ конгрессахъ 1815 и 1818 г. Здѣсь установлены именно 4 класса дипломатическихъ агентовъ: послы (ambassadeurs), посланники (envoyés), министры—резиденты (ministres—résidents) и повѣренные въ дѣлахъ (chargés d'affaires), — причемъ опредѣлено также, что агенты одного и того же класса имѣютъ право на одинаковый приемъ при иностран-

(1) Выясненію правъ посланниковъ еще въ XVIII вѣкѣ содѣйствовалъ особенно голландскій публицистъ *Vynkershoek*, *De foro competente legatorum*. 1721.

(2) Такихъ случаевъ приведено довольно много въ изданіи *Ch. Martens*, *Causés célèbres du droit des gens*. 1827; см наприм. т. II, pp. 392 suiv. et 457 suiv.—споры происходившіе въ Лондонѣ въ 1661 и 1768 гг. между испанскимъ и русскимъ посланниками съ одной стороны и французскими уполномоченными—съ другой.—См. также *Alt*, I, c., S. 14.

номъ дворѣ, а въ сношеніяхъ между собою соблюдаютъ рангъ по времени прибытія ихъ къ этому двору (¹). Но эта классификація посланниковъ, существующая и по настоящее время, имѣеть значеніе для нихъ лишь именно въ отношеніи почетныхъ правъ, тогда какъ всѣ посланники, къ какому бы классу они не принадлежали, одинаково пользуются, какъ политическіе представители независимаго государства, существеннымъ для нихъ правомъ вѣземельности (²).—Съ другой же стороны, въ отличіе отъ посланниковъ, *консулы* въ новое время, какъ и въ средніе вѣка, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно имѣють свою задачу защиту и покровительство международнымъ правамъ и интересамъ частныхъ лицъ. Поэтому консулы имѣють свое пребываніе не только въ резиденціяхъ высшаго правительства, но вообще въ различныхъ мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами. Однакоже, съ усиленіемъ государственной власти, въ особенности съ XVI стол., консулы уже не назначаются болѣе, какъ это было прежде, отдѣльными городскими общинами, или же частными торговыми компаніями, имѣющими заграничныя сношенія, но, подобно посланникамъ, также становятся официальными органами самихъ государствъ, какъ членовъ международного союза. Они назначаются уже самими правительствами и притомъ или изъ собственныхъ подданныхъ государства, нарочно посылаемыхъ за границу—т. н. *consules missi*,—или же, что конечно бываетъ гораздо рѣже, избираются даже изъ среды самихъ иностранныхъ туземцевъ *consules electi*. Самая же организація консульствъ и служебная дѣятельность консуловъ опредѣляются не только трактатами, но, на основаніи послѣднихъ, также внутренними законами государствъ—консульскими уставами и ре-

(¹) См. Règlement sur le rang entre les Agens diplomatiques, 19 mars 1815; et protocole signé à Aix-la-Chapelle, le 21 novembre 1818, sur le rang des Ministres—Résidents. — *Miruss*, Das Europäische Gesandtschaftsrecht, II Abth. 1847, Beilagen № 49, S. 281—84.

(²) См. изслѣд. *Wurm'a*, Ueber den Rang diplomatischer Agenten. In der Tübing. Zeitschrift für Staatswissenschaft. 1854. II, 3 und 4.

гламентами ⁽¹⁾. Изъ послѣднихъ видно, что въ различныхъ государствахъ существуютъ неодинаковыя консульскія степени, изъ которыхъ самыя обыкновенныя, это именно — генеральныя консулы, консулы и вице-консулы, находящіеся между собою, большею частью, въ іерархическомъ соподчиненіи. Но къ какой бы степени не принадлежали консулы, въ противоположность посланникамъ они не имѣютъ привилегіи вѣзельности, хотя, конечно, на сколько необходимо для безпрепятственнаго исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей, пользуются уваженіемъ и даже содѣйствіемъ со стороны мѣстныхъ властей, и особенно канцеляріи и корреспонденціи консуловъ считаются непривосновенными. При этомъ на консуловъ, какъ на международныхъ органовъ извѣстнаго правительства, возлагается обязанность наблюдать за исполненіемъ трактатовъ, заключенныхъ ихъ отечествомъ съ тою страню, гдѣ находится консульство, и, въ случаѣ неисполненія, при безуспѣшности протеста, доносить о томъ мѣстному отечественному посольству; или же отечественному министерству иностр. дѣлъ; кромѣ того, консулы обязаны также дѣлать донесенія и о всѣхъ мѣропріятіяхъ территориальнаго правительства и вообще о событіяхъ могущихъ повліять на права и интересы ихъ соотечественниковъ въ данной странѣ. Но преимущественно же дѣятельность консуловъ относится непосредственно къ самимъ соотечественникамъ, находящимся въ консульскомъ округѣ, или же къ ихъ имуществу, и, какъ замѣчено, состоитъ вообще въ ихъ защитѣ и покровительствѣ. Такимъ образомъ, консулъ сообщаетъ соотечественникамъ необходимыя для нихъ мѣстныя свѣдѣнія; ходатайствуетъ за нихъ передъ мѣстнымъ правительствомъ; оказываетъ помощь бѣднымъ соотечественникамъ и заботится о препровожденіи ихъ на родину; въ случаѣ смерти соотечественника принимаетъ мѣры къ охраненію оставшагося послѣ него имуще-

(1) Первое указаніе собственно о русскихъ консулахъ встрѣчается при Петрѣ Великомъ — именно въ ст. VIII трактата Россіи съ Персією 1717 г. Регламентъ Коммерцъ-Коллегіи 1719 г., въ ст. XIII, говоритъ о консульствахъ, какъ объ учреженіи уже существующемъ, и подчиняетъ ихъ этой коллегіи. См. Полн. Собр. Зак. № № 3097 и 3318. — Нынѣ дѣйствующій русскій Консульскій Уставъ изданъ въ 1838 году.

ства, вызываетъ наследниковъ и назначаетъ опеку надъ малолѣтними сиротами; ведетъ списки о происходящихъ въ консульскомъ округѣ случаяхъ рожденія, бракосочетанія и смерти соотечественниковъ и выдаетъ изъ этихъ списковъ удостовѣрительныя копіи; визируетъ паспорта; завѣдуетъ также и нотаріальною частью относительно гражданскихъ дѣлъ, долженствующихъ получить силу въ отечествѣ консула; и, наконецъ, въ особенности, относительно отечественныхъ коммерческихъ судовъ, находящихся въ консульскомъ портѣ, завѣдуетъ вообще, на основаніи трактатовъ и международныхъ обычаевъ, судоходною полиціей съ правомъ быть посредникомъ и даже, въ нѣкоторой степени, какъ-бы мировымъ судьей, въ случаѣ неважныхъ взаимныхъ споровъ между лицами, принадлежащими къ экипажу судна. Но, по общему правилу, принадлежавшая консуламъ въ средніе вѣка повсемѣстно, судебная власть надъ соотечественниками въ новое время уже изъята изъ ихъ вѣдомства, на исключеніемъ лишь добровольнаго или третейскаго разбирательства по имущественнымъ спорамъ, и принадлежитъ мѣстнымъ иностраннымъ судамъ, причемъ консуламъ вмѣняется только въ обязанность заботиться о томъ, чтобы веденіе процесса ихъ соотечественниковъ въ иностранномъ судѣ происходило правильно и безпристрастно (1). Однакоже, и по настоящее время консульства образованныхъ государствъ на Востока и вообще въ нехристіанскихъ странахъ существенно отличаются, по своему положенію, отъ консульствъ въ самихъ образованныхъ государствахъ. Отсутствіе достаточно прочной, правильно-устроенной администраціи и правильного судопроизводства, и съ другой стороны національныя предубѣжденія и фанатизмъ мѣстнаго населенія — все это и доселѣ дѣлаетъ положеніе иностранцевъ въ означенныхъ странахъ весьма необезпеченнымъ, а потому, посредствомъ многочисленныхъ трактатовъ, образованныя правительства и позаботились вообще о совершенномъ изъятіи своихъ подданныхъ, находящихся тамъ, изъ-подъ подчиненія мѣстнымъ властямъ, и выговорили для своихъ консу-

(1) *Bluntschli, Völkerrecht, 1872, S. 155—64, §§ 244—271.* — Специальное сочиненіе на русскомъ языкѣ *Д. Наумова, Консульское право Европы и Америки. М. 1856; см. особ. введен., стр. XXXVII—XLI.*

ловъ,—какъ это было, на основаніи капитуляцій, въ мусульманскихъ владѣніяхъ и въ средніе вѣка,—весьма обширныя полномочія. Такимъ образомъ, европейскіе и американскіе консулы въ нехристіанскихъ странахъ и теперь еще имѣютъ почти такія же и политическія прерогативы, какъ и посланники, а въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, какъ частнымъ лицамъ, въ предѣлахъ своего округа, кромѣ вышеозначенныхъ административныхъ функций, принадлежащихъ консуламъ повсемѣстно, они завѣдуютъ также, въ качествѣ первой инстанціи, и судебною властью, подъ апелляціей высшихъ судовъ метрополи. При этомъ юрисдикція консуловъ распространяется здѣсь какъ на гражданскія, такъ и на уголовныя дѣла, не исключая даже и смѣшанныхъ процессовъ, т. е. такихъ дѣлъ, въ которыхъ вмѣстѣ, съ соотечественниками консула участвуютъ также и иностранцы другихъ націй, или же даже и сами туземные подданные (⁴). Вообще, какъ это видно изъ всего сказаннаго,

(⁴) Само собою разумѣется, что существованіе судебной власти консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ производитъ въ нихъ весьма странное, ненормальное явленіе. Въ одной и той же странѣ и нерѣдко даже въ отношеніи однихъ и тѣхъ же лицъ,—такъ какъ подсудность обуславливается обыкновенно національностью отвѣтника или подсудимаго,—въ этихъ государствахъ является самая разнообразная юрисдикція, которая къ тому же не опредѣлена съ надлежащею точностью и вслѣдствіе національнаго пристрастія какъ со стороны мѣстнаго правительства, такъ и самихъ консуловъ, неизбѣжно ведетъ къ различнымъ замѣшательствамъ и злоупотребленіямъ. Вотъ почему, на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., когда, какъ извѣстно, была признана международная полноправность Турціи, уполномоченный этой державы возбудилъ вопросъ и объ отмѣнѣ капитуляцій, или объ отмѣнѣ основанной на нихъ, въ предѣлахъ Оттоманской Порты, консульской юрисдикціи, какъ такого явленія, которое уже логически не соотвѣтствуетъ новому признанному за Турціей международному положенію. Но хотя предложеніе это было принято конгрессомъ дов. сочувственно, однакоже конгрессъ, весьма благородно, осуществленіе предложенія поставилъ въ зависимость отъ дѣйствительныхъ успѣховъ Турціи въ области ея внутреннихъ преобразованій,—и на этомъ основаніи, по протоколу 18/31 марта 1856 г., было обѣщано по закрытіи конгресса созвать въ Константинополь, для окончательнаго обсужденія вопроса, особую междунар. конференцію. Но такъ-какъ турецкіе судебные порядки, или правильнѣе—безпорядки все еще остаются въ первобытномъ состояніи, то не смотря на неоднократно повторявшіяся съ тѣхъ поръ ус-

имѣя главною своею задачею охраненіе правомѣрныхъ интересовъ частныхъ лицъ въ ихъ международной дѣятельности, консулы являются вслѣдствіе того весьма важными органами социальнаго международного общенія, и вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдняго возрастаетъ также и значеніе консуловъ.

Наконецъ, успѣхи правосознанія новаго времени не остались также безъ вліянія и на состояніе враждебныхъ международныхъ отношеній. Хотя войны въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій были столь же многочисленны, какъ и въ предшествовавшія историческія эпохи, и представляютъ не мало примѣровъ разнообразныхъ жестокостей, тѣмъ не менѣе, однакоже, въ то же время, подъ вліяніемъ науки, въ средѣ образованныхъ народовъ, все болѣе и болѣе, слаталось возрѣніе на войну, какъ на выраженіе необходимой обороны государствъ для защиты права, а по-

ленина домогательства Порты, капитуляціи относительно консульской юрисдикціи и до сего времени сохраняютъ въ ней полную силу. Равнымъ образомъ не состоялась еще отмѣна консульскихъ капитуляцій и въ Египтѣ, хотя египетское правительство еще въ 1867 г. представило европейскимъ державамъ проектъ организаціи смѣшанныхъ судовъ для разбирательства дѣлъ объ иностранцахъ, и проектъ этотъ былъ уже рассмотрѣнъ и, съ нѣкоторыми измѣненіями, одобренъ спеціальною междукомиссіею, засѣдашею въ Каирѣ въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 г. — О консульствахъ въ нехристіанскихъ странахъ см. вообще весьма обстоятельное и обширное спец. соч. проф. *Мартенса*. «О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ Спб. 1873». Основная и сов. справедливая мысль этого сочиненія состоитъ въ томъ, что хотя судебная власть консуловъ, сама по себѣ, составляетъ ненормальное явленіе, по на Востокѣ и вообще въ нехристіанскихъ странахъ, гдѣ цивилизація и государственныя порядки водворяются медленно, отмѣна ея пока еще невозможна, такъ какъ консульская юрисдикція служитъ здѣсь необходимою гарантіею для иностранцевъ противъ мѣстнаго фанатизма и произвола. Но для приданія этой юрисдикціи большей опредѣленности и правильности необходимо, посредствомъ новыхъ конвенцій, разъяснить и согласить между собою существующія на этотъ счетъ многочисленные трактаты и капитуляціи; а также, поднятіемъ уровня свѣдѣній, требующихъ отъ консуловъ, улучшить организацію консульствъ и, съ цѣлью восполненія пробѣловъ и неясностей, пересмотрѣть консульскіе уставы и регламенты. — Русскія узаконенія о консульствахъ на Востокѣ, къ сожалѣнію весьма неполныя, помѣщены въ Устав. Торгов., т. XI, Св. Зак.

тому и всякое военное насилие, не вызываемое действительной необходимостью, осуждалось уже общественным мнѣніемъ, какъ простое злоупотребленіе. вмѣстѣ съ этимъ, съ паденіемъ феодализма исчезли также и т. наз. частныя войны (*les guerres privées*), и вообще, мало по малу, образовалось убѣжденіе, что война, по существу своему, представляется враждебнымъ отношеніемъ лишь собственно между самими государствами и по возможности не должна нарушать права отдѣльныхъ лицъ, подданныхъ государствъ ⁽¹⁾. При этомъ смягченію военныхъ жестокостей въ новое время, до крайней мѣры въ сухопутныхъ войнахъ, значительно способствовала уже самая система постоянныхъ армій, которая, какъ извѣстно, съ XV стол., вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, стала распространяться повсемѣстно въ Европѣ и, пробудивъ во всей массѣ войска сознание о воинской чести, въ то же время повлекло за собою водвореніе дисциплины въ войскахъ ⁽²⁾. Такимъ образомъ, уже въ XVI вѣкѣ, въ отношеніи способа веденія войны (*manière de guerre*), общественное сознание дѣлало различіе между добросовѣстными и недобросовѣстными войнами—*les bonnes guerres et les mauvaises guerres*—и признавало законными только войны перваго рода, въ которыхъ предоставлялась врагу возможная пощада. Уже и тогда считалось недозволеннымъ оказывать насилие мирнымъ подданнымъ непріятеля, непринимавшимъ непосредственнаго участія въ войнѣ, и вообще всякое бесполезное опустошеніе враждебной страны ⁽³⁾. Сознаніе это, мало по малу, стало превращаться потомъ и въ дѣйствительный международный обычай, и въ особенности съ XVII стол. неприкосновенность *частныхъ лицъ и имущества во время войны* получила даже формальную санкцію во многихъ трактатахъ ⁽⁴⁾. Но однакоже и

⁽¹⁾ Слова Порталиса и Таллейрана объ этомъ см. у *Hefster'a*, *Völkerrecht*, 1867. 8. 244.

⁽²⁾ *Wheaton*, *Histoire des progrès etc.* 1853. t. I, p. 243.—*Бокль*, *Исторія цивилизаціи въ Англіи*. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Бестужева-Рюмина и Тиблена. Спб. изд. 1864 т. I, стр. 154.

⁽³⁾ *Laurent*, *Histoire*, t. X, p. 383 suiv.

⁽⁴⁾ *Martens*, *О правѣ частной собственности во время войны*. Спб. 1869, стр. 119, 129 слѣд., 174, 188.

до настоящаго времени такая непрямосновенность, въ сожалѣнію, не опредѣлена еще съ полною точностью, такъ что даже и во время послѣдней франко-германской войны, вопреки установленному обычаю, были высланы изъ предѣловъ Франціи всѣ Германцы, а прусскія войска по занятіи французскихъ провинцій обременяли мѣстное населеніе огромными реквизиціями и контрибуціями (¹). Въ особенности же права и интересы частныхъ лицъ существенно страдаютъ въ морскихъ войнахъ, гдѣ до новѣйшаго времени — именно до Парижскаго конгресса 1856 г. — кромѣ регулярнаго государственнаго флота могли участвовать также, какъ и въ средніе вѣка, по уполномочію враждующихъ правительствъ, частныя каперы, и даже и теперь еще не отмѣненъ обычай подвергать захвату, въ качествѣ призовъ, и конфисковать коммерческія суда, принадлежащія непріятельскимъ подданнымъ. Но противъ этого обычая уже высказались многія правительства и повсемѣстно происходитъ весьма дѣятельная агитація въ торговомъ сословіи (²). Затѣмъ утѣшительно замѣтить, что самыя средства вредить непріятелю во время войны, согласно международному обычаю, дозволяются теперь не безразлично. А именно здѣсь допускаются, какъ насиліе, такъ и хитрость (стратагема), но по общему правилу, лишь въ той мѣрѣ, на сколько онѣ дѣйствительно необходимы для побѣды надъ врагомъ и досколку, въ частности, насиліе не причиняетъ врагу бесполезнаго мученія, а хитрость не является вѣроломствомъ, или нарушеніемъ даннаго обѣщанія. Поэтому, наприм., особенно съ XVIII стол. уже не встрѣчается болѣе преднамѣренное изувереніе непріятелей и порицается отравленіе источниковъ для питья, убійство добровольно сдающагося врага и пр. (³). Въ этомъ

(¹) *Rolin-Jacquemyns* — *Revue de droit international et de législation comparée*. 1870. № IV, p. 672; 1872. № III, p. 503. — *Droop*, *On the relations between an invading army and the inhabitants etc.* 1871, pp. 709—710.

(²) *Mayne* съ. в. н. с., стр. 340—351. Спец. соч. *Ercole Vidari*, *Del rispetto della proprietà privata fra gli stati in guerra* 1867.

(³) *Hefter*, *Völkerrecht*, § 125 — *R Mohl*, *Ueber Völkerrechtswidrige Kriegsmittel* — *im Staatsrecht, Völkerrecht und Politik*. 1860. Bd. I. S. 765 fg.

отношеніи нельзя не указать на гуманное постановленіе собраннаго въ 1868 году, въ С.-Петербургѣ, по предложенію русскаго правительства, международной военной коммиссіи, которая опредѣлила не употреблять во время войны для выстрѣловъ противъ людей ружейныхъ разрывныхъ пуль (въсомъ менѣе 400 граммъ), начиненныхъ горючими матеріалами, оставивъ въ то же время дозволеннымъ употребленіе подобнаго рода разрывныхъ снарядовъ большаго калибра для дѣйствія противъ укрѣпленій. Особенно замѣчательны притомъ введеніе и заключительный пунктъ постановленія. Во введеніи сказано, что „успѣхи цивилизаціи должны имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе по возможности бѣдствій войны“; а въ заключеніи общано и на будущее время, въ виду усовершенствованій, какія можетъ сдѣлать наука въ системѣ вооруженія войскъ, войти также въ соглашеніе относительно употребленія или неупотребленія новаго оружія „съ цѣлью сообразованія потребностей войны съ законами человѣчности“. Слѣдовательно, если естественныя усгѣхи артиллеріи грозятъ современемъ сдѣлаться еще болѣе разрушительными и смертоносными, нежели въ настоящее время, то съ другой стороны и дипломатія уже приняла свои мѣры для удержанія этой разрушительности въ предѣлахъ дѣйствительной военной необходимости ⁽¹⁾—Относительно положенія *больныхъ и раненыхъ* во время войны еще въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются нѣсколько постановленій, которыя, по чувству гуманности, предоставляли имъ особое покровительство международнаго права. Таково именно соглашеніе 1743 года, во время войны за австрійское наслѣдство, между главнокомандующими австрійской и французской арміей, о взаимной неприкосновенности походныхъ госпиталей; а также подобныя соглашенія были заключены и въ 1759 году, въ семилѣтнюю войну, между главнокомандующими Франціи съ одной стороны и Англіи и Пруссіи съ другой, причѣмъ была уже формально выговорена взаимная обязанность воюющихъ оказывать медицинскую помощь

(1) Протоколы С. Петербургской международной коммиссіи и окончательное постановленіе ея, обращенное въ форму деклараціи, отъ 29 ноября 1868 г., см. у: *Martens-Sumner, Nouv. Rec. Génér. de Tr. t. XVIII, pp. 450—73.*

находящимся въ плѣну у нихъ больнымъ и раненымъ, принадлежащимъ ко враждебной арміи. Но эти соглашенія были въ сущности лишь временными военными картелями между предводителями войска, которыя, въ сожалѣнію, весьма рѣдко повторялись въ послѣдующихъ войнахъ. Но за то въ новѣйшее время человѣколюбивое дѣло попеченія о больныхъ и раненыхъ войнахъ возведено уже во всеобщую международную обязанность. По постановленію дипломатической Женевской конференціи отъ 10го августа 1864 года, принятому въ настоящее время почти всѣми государствами, походные лазареты и госпитали, со всѣмъ находящимся при нихъ санитарнымъ и административнымъ персоналомъ, объявлены въ военное время нейтрализованными, т. е. неприкосновенными для враждебныхъ дѣйствій; приемъ въ нихъ для пользованія долженъ быть открытъ безразлично въ отношеніи больныхъ и раненыхъ военныхъ чиновъ всѣхъ націй; къ содѣйствію для военной администраціи по уходу за больными и ранеными во время войны приглашается также и частная благотворительность, въ особенности же жители ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій мѣстностей, съ распространеніемъ и на нихъ за это возможно - полной неприкосновенности. Вторая же Женевская конференція 1868 года дѣйствіе означенныхъ постановленій распространила также и на морскія войны, провозгласивъ нейтрализованными въ военное время спасительныя лодки и вообще всѣ санитарныя и госпитальныя суда, какъ принадлежащія къ составу государственнаго флота, такъ и частныя, предназначенныя къ перевозкѣ и леченію раненыхъ (1). Вслѣдствіе этого, частная благотворительность на пользу больныхъ и раненыхъ, обнаружившаяся преимущественно еще со времени восточной войны 1853—56 гг., почти повсемѣстно организовалась теперь въ постоянныя общества, которыя и оказали уже болѣе или менѣе существенныя услуги къ облегченію участи страждущихъ во всѣхъ послѣднихъ вой-

(1) См. *G. Moynier*, Droit des gens. Etude sur la Convention de Genève pour l'amélioration du sort des militaires blessés dans les armées en campagne. 1870, pp. 37 suiv, 105—109, 123—131 etc.—См. также *Затлера*, Участь больныхъ и раненыхъ во время войны. Спб. 1868.

нахъ ⁽¹⁾.—Юридическое значеніе *военнаго плѣна* въ новое время, по существу своему, представляется совершенно противоположнымъ значенію его въ древности. Если тогда, вслѣдствіе отрицанія за врагомъ вообще всякихъ правъ, военноплѣнные могли быть убиваемы, или же по крайней мѣрѣ—какъ это и было въ большинствѣ случаевъ—были обращаемы въ рабство, то въ новое время, наоборотъ, личное достоинство человѣка уже одинаково признается за всѣми людьми, и все значеніе военнаго плѣна состоитъ лишь во временномъ лишеніи свободы извѣстнаго количества непріятельскихъ лицъ съ плѣлю ослабленія враждебной стороны. Отсюда неизбѣжный надзоръ за военноплѣнными со стороны побѣдителя ради воспрепятствованія имъ принять снова участіе въ войнѣ. Но самая степень такого надзора и вообще характеръ обращенія съ плѣнными, къ сожалѣнію, не опредѣлены еще съ достаточною точностью, такъ что даже и во время послѣднихъ войнъ обращеніе съ плѣнными было довольно различное. Напримѣръ, плѣнные французы въ Пруссіи пользовались значительными удобствами ⁽²⁾, тогда—какъ, наоборотъ, во время американскаго междоусобія, плѣнные федералистскихъ Штатовъ терпѣли у Южанъ крайнее стѣсненіе ⁽³⁾. Приэтомъ, съ прекращеніемъ частныхъ войнъ и введеніемъ постоянныхъ армій, состоящихъ на жаловань у правительствъ, исчезъ также и средневѣковой обычай освобожденія плѣнныхъ за условленный частный выкупъ; но вмѣсто того плѣнные въ новое время освобождались сперва за выкупъ уже по соглашеніямъ между самими правительствами и на счетъ государственныхъ суммъ, а потомъ, въ

⁽¹⁾ Русское «Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ» образовалось въ 1867 г. Нынѣ дѣйствующій уставъ его отъ 9 февраля 1873 г. См въ Правительственномъ Вѣстникѣ 1873 г. №№ 86, 87, 88.

⁽²⁾ Въ Берлинѣ при военномъ министерствѣ для корреспонденціи плѣнныхъ было учреждено особое бюро, принимавшее и доставлявшее имъ корреспонденцію бесплатно; а для предоставленія возможности плѣннымъ чтенія книгъ на отечественномъ языкѣ образовался частный комитетъ, вошедшій по этому поводу въ обширныя сношенія съ французскими и швейцарскими книгопродавцами и т. п. см. *Rolin-Jacquemyns—Revue de dr. intern.* 1870 N. IV, pp. 689—90.

⁽³⁾ См. *Moynier*, l. c., pp. 348—362.

особенности со второй половины XVII в., соответственно обоюдному интересу воюющих, установился обычай взаимнаго размѣна плѣнныхъ на основаніи картелей, т. е. по соглашеніямъ между командирами войскъ еще во время самой войны, причемъ выкупъ былъ употребляемъ лишь въ видѣ дополненія къ размѣну, въ случаѣ неравнобѣрнаго количества плѣнныхъ съ обѣихъ сторонѣ. Но кромѣ того, никогда не прекращался также и прекрасный обычай, ведущій свое происхожденіе еще со времени рыцарства, освобожденія плѣнныхъ на честное слово не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ—преимущественно въ отношеніи офицеровъ; тогда — какъ съ совершеннымъ прекращеніемъ войны, особенно съ конца XVIII стол., освобождались и освобождаются уже вообще все плѣнные съ обѣихъ сторонѣ, какое бы не было ихъ число ('). — Замѣтимъ еще, что хотя война и въ новое время, какъ и въ предшествовавшія эпохи, перѣдко окапчивалась т. наз. *завоеваніями*, или территориальными уступками со стороны одного государства въ пользу другого, но въ мирныхъ трактатахъ текущаго столѣтія обыкновенно включается при этомъ специальное условіе о предоставленіи жителямъ уступаемой территоріи, нежелающимъ мѣнять свое подданство, въ теченіи опредѣленнаго срока (отъ 1 до 3 лѣтъ) со времени заключенія трактата, принявъ по усмотрѣнію извѣстныхъ мѣръ къ обезпеченію своихъ мѣстныхъ интересовъ, свободно переселиться со всемъ своимъ движимымъ имуществомъ въ другія части отечественнаго государства. И кромѣ того, случалось также, что перемѣна подданства страны, какъ вслѣдствіе войны, такъ и по договорамъ мирнаго времени ставилась иногда въ зависимость отъ согласія на это со стороны самого мѣстнаго населенія, выражаемаго посредствомъ всеобщаго голосованія или плебисцита (*suffrage universel*); какъ на примѣръ, по желанію Наполеона III, это было въ отношеніи Ниццы и Савойи во время присоединенія ихъ къ Франціи въ 1860 году, а также—въ отношеніи Венеціи по случаю присоединенія ея къ Итальянскому королевству въ 1866 г., и включено въ томъ же году специальное условіе о плебисцитѣ въ

(') *Royer-Collard*, Echange des prisonniers. (Maur. Block, Dictionnaire politique, t. I. pp. 794—95) — *Wheaton*, Histoire, I, 214—15.

Пражскій мирный трактатъ между Пруссіей и Австріей по поводу присоединенія къ Пруссіи сѣвернаго Шлезвига. Но послѣднее условіе относительно плебисцита и по настоящее время не исполнено Пруссіей, и во всякомъ случаѣ обращеніе къ народному голосованію въ разрѣшеніи вопросовъ о территориальныхъ уступкахъ между государствами еще далеко нельзя считать установившимся международнымъ обычаемъ. Мало того, даже и въ теоріи юридическая основательность и цѣлесообразность этой мѣры оспаривается многими публицистами (1).

Вообще, если даже и современные войны представляють не мало жестокостей, то тѣмъ не менѣе, однакоже, состояніе войны нельзя уже считать теперь безправнымъ состояніемъ. Какъ мы уже видѣли, въ теченіи четырехъ послѣднихъ столѣтій образовывались разнообразныя обычаи и были заключаемы между государствами даже формальныя трактаты, предоставляющіе воюющимъ опредѣленныя права и возлагающіе на нихъ извѣстныя обязанности. Но только, къ сожалѣнію, трактаты подобнаго рода до повѣйшаго времени, большею частью, были заключаемы лишь между нѣсколькими отдѣльными государствами, или же—касались лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ войнѣ, что и подавало поводъ на практикѣ ко многимъ недоразумѣніямъ и злоупотребленіямъ. Вотъ почему нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ къ современному предложенію Россіи о созваніи дипломатическаго международнаго конгресса въ Брюсселѣ, который, по газетнымъ извѣстіямъ, долженъ сдѣлать уже всестороннее и общеобязательное постановленіе относительно правъ воюющихъ. Каковъ бы ни былъ успѣхъ этого конгресса, но уже самая мысль о созваніи его съ цѣлю уменьшенія бѣдствій войны вполне достойна предложившаго его гуманнаго правительства и дѣлаетъ честь нашему вѣку (2).

(1) *Rolin-Jacquemyns—Revue de droit internat.* 1872. № III, pp. 315—319.—*Holtendorff, Eroberungen und Eroberungsrecht.* 1872, S. 27—29.

(2) Недостатокъ общеобязательныхъ международныхъ трактатовъ, относящихся къ войнѣ, до послѣдняго времени былъ восполняемъ отчасти внутренними узаконеніями государствъ, издаваемыми на случай военнаго

Съ другой же стороны, одновременно съ постепеннымъ выясненіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей между самими воюющими, выяснялись также, хотя и медленнымъ путемъ и нерѣдко даже посредствомъ упорной борьбы, юридическія отношенія воюющихъ къ нейтральнымъ государствамъ и ихъ подданнымъ. Нейтральное государство, оставаясь въ мирѣ съ обѣими воюющими сторонами, вслѣдствіе того имѣетъ право на обычное уваженіе отъ нихъ къ своей неприкосновенности и какъ само оно, такъ и подданные его могутъ попрежнему поддерживать свои сношенія съ воюющими. Но ради сохраненія своего характера нейтральные обязаны, въ то же время, сохранять полное безпристрастіе въ посторонней для нихъ борьбѣ и не должны оказывать какой-либо помощи одному изъ воюющихъ вопреки интересамъ другой стороны. А отсюда необходимый контроль со стороны воюющихъ за дѣйствіями нейтральныхъ, въ особенности же на морѣ, которое, будучи свободно или открыто для всѣхъ народовъ, можетъ послужить для нейтральныхъ подданныхъ удобнымъ путемъ для доставленія воюющимъ, посредствомъ торговыхъ сношеній съ ними, средствъ подкрѣпленія. Но самый предѣлъ такого контроля со стороны воюющихъ надъ нейтральными, или вообще *права и обязанности нейтральныхъ*, въ теченіе долгаго времени, представлялись чрезвычайно спорными. Съ одной стороны воюющія государства, подстрекаемая мервантильныхъ соперничествомъ, обладая обширнымъ регулярнымъ флотомъ и давая полномочія на участіе въ морской войнѣ многочисленнымъ частнымъ каперамъ, стремились не только къ одержанію побѣды надъ врагомъ, но и къ ослабленію значенія на морѣ самихъ нейтральныхъ,—и вслѣдствіе того воюющіе ста-

времени. Изъ такихъ узаконеній, по восторженности и въ то же время краткости своего содержанія, вѣрности основнаго юридическаго взгляда и гуманности положеній, особенно замѣчательна военная инструкция Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, изданная въ руководство арміи во время междоусобной войны, въ 1863 году, подъ названіемъ: «Instructions for the Government of Armies of the United States in the field». Эта инструкция была составлена извѣстнымъ публицистомъ, американскимъ профессоромъ *Либеромъ* и утверждена тогдашнимъ президентомъ Штатовъ, Динкельномъ. Полный текстъ инструкции см. у *Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht. Anhang.

рались стѣснить до крайности сношенія послѣднихъ съ противною стороною. Такимъ образомъ, число предметовъ запрещенной для нейтральныхъ торговли, или такъ наз. контрabanды, было расширяемо воюющими до чрезвычайности, и ради удостовѣренія въ ея отсутствіи осмотръ нейтральныхъ судовъ воюющими крейсерами производился въ формѣ самого отяготительнаго обыска; состояніе блокады, въ дѣйствительности вовсе и не существующей, но лишь объявляемой воюющими по произволу, ради воспрепятствования нейтральнымъ сношеній съ извѣстными мѣстностями враждебной страны, (такъ наз. *blocus fictif* ou *sur rariet*), нерѣдко пожеланію воюющихъ распространялось на цѣлыя области и даже государства; нейтральнымъ запрещалось грузить на свои корабли непріятельскіе товары, или же и наоборотъ—складывать собственный грузъ на корабли непріятельскіе, и т. п. А за нарушение же всѣхъ этихъ произвольныхъ запрещеній, дѣлаемыхъ воюющими, нейтральные корабли со всѣмъ ихъ грузомъ, подобно кораблямъ непріятельскимъ, какъ и въ средніе вѣка, захватывались воюющими крейсерами и приводились въ ихъ національные адмиралтейскіе или призовые суды, гдѣ обыкновенно ожидала виновныхъ беспощадная конфискація⁽¹⁾. Съ другой же стороны нейтральныя государства постоянно протестовали противъ такого произвола со стороны воюющихъ, и въ то же время для большей опредѣленности были заключены почти между всѣми государствами, особенно съ XVII вѣка, многочисленные трактаты, по которымъ характеръ груза опредѣлялся обыкновенно характеромъ самого корабля, и слѣдов. корабли нейтральные хотя бы и съ непріятельскимъ грузомъ были объявлены свободными; понятіе контрabanды ограничено лишь предметами вооруженія войска и аммуниціи; осмотръ нейтральныхъ судовъ долженъ состоять лишь въ осмотрѣ корабельныхъ бумагъ; блокада, чтобы быть обязательною для нейтральныхъ, должна быть дѣйствительною и пр.⁽²⁾. Но подобныя трактаты не

(1) Указанія на относящіяся сюда суровыя распоряженія воюющихъ государствъ въ XVI, XVII и XVIII стол., сперва со стороны Голландіи и Франціи и потомъ въ особенности со стороны Англіи, см. у *Базинера*, неприкосновенность частной собственности въ морскихъ войнахъ. Одесса, 1870: стр. 8—12.

(2) Тамъ-же, стр. 14—20.

всегда помогали, и тогда нейтральные были вынуждены защищать свои права против притязаний воюющих принудительными средствами. Такъ, самый ранній примѣръ вооруженной коалиціи нейтральныхъ представили Швеція и Данія, которыя въ 1693 году заставили этою мѣрокъ Англію и Голландію отказаться отъ фиктивной блокады Франціи; равнымъ образомъ, по поводу захвата нейтральныхъ прусскихъ кораблей англійскими крейсерами въ 1745 году, Фридрихъ Вел., наложеніемъ ареста на такъ наз. Силезскій долгъ (заемъ у англійскихъ капиталистовъ, обезпеченный доходами съ Силезіи), принудилъ англійское правительство, послѣ продолжительныхъ переговоровъ и даже преній ученыхъ комиссій съ обѣихъ сторонъ, въ 1756 году освободить прусскіе корабли; и наконецъ въ семилѣтнюю войну, въ 1759 году, новая вооруженная коалиція нейтральныхъ государствъ—Россіи, Швеціи и Даніи—даже совершенно очистила Балтійское море отъ посѣщенія безчинствовавшихъ на немъ англійскихъ каперовъ⁽¹⁾.—Но особенно же энергичная борьба между нейтральными и воюющими происходила въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго XIX столѣтія. Англія была тогда на вершинѣ своего морскаго могущества и ради поддержанія его не стѣснялась никакими мѣрами, какъ въ отношеніи враговъ, такъ и противъ нейтральныхъ, и этимъ вызывала первыхъ къ репрессаліямъ, а послѣднихъ къ настоящему сопротивленію. Такъ во время войны за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Англія, въ лицѣ своего призоваго судьи, Джемса Марриота, провозгласила слѣдующія „неизмѣнныя начала“ морской войны: 1) воюющій имѣетъ право задерживать на нейтральномъ суднѣ всѣ предметы, которые ему необходимы для войны; 2) Англія, по самому географическому положенію своему, образу естественный барьеръ между Нѣмецкимъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, тѣмъ самымъ блокируетъ всѣ берега Франціи и Испаніи, и 3) права нейтральныхъ опредѣляются обычаемъ воюющихъ,—трактаты же сохраняютъ силу лишь дотолѣ, пока адмиралтейскіе судьи воюющихъ находятъ удобнымъ ихъ примѣненіе⁽²⁾. Такая

⁽¹⁾ Каченовскій, О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ, стр. 45, 51—57, 60.

⁽²⁾ Тамъ-же, стр. 62.

софистическая аргументация, очевидно, совершенно ниспровергала всякія права нейтральныхъ, отдавая ихъ въ жертву полнаго произвола Англіи, и тогда-то защитницею нейтральныхъ выступила русская Императрица, Екатерина II, съ своею знаменитою *декларациею* правъ нейтральной торговли *отъ 28 февраля 1780 года*. Въ деклараціи этой, вопреки поведенію Англіи, Императрица объявила: 1) что нейтральные корабли могутъ безпрепятственно заниматься каботажнымъ плаваніемъ отъ одного порта къ другому и вдоль береговъ воюющихъ государствъ; 2) что товары, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ, на нейтральныхъ корабляхъ должны быть свободными отъ захватовъ противника, кромѣ контрабанды; 3) что блокада, для того чтобы быть обязательною для нейтральныхъ судовъ, должна быть дѣйствительною, т. е. чтобы доступъ въ извѣстный портъ былъ дѣйствительно не возможенъ, вслѣдствіе оцѣпления порта кораблями воюющаго; и 4) что означенными началами должно руководствоваться въ призовомъ судопроизводствѣ⁽¹⁾. Къ деклараціи этой въ непродолжительномъ времени приступили всѣ нейтральные государства, обязавшись въ то же время, по специальнымъ конвенціямъ, защищать перевозимыя ею начала даже силою. Такъ произошелъ знаменитый *вооруженный нейтралитетъ*. И такъ-какъ даже и воюющія государства, Франція и Испанія, охотно согласились на признаніе началъ русской деклараціи, то волею-неволею и британское правительство, въ виду грозной коалиціи, предписало своимъ крейсерамъ не слишкомъ беспокоить нейтральныхъ, такъ-что эпоха вооруженнаго нейтралитета была самою счастливою порою въ положеніи нейтральныхъ во все теченіе XVIII вѣка⁽²⁾.—Однакоже съ наступленіемъ войнъ французской революціи права нейтральныхъ были опять забыты. Въ 1793 году, Англія, съ вѣдома союзниковъ, подъ предлогомъ подавленія революціи во Франціи, предписала своимъ крейсерамъ захватывать всѣ суда, кому бы они не принадлежали, предназначенныя во французскія гавани и

(1) *Martens*. Recueil des traitées, t. III, p. 158.

(2) *Martens*, О правѣ частной собственности во время войны, стр. 242—48.—См. также *Лешкова*, Историческое изслѣдованіе началъ нейтралитета, стр. 109—116.

нагруженные съѣстными припасами; по доставленіи же этихъ судовъ въ англійскіе порты грузъ ихъ былъ скупаемъ на счетъ англійскаго правительства. Это такъ наз. „система голода“—*système de famine*,— на которую и французскій національный конвентъ, въ видѣ репрессалій, въ томъ же году отвѣчалъ такимъ же распоряженіемъ относительно судовъ, плывущихъ въ Англію. Приэтомъ протестъ со стороны нейтральныхъ государствъ, наиболѣе страдавшихъ отъ такихъ мѣръ—Даніи, Швеціи и Американскихъ Штатовъ— не имѣлъ никакого успѣха (*). Только въ 1800 году, по конвенціямъ 10 декабря, по инициативѣ русскаго Императора, Павла I, образовался такъ наз. *второй вооруженный нейтралитетъ*, представляемый коалиціей изъ Россіи, Даніи, Швеціи и Пруссіи, и дополнившій начала нейтралитета 1780 года еще однимъ замѣчательнымъ положеніемъ, а именно—тѣмъ, что нейтральныя купеческія суда, конвоируемые военнымъ нейтральнымъ кораблемъ, должны быть свободны отъ осмотра, вслѣдствіе заявленія воюющему со стороны конвоирующаго офицера, что подъ его прикрытіемъ нѣтъ военной контрабанды (**). Однакоже, по случаю скорой затѣмы коалиціи Императора Павла, означенная коалиція нейтральныхъ государствъ, черезъ полгода по своемъ возникновеніи, уже распалась, и правила вооруженнаго нейтралитета пришли опять въ забвеніе.—Но никогда еще права нейтральныхъ не были столь понижены, какъ во время первой французской имперіи. Причемъ и здѣсь главною виновницею, или по крайней мѣрѣ зачинницею притѣсненій нейтральныхъ была опять-таки Англія. Постановленіями Королевскаго Тайнаго Совѣта (*Orders of Privy Council*) 1806 и 1807 года Англія объявила въ фиктивной блокадѣ всѣ гавани Франціи и ея союзниковъ—слѣдовательно почти всѣ берега Европы—и предписала своимъ крейсерамъ захватывать вообще всѣ корабли, нагруженные какими бы то ни было чужестранными для нихъ произведеніями и не получившіе спеціальнаго дозволенія на торговлю отъ британскаго правительства. Въ отвѣтъ на это Наполеонъ I упо-

(*) *Martens*, в. II, с., стр. 249—31.

(**) *Martens*, Recueil des tr. Suppl. II, pp. 389, 399; t. VII, pp. 172, 181, 189.

требилъ, въ видѣ репрессалии, свою знаменитую *континентальную систему*, цѣль которой заключалась вообще въ совершенномъ отчужденіи Англіи отъ всякихъ вѣнскихъ сношеній. Такъ декретомъ, издааннымъ въ Берлинѣ въ 1806 г., Наполеонъ также объявилъ всѣ берега Великобританіи въ фиктивной блокадѣ и приказалъ конфисковать всѣ произведенія ея въ предѣлахъ французскаго владычества; затѣмъ другимъ, Миланскимъ декретомъ 1807 г. вѣдно было повсемѣстно захватывать всѣ карабли, получившіе дозволеніе на торговлю отъ англійскаго правительства; а декретомъ Фонтенеблоскимъ 1810 г. всѣ англійскіе товары на европейскомъ континентѣ предписывалось подвергнуть сожженію. При этомъ Наполеонъ постоянно оговаривался, что онъ издастъ подобныя распоряженія лишь въ видѣ возмездія противъ Англіи и готовъ отступить отъ нихъ, какъ скоро сама Англія возвратится къ истиннымъ началамъ международнаго права. Но такъ-какъ Англія не измѣнила своей политики, то можно сказать вообще, что въ періодъ континентальной системы, въ 1806—14 гг., права нейтральныхъ совершенно не существовали. Дальше означеннаго въ отрицаніи ихъ уже нельзя было идти⁽¹⁾.—Но за то послѣ Вѣнскаго конгресса права нейтральныхъ, въ томъ видѣ, какъ они были провозглашены въ русской деклараціи вооруженнаго нейтралитета 1780 г., получаютъ уже повсемѣстное признаніе. Специальныя условія объ этомъ были влечены во многие торговые трактаты, заключенныя съ тѣхъ поръ почти между всеми государствами. Одна только Англія въ продолженіе долгаго времени хранила на этотъ счетъ упорное молчаніе, но она въ это время не вела уже значительныхъ морскихъ войнъ, а потому не имѣла также и случая выказать на практикѣ своего воззрѣнія. При началѣ же восточной войны въ 1854 г., сперва Франція и Англія, а вслѣдъ за тѣмъ немедленно и Россія, объявили, что онѣ признаютъ за нейтральными даже большія прага, сравнительно съ началами вооруженнаго нейтралитета. Права эти были выражены за тѣмъ въ торжественной *деклара-*

(1) О континентальной системѣ см. *Gessner'a, Droit des neutres sur mer, 1865, p. 51 suiv.*—Ср. также *Спасовича, О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза. Сиб. 1851, стр. 83—86.*

ции Парижскаго конгресса отъ 4го апрѣля 1856 года, по которой постановлено: 1) что употребленіе частныхъ ваперовъ въ морскихъ войнахъ отиъняется; 2) что нейтральный корабль дѣлаетъ свободнымъ находящійся на немъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ только военной контрабанды; 3) что и нейтральный грузъ, за исключеніемъ также военной контрабанды, не подлежитъ захвату и на непріятельскомъ кораблѣ; и наконецъ 4) что блокада, чтобы быть обязательною для нейтральныхъ, должна быть дѣйствительною, т. е. должна поддерживаться вооруженною силою воюющаго, достаточною для того, чтобы претградить доступъ къ непріятельскому берегу. Къ этой деклараціи присоединились потомъ и другія государетва, неучаствовавшія на конгрессѣ, такъ-что начала, провозглашенныя ею, относительно правъ нейтральныхъ, составляютъ теперь общепризнанныя правила международнаго права. Исключеніе представляютъ только Сѣверо-Американскіе Штаты, Испанія и Мексика; но эти государства не приняли собственно только перваго пункта Парижской деклараціи, т. е. не согласились лишь на отиъбну частнаго ваперста въ морской войнѣ⁽¹⁾.

Остается указать еще, что въ новѣйшее время правительства и народы не только заботятся о смягченіи бѣдствій войны, но стремятся также и къ тому, чтобы самое примѣненіе ея сдѣлать, по возможности, наиболѣе рѣдкимъ, предлагая государствамъ для прекращенія международныхъ споровъ обращаться предварительно къ *мирнымъ средствамъ*. Такъ, въ этомъ отношеніи, намъ уже извѣстно постановленіе Парижскаго конгресса, по которому государства, участвовавшія на этомъ конгрессѣ, объявили для себя обязательнымъ *международное посредничество*, въ случаѣ какихъ-либо споровъ съ Оттоманскою Портою, и въ то же время выразили желаніе (хотя и необязательное), чтобы и вообще всѣ международные споры, прежде нежели обратиться къ войнѣ для рѣшенія ихъ, были представляемы на посредническое обсужденіе постороннихъ государствъ, не заинтересованныхъ въ спорѣ⁽²⁾. Но это желаніе Парижскаго кон-

⁽¹⁾ *Мартенсъ*, О правѣ частной собственности во время войны, стр. 255—60.—*Качеловскій*, О ваперахъ и пр., стр. 130 слѣд.—*Ortolan*, *Regles internationales et diplomatie, de la mer*, t. II, pp. 173—74 et Appendice spécial №№ IV, V, XV, XIX.

⁽²⁾ Смъ выше, гл. I, стр. 24.

гресса, съ тѣхъ поръ какъ оно высказано, осуществлялось, однакоже, не особенно часто, быть можетъ потому, что посредничество, по самому значенію этой мѣры, какъ средство чисто добровольное, основывающее свое рѣшеніе не на строгомъ правѣ, а на взаимныхъ уступкахъ между спорящими, не представляетъ надежнаго ручательства въ дѣйствительномъ успѣхѣ прекращенія спора. Но за то въ послѣднее время довольно часто примѣняется другое мирное средство для прекращенія международныхъ споровъ—это *международный третейскій судъ*, который, хотя также и избирается сторонами добровольно, но, въ отличие отъ посредничества, постановляетъ уже обязательное для нихъ рѣшеніе⁽¹⁾. Въ особенности же этотъ способъ прекращенія международныхъ несогласій обратилъ на себя всеобщее вниманіе образованныхъ народовъ съ того времени, какъ въ 1872 году посредствомъ его былъ удачно прекращенъ многолѣтній споръ, угрожавшій весьма серьезными послѣдствіями, между двумя самыми могущественными морскими государствами, Англією и Сѣверо-Американскими Штатами, по такъ наз. Элабамскому дѣлу (*Alabama claims*)⁽²⁾. Въ ви-

(1) Перечень многочисленныхъ случаевъ новѣйшаго примѣненія междуна-роднаго третейскаго суда см. въ *Revue de droit international* 1872. № I, p. 137 et 1874. № I, p. 128 (notes).

(2) Элабамскій споръ возникъ изъ-за того, что во время междо-усобной войны въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ 1862 г., былъ построенъ, по заказу сепаратистовъ, въ одномъ изъ англійскихъ портовъ, корабль «Элабама», который, не смотря на представленія америкаскаго посланника, не былъ задержанъ англійскимъ правительствомъ и, выйдя въ море, по уполномочію сепаратистскаго правительства сталъ заниматься каперствомъ. Кромѣ того, въ то же время въ британскія гавани, какъ въ самой Англіи, такъ и особенно въ ея колоніяхъ, были допускаемы и другія сепаратистскія каперскія суда—«Флорида», «Шеландоа» и проч.,—которыя экипировались здѣсь и запасались углемъ. Все эти суда, во время своего продолжительнаго крейсерванія, нанесли громадный ущербъ національному благосостоянію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, какъ непосредственный—вслѣдствіе захвата и разрушенія федералистскихъ судовъ, такъ и особенно косвенный—распространивъ панику въ торговомъ сословіи и пренебрежя, вслѣдствіе того, застой въ торговлѣ, паденіе федеральнаго фрахта или переходъ его, подъ англійскій флагъ, возвышеніе страховой фрахтовой преміи, способствовавъ, наконецъ, предѣлю самой войны и т. под. Все это съ точностью было вычислено разсчитливыми Финк и вашингтонское прави-

ду счастливаго окончанія этого спора, во многих законодательныхъ собраніяхъ,—наприм. въ англійской палатѣ общинъ, въ палатѣ депутатовъ итальянскаго парламента, въ вашингтонскомъ сенатѣ и проч.—въ минувшемъ 1873 году было постановлено просить отечественное правительство войти въ переговоры съ другими государствами о признаніи третейскаго суда постояннымъ способомъ рѣшенія международныхъ споровъ,—и предложенія эти приняты правительствами довольно сочувственно⁽¹⁾ Кромѣ того, за международный третейскій судъ высказались также и вновь возникшія международныя ученые общества—такъ наз. „Институтъ международнаго права“ въ Гентѣ (*Institut du droit international*) и, особенно, отчасти уже утопическая по своей цѣли „Конференція реформы и кодификаціи международнаго права“ въ Брюсселѣ (*Conférence internationale pour la réforme et la codification du droit des gens*)⁽²⁾. Какъ бы то

тельство, по окончаніи войны, потребовало отъ англійскаго, за несоблюденіе послѣднимъ обязанностей нейтралитета, удовлетворенія въ 600 милліоновъ долларовъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ была, наконецъ, назначена изъ представителей обѣихъ сторонъ соединенная коммиссія въ Вашингтонѣ, которая и постановила по трактату (компромиссу) отъ 8 мая 1874 г. представить рѣшеніе спора международному третейскому суду. Судъ этотъ засѣдалъ въ Женевѣ, съ 15 дек. 1874 по 14 сент. 1875 года, и состоялъ изъ 5 арбитровъ, назначенныхъ, по одному, англійскою королевою, президентомъ Сѣв.-Амер. Штатовъ, королемъ итальянскимъ, бразильскимъ императоромъ и президентомъ Швейцарскаго Союза. Рѣшеніемъ суда Англія признана виновною и присуждена къ уплатѣ въ пользу Сѣв.-Амер. Штатовъ 15 1/2 милліоновъ долларовъ золотомъ, собственно за прямыя убытки; требованіе же Штатовъ относительно вознагражденія за косвенныя убытки было отклонено судомъ. При этомъ, хотя британскій арбитръ и не согласился съ большинствомъ и представилъ суду особое мятніе, Англія исполнила, однакоже, рѣшеніе Женевскаго международнаго трибунала, и распря ея съ Сѣв.-Амер. Штатами была, такимъ образомъ, прекращена.—*A. Rivier, L'affaire de l'Alabama et le tribunal arbitral de Genève*. Ст. въ *Bibliothèque universelle et revue suisse*. 1873. Décembre.

(1) *Revue de droit international* 1873. № IV, pp. 629—32; 1874. № I, pp. 129—30. 172—76.

(2) *Ibidem*. 1873, № IV, pp. 667 suiv. —*Law Magazine and Review*. 1873. December, pp. 1094—1102.—См. также публичную лекцію проф.

ни было, но все это, конечно, показывает, что въ современномъ обществѣ уже окончательно сложилось убѣжденіе, что если совершенное устраненіе войны и невозможно, то она, по крайней мѣрѣ, должна быть уже лишь послѣднимъ и крайнимъ средствомъ для преобразенія международныхъ споровъ, и что обращеніе къ войнѣ можетъ быть оправдываемо лишь въ случаѣ безуспѣшности другихъ, преимущественно мирныхъ средствъ, ведущихъ, по своему назначенію, къ той же цѣли

Представленный нами очеркъ историческаго развитія международныхъ отношеній приводитъ насъ къ слѣдующему общему заключенію.

Хотя международныя отношенія, въ томъ или другомъ видѣ, существовали во всѣ времена, уже вслѣдствіе самого факта совмѣстнаго и одновременнаго существованія отдѣльныхъ народовъ, однакоже въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ отношенія эти не могли получить правильнаго, юридическаго характера. Препятствіемъ тому являлись вообще грубость правовъ и ограпиченное число потребностей, религіозныя и національныя предрасудки, отсутствіе правильнаго государственнаго устройства, словомъ—вообще неразвитость или односторонность цивилизаціи, а также и основное различіе ея у отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ религіозная и національная исключительность, какъ мы видѣли, составляла неодолимую преграду для возникновенія правильныхъ международныхъ отношеній въ древности. Каждый народъ, проникнутый гордымъ сознаніемъ о своемъ превосходствѣ, считалъ тогда правоспособнымъ лишь себя самого и ко всѣмъ другимъ народамъ относился съ презрѣніемъ. Только по нравственному чувству человѣчности, а не вслѣдствіе сознанія права, оказывалась тогда нѣкоторая снисходительность въ обращеніи съ иностранцами и пощада въ отношеніи врага, и даже Римляне, народъ по преимуществу юридическій, ознаменовали свои вѣдшія сношенія лишь

Независимое слово. О новѣйшихъ проектахъ международнаго устава, въ Кіевск. Унив. Изв. 1874. № 2.

соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, сопровождавшихъ у нихъ почти каждое международное дѣйствіе, а не матеріальною справедливостію. Вообще же древніе народы или чуждались внѣшнихъ сношеній, какъ это видно въ особенности на примѣрѣ теократическихъ націй,—или же, въ лицѣ Финикіянь и Карфагенянь, а отчасти и Грековъ, стремились къ своекорыстному эксплуатированію другихъ народовъ,—или, наконецъ, стремились даже ко всемірному порабощенію. Последнее направленіе международной политики, повлекшее за собою безчисленныя войны, послужило причиною образованія и послѣдовательной смѣны другъ другомъ обширныхъ деспотій на Востокѣ и окончательно выразилось въ утвержденіи владычества Римлянъ почти надъ всѣми древними народами.

И точно также правильныхъ международныхъ отношеній не было еще и въ средніе вѣка. Правда, сравнительно съ древностію, международныя отношенія этого времени представляютъ уже значительный прогрессъ, и именно въ томъ смыслѣ, что за основаніе правоспособности народовъ признавалось теперь уже не принадлежность ихъ къ извѣстной національности, а чисто духовное начало—единство вѣроисповѣданія; но за то во взаимныхъ отношеніяхъ между иновѣрцами, какъ на примѣрѣ между магометанскими и христіанскими народами, а также и между послѣдователями различныхъ сектъ или исповѣданій одной и той же религіи, въ средніе вѣка, за немногими исключеніями, господствовала полная нетерпимость, да даже и отношенія между самими единовѣрными народами, въ это время, еще не могли быть правильными, вслѣдствіе грубости нравовъ и отсутствія прочнаго государственнаго порядка. Вотъ почему и главными проводниками международныхъ сношеній въ средніе вѣка являлись собственно не цѣлыя націи, а лишь отдѣльныя европейскія городскія общины, или же союзы городовъ, которые въ интересахъ торговли, какъ сами предоставляли у себя иностранцамъ различныя привилегіи, такъ и выговаривали, посредствомъ трактатовъ, и для своихъ согражданъ за границей, даже и въ магометанскихъ странахъ, подобное же положеніе.

Но вотъ въ XVI и XVII стол. въ бытѣ западно-европейскихъ христіанскихъ народовъ совершается весьма важный переворотъ. Паденіе феодализма и религіоз-

ная реформація въ это время повлекли за собою паденіе и общехристіанскаго значенія какъ римскаго первосвященника, такъ и германскаго императора, и вмѣстѣ съ усиленіемъ монархической власти содѣйствовали образованію отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ. Государства эти были признаны взаимно равноправными, уже независимо отъ различія вѣроисповѣданія, и вслѣдствіе успѣховъ цивилизаціи и развитія потребностей жизни, какъ сами они, такъ и ихъ подданные вступили между собою уже въ постоянныя и правильныя сношенія. Такимъ образомъ, изъ совокупности западно—европейскихъ государствъ образовалась тогда уже высшая форма общежитія—международный союзъ, въ составъ котораго въ началѣ XVIII стол., въ качествѣ полноправнаго члена, вступила и Россія, а затѣмъ, по времени ихъ возникновенія, и американскія христіанскія государства. Союзъ этотъ, какъ и всякая другая форма человѣческаго общежитія, имѣетъ свои законы—международное право,—и видимымъ выраженіемъ существованія союза являются международныя конгрессы и конференціи, которые со времени Вестфальскаго конгресса, или съ половины XVII в. и по настоящее время собирались довольно часто и имѣли своєю задачею вообще устройство, по взаимному соглашенію государствъ, международнаго порядка. Въ послѣднее же время усиливаются также сношенія образованныхъ государствъ и съ народами другихъ цивилизацій, кромѣ христіанской, хотя эти народы, по недостаточному ознакомленію ихъ съ европейскою гражданственностью, и нельзя еще считать—разумѣется, за исключеніемъ Турціи, въ силу формальнаго постановленія о ней Парижскаго конгресса—полноправными членами международнаго союза. И вмѣстѣ съ этимъ, какъ вслѣдствіе постепеннаго образованія болѣе правильныхъ и гуманныхъ обычаевъ, такъ и на основаніи многочисленныхъ формальныхъ соглашеній между государствами, или трактатовъ, по мѣрѣ развитія правосознанія народовъ, и самыя нормы международныхъ сношеній, т. е. международное право, въ теченіи четырехъ послѣднихъ столѣтій все болѣе и болѣе совершенствуются. Безспорно, что и по настоящее время это право содержитъ въ своихъ опредѣленіяхъ, еще много недостатковъ, но оно, по крайней мѣрѣ, постепенно становится болѣе точнымъ, и имѣя своєю задачею способствовать всеобщему благосостоянію народовъ, посредствомъ

водворенія всемірнаго юридическаго порядка, въ поступательномъ развитіи своемъ, стремится вообще къ тому, какъ это замѣтилъ еще Монтескье, чтобы „націи во время мира, насколько это возможно для нихъ безъ вреда для собственныхъ правъ и интересовъ, оказывали другъ другу наиболѣе добра и во время войны наименѣе зла“⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Le droit des gens est naturellement fondé sur ce principe, que les diverses nations doivent se faire dans la paix le plus de bien, et dans la guerre le moins de mal qu'il est possible, sans nuire à leurs véritables intérêts. *Montesquieu*, *Esprit des lois*, liv. I, chap. 3.

Главные опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
8	11 сверху	вслѣдствіе такой же необходимости	такъ и сами государства, вслѣдствіе такой же необходимости
9	8 —	Числами	Членами
12	4 —	выражаетъ	выражается
33	16 —	также	такое
35	11 —	однозначущее	однозначущи
45	10 —	нормальнымъ	анормальнымъ
47	20 —	прекращенія	прекращенія
52 примѣч. 1, 8	—	или	ими
55	20 —	землевладѣльцевъ	земледѣльцевъ
» примѣч. 2, 4	—	<i>Leiseteur</i>	<i>Loiseteur</i>
56	7-8 снизу.	перевязанные по рукамъ въ цѣпи	перевязанные вмѣстѣ веревкой за шею и закованные по рукамъ въ цѣпи.
57	9 —	снѣ	имъ
» примѣч. 5, 1	—	Богомъ своимъ.	Богомъ вашимъ.
59	6 сверху	<i>Valentia</i>	<i>Babylonia</i>
65	13 —	обращавшимся	образовавшимся
»	14 —	<i>prokinii</i>	<i>prosenim</i>
70	1 —	на чувствѣ	а на чувствѣ
» примѣч. 1, 4	снизу	совершенномъ смыслѣ	современномъ смыслѣ
71	1 сверху	обѣ	себѣ
75	8 —	<i>rupoli</i>	<i>rupuli</i>
»	» —	дѣломъ	дѣлалъ
77 примѣчаніе		<i>Instr.</i>	<i>Instit.</i>
89 примѣч. 5, 1	снизу	отвода	повода
93	1 —	приходили	приводили
97	2 —	кораблекрушеніе	кораблекрушеніе
99	6 —	не охраняли	и сохраняли
100 примѣч. 1, 1	снизу	60ъ	Объ
106 примѣч. 1, 3	—	1853 года	1353 года
129 примѣч. 2, 2	—	<i>Broter's</i>	<i>Brater's</i>
130	14 —	ихъ	изъ
131 примѣч. 4, 2	сверху	1722 г.	1792 г.
134 примѣч. 1, 2	—	<i>Flaspon</i>	<i>Flasgan</i>
»	1 снизу	заповѣдями	заповѣдями
135 примѣч. 1, 1	сверху	<i>Zaleski</i>	<i>Zalecki</i>
136	9 —	послѣдующихъ.	послѣдующихъ конгрессовъ.
155	4 снизу	самого храненія	самосохраненія
167	6 —	<i>saffrage</i>	<i>suffrage.</i>